

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 3 2020 г.

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Лупарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ

Ответственный секретарь:

Швец А.В., кандидат юридических наук, КубГУ

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Боннер А.Т., доктор юридических наук, профессор МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Гусев А.В., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Дзидзов Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Добробаба М.Б., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГАУ им. И.Т. Трубилина

Киреева Е.Ю., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Мешико Г., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Нгуэн Х.К., доктор права, доцент, Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика

Вьетнам)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

Позднышов А.Н., доктор юридических наук, профессор, РГЭУ (РИНХ)

Прапиестис И., доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пиц А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А., доктор юридических наук, профессор, РГУП

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Семенов В.А., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Срето Н., доктор права, профессор (Республика Сербия)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Щеникова Л.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, профессор, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493 ISSN: 2078-5836.

Digital object identifier (DOI): <http://doi.org/10.31429/20785836>.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Миннауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Адрес редакции:

350000 г. Краснодар, ул. Раппопортская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать

Усл. печ. л. 4,7. Тираж 100 экз. Заказ №

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2020.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА;

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

**ВОСТОЧНАЯ ДЕСПОТИЯ В СТРАНАХ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА:
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И
ГОСУДАРСТВА**

**EASTERN DESPOTISM IN THE COUNTRIES OF THE ANCIENT EAST:
ON THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN SOCIETY AND THE
STATE**

Адыгезалова Г.Э.

*доктор юридических наук, доцент
заведующая кафедрой конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
<https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>*

Adygezalova G.E.

*Doctor of Law, Associate professor
Chief of Constitutional and municipal law department
Kuban state University*

Аннотация: Традиционно выделяются три основные формы возникновения государства: афинская, римская и германская. Все они имеют различные катализаторы, способствовавшие выделению публичной власти в социуме. В марксистской концепции обосновывается особый способ возникновения государства в странах Древнего Востока. Это прежде всего Древний Вавилон, Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай. Согласно формационному подходу, определяющая роль отводилась «азиатскому способу производства», который в качестве базиса обусловил ряд особенностей древневосточного общества и государства. В статье сделана попытка выделения основных черт общественного и государственного строя стран Древнего Востока на основе исследований, проведенных в историко-правовой науке, а также определения проблемы взаимодействия общества и государства, соотношения обеспеченных государством интересов на ранних этапах развития государственно-правовых институтов.

Ключевые слова: восточная деспотия, ирригационные сооружения, азиатский способ производства, этатизм, ирригационное государство, общественный строй, государственный строй, собственность, власть, общественный интерес, государственный интерес.

Annotation: Traditionally, there are three main forms of the emergence of the state: Athenian, Roman and German. All of them have different catalysts that contributed to the allocation of public power in society. The Marxist concept substantiates a special way of the emergence of the state in the countries of the Ancient East. These are, first of all, Ancient Babylon, Ancient Egypt, Ancient India, Ancient China. According to the formational approach, the decisive role was assigned to the "Asian mode of production", which, as a basis, determined a number of features of the ancient Eastern society and state. The article makes an attempt to highlight the main features of the social and state system of the countries of the Ancient East on the basis of research carried out in historical and legal science, as well as defining the problem of interaction between society and the state, the correlation of interests secured by the state at the early stages of development of state legal institutions.

Keywords: oriental despotism, irrigation facilities, Asian mode of production, etatism, irrigation state, social system, political system, property, power, public interest, state interest.

Понятие «Восток» в исторической науке используется прежде всего не в географическом, а в историко-культурном смысле. Такие

социальные и политические институты, как государство и право, со времени появления античных государств в первом тысячелетии до

нашей эры стали причиной противопоставления «Восток-Запад».

Это два различных пути цивилизационного развития: на Западе частнособственнические отношения были определяющим фактором развития, на Востоке же они не играли такой роли. Политические и правовые институты Востока отличались неизменностью (иногда даже стагнацией) и не способствовали развитию демократии, общественного самоуправления, прав и свобод отдельного гражданина, гарантий частных прав и интересов индивида.

Древнейшие государства сложились на обширной территории Азии, которая на западе была представлена Египтом, а на востоке – Китаем. Восток в древности был представлен следующими государствами: Древний Египет, Древний Вавилон, Древняя Индия, Древний Китай и др. А период охватывает с IV по I тысячелетия до н.э. Четких временных границ не устанавливается, они условны и древневосточный период может рассматриваться вплоть до установления феодального строя в первые века н.э. в Индии и Китае.

Формационная теория К. Маркса и Ф. Энгельса, в которой традиционно развитие идет по линии рабовладение-феодализм-капитализм-социализм, содержит термин «азиатский способ производства» (в отличие от сталинской версии). Как отмечает А.Б. Венгеров, азиатский способ производства наибольшего расцвета достиг в древневосточных цивилизациях, хотя многие его черты сохранились и сейчас (в Азии, Африке, Латинской Америке, странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР). Это своеобразная система земледельческих общин, объединенных государством, базис которого составляет общинная собственность на землю и коллективный труд. Государство формировалось изначально, как верховный собственник природных ресурсов, являвшихся основным средством производства, устанавливая натуральные налоги и сборы. В результате не классы создавали государство, а государство создавало господствующий класс чиновников. Если в античной Европе общество в лице крупных частных собственников использовало государство, как орудие управления, то на Востоке государство стояло над всем населением страны. Оно лишало население частной собственности и носило деспотический характер. По мнению Карла Августа Виттфогеля, Маркс и

Энгельс отказались от понятия «азиатский способ производства» из-за того, что «оно могло натолкнуть на мысль о неизбежности деспотизма при социализме, поскольку он предполагает отсутствие частной собственности на средства производства, и в первую очередь на землю, что на Востоке послужило экономической базой тирании государства по отношению к обществу»¹.

В строе древневосточного общества можно выделить два противоположных полюса: система более или менее замкнутых и разрозненных сельских общин и централизованная государственная администрация («восточная деспотия»), стоящая над этими общинами, управляющая ими и взимающая с них доход, использующая и распределяющая результаты общинного труда. Такое противостояние общества и государства, добровольное подчинение общества сильному государству, безграничное признание верховенства суверена – отличительная черта стран Древнего Востока.

Соглашаясь с идеями известного историка Л.С. Васильева, к особенностям общественного строя стран Древнего Востока можно отнести следующие:

1) Строительство и функционирование сложных ирригационных систем, что обусловлено географическими и климатическими условиями. Это сплачивало людей и обеспечивало длительное сохранение сельской общины.

2) Преобладание коллективизма над индивидуализмом, невыделенность индивида из коллектива. С одной стороны, именно это препятствовало полному произволу властей, вводя его в определенные рамки, соответствовавшие издревле установившимся нормам обычного права, тем самым традициям, которые санкционировались и освящались религией, а в дальнейшем стали обеспечиваться публичной властью. С другой стороны, это вело к тому, что выделившийся из коллектива индивид, прежде всего богатый собственник, не имел никаких специально оговоренных и тем более юридически закрепленных прав и свобод, правовых гарантий для своей деятельности и просто для своего существования.

Хотя связи и престиж не могли не играть определенную роль, в целом борьба собственника с представителями власти никогда не было борьбой равных. Американский исследователь Дж.Г. Грэй, отмечавший

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: ОМЕГА-Л, 2005. С.108.

существование в Китае множества законов о роскоши, считал главным причиной этого стремление бережно обращаться с ресурсами в условиях, когда население быстро растет, а земли не справляются с тем, чтобы дать необходимый минимум урожая². Вероятно, осознание необходимости рационального использования ресурсов также способствовало утверждению идей коллективизма, обозначению интереса экономии ресурсов как одного из главных государственных (публичных) интересов, а не только общественных.

3) Преобладание коллективизма не позволяло в полной мере обеспечивать индивидуальные интересы, которые находились внизу иерархии защищаемых государством интересов. Таким образом, ущемленность правового положения частных собственников выступает в качестве следующей характерной черты древневосточного общества. Собственники в Древнем Востоке, прежде всего торговцы, могли обладать сказочными богатствами, но они предпочитали их просто накапливать, проживать либо вкладывать в землю, сдаваемую в аренду. Все это тормозило экономическое развитие, способствовало в дальнейшем длительному сохранению феодальных порядков, которые не позволяли перейти к капитализму, опирающемуся на частную собственность, юридическое равенство и на стремление постоянного извлечения прибыли. Таким образом, практически до XIX- XX вв. на Востоке не было условий для превращения богатства в капитал, т.е. для зарождения капитализма. В результате вполне закономерным стал факт возникновения капитализма не на богатом Востоке, а в Европе, обогатившейся в период становления многих европейских государств за счет морских и крестовых походов, завоевания и ограбления других народов и превратившей в дальнейшем захваченные богатства в капитал.

4) Другой чертой древневосточных общества можно назвать корпоративность, когда основу общества составляют не отдельные индивиды, а их объединения, устойчивые и сплоченные социальные группы. Речь идет о многочисленных вертикальных перегородках, о множестве корпораций, т.е. кланов, каст, сект, землячеств, общин, цехов и т.д., составлявших общество и включавших в себя бедных и богатых, простолюдинов и высокопоставленных, властимущих и стоящих вне общества слуг и рабов.

Такая система замкнутых корпораций с максимально низкой социальной мобильностью играла заметную роль во всех странах Древнего Востока. Ее социальная функция заключалась в объединении индивидов в рамки коллектива и в противопоставлении этого коллектива (корпорации) государственному деспотизму. То есть, поставив во главу угла публичные и общественные интересы, подчинившись государству, передав ему значительную часть прав и возложив на него ответственность за свое выживание, индивиды, сплоченные на местах в группы, понимали необходимость ограничения государственного всепачия. Это способствовало укреплению корпоративных связей.

5) Еще одной специфической чертой структуры древневосточного социума являются мало выраженные классовые противоречия. Принадлежность к замкнутой социальной группе (касте, варне и др.) изначально была связана с родом деятельности человека, с его профессией. Даже если в случае накопления богатств в руках одного собственника, происходило его возвышение, оно неизменно гасилось более сильными корпоративными связями, которые не позволяли классовым противоречиям достигать своего апогея. Таким образом, принадлежность к одной замкнутой социальной группе людей разного достатка заставляла их прежде всего чувствовать свою принадлежность к этой группе, а не стремиться к объединению с индивидами, близкими по имущественному признаку, но из другой группы.

Осознание себя как части общности, группы было обусловлено тем, что выделившийся из общества индивид, наделенный большей имущественной самостоятельностью, рассматривался как уважаемый член группы, который способствовал выживанию всей этой группы. Родственные, а затем и клановые, общинные, цеховые и другие связи были в приоритете, способствовали деиндивидуализации личности.

Важнейшей особенностью государственного строя и политической системы стран Древнего Востока является существование там «восточной деспотии», основными чертами которой выступают следующие:

- Лидер государства концентрировал в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть.

- Глава государства являлся носителем высшей светской и духовной власти, т.е. восточный деспот являлся, как правило, теократическим (тео-бог, кратос-власть)

² Грэй Дж.Г. История Древнего Китая. М., 2006.

монархом (и главой государства, и верховным жрецом господствующей религии).

- Лидер государства был не только носителем верховной власти, сувереном, но и верховным и единственным собственником (явление, которое не было характерным для Европы). Традиционной стала власть-собственность, которая ограничивала частную собственность. Восточный деспот осуществлял по отношению ко всему обществу функцию «связующего единства».

- Функционировал разветвленный, мощный бюрократический аппарат государства, в котором выделялись три основных ведомства: военное, финансовое, общественных работ. Существование последнего было вызвано особенностями климата, географии и религиозного культа (погребение и строительство пирамид в Египте, например).

- Древневосточное общество отличалось системой «поголовного рабства», т.е. по сути отсутствовали начала индивидуализма, человек воспринимался, как часть социума, выполнял возложенную на него функцию, не имея частных правовых гарантий. По отношению к восточному деспоту все были слугами и рабами, все должны были служить единому суверену. Объем прав отдельного индивида определялся не только принадлежностью к социальной группе, но и объемом властных полномочий.

Карл Август Виттфогель (1896-1988 гг.) – известный социолог, который учился в Лейпцигском университете, получил степень во Франкфуртском университете, а в период репрессий в Германии эмигрировал в США, глубоко исследовал историю Древнего Китая. Он использовал термин «азиатский способ производства», введенный К. Марксом и Ф. Энгельсом. В своей работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тоталитарной власти» (1957 г.) он проанализировал восточные деспотии и обозначил значимость ирригационных (оросительных сооружений) для возникновения государства в Древнем Востоке. При этом он отмечал сходство деспотических режимов Древнего Востока с коммунистической политической системой СССР и нацистской системой Германии. Главное сходство автор видел в наличии сильного аппарата государства, который тотально контролирует общество, подавляет индивидуалистические и частно-собственнические начала. Факторы, которые

приводят к этому (география, климат, социальные или политические условия), являются частностью, они могут быть различными в разные периоды и в разных обществах. Главной чертой является тотальный контроль государства над обществом³, коллектива над личностью.

Таким образом, восточное общество опирается не на отношения собственности, а на деспотическое государство. Древневосточные общества Виттфогель называет «гидравлическими» (или «иригационными»). Возникновение государства здесь обусловлено климатом, который препятствовал развитию земледельческого хозяйства. Трудности ведения хозяйства требовали организации коллективных работ, что привело к развитию бюрократического аппарата, а в итоге – к формированию деспотичного государства, довлеющего над обществом. В результате так как главный фактор, на который не мог влиять человек – это вода, появилось «гидравлическое государство». Необходимость осуществления работ привело к появлению ведомств по организации и управлению общественными работами, а необходимость следить за климатическими изменениями, календарем, делать астрономические наблюдения приводят к возвышению жрецов (в Древнем Египте и Китае, например, жрецы одновременно управляли и коллективными работами). Все это стало причиной широкого использования принудительного труда для возведения храмов, гробниц, оборонительных сооружений (например, Великая китайская стена, египетские пирамиды). Возникновению крупных собственников препятствовало и наследование в равных долях.

К гидравлическому государству не приходили общества с другим типом хозяйствования – дождевое земледелие, охота, собирательство, скотоводство. Их вытесняли гидравлические государства. В этом случае гидравлические институты переносились в страны, где ирригация не имела особого значения. Такие общества Виттфогель называл «маргинальными». Это, например, Византия, послемонгольская Россия (хотя здесь ирригация не практиковалась), Китай (в период кочевой Киданьской империи Ляо 907-1125 гг. н.э.). Также ученый выделял субмаргинальную зону, где государства имеют отдельные черты гидравлического устройства при отсутствии

³ Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957. P. 49-100.

древневосточного базиса. Это, например, крито-микенская цивилизация, Древний Рим в ранний период, Япония (ирригация была, но развивалась на местном уровне, крестьянскими общинами), Киевская Русь. Соответственно, автор считал, что гидравлическая надстройка (государственно-правовые институты) может переноситься на общества, где нет гидравлического базиса (Китай в период империи Ляо, Монгольская империя, Россия). Ответа на вопрос, почему деспотизм не развился в Японии, более близкой Китаю, Виттфогель не дает, но в отличие от марксистов отмечает роль не только географических и климатических, экономических факторов, но и культурных, считая, что ряд обществ отвергли ирригационный способ производства, стремясь сохранить свободы⁴. Представляется, что особенности общественного сознания народов, проживающих в странах Древнего Востока, их психология сыграли особую роль в возвышении государства над обществом.

Таким образом, общими чертами всех древневосточных государств выступают: особая роль географических и климатических факторов в возникновении государства, длительное существование патриархального рабства, неразвитость частной собственности на землю и устойчивость соседской общины, черты восточной деспотии с сильной монархической властью. Индия и Египет имели сходный климат, были отрезаны от мира, образовывали более замкнутые и изолированные географические районы. Общим являлось то, что базисом выступала общинная, коллективная собственность, владение необходимым ресурсом давала власть, в результате чего и появился феномен власть-собственность. Коллектив представляет глава государства – верховный суверен, носитель высшей власти и главный собственник. Он имеет право на изъятие избыточного продукта и его перераспределения (редистрибуция).

В государствах Древнего Востока тем не менее, проявлялись и некоторые различия. Крайние позиции в соотношении общества и государства можно отметить в Древнем Египте и Древней Индии. Так, в Египте была необходима более строгая система контроля над сельскохозяйственным процессом, поэтому община раньше и в большей степени была подавлена централизованно-государственной,

храмовой системой хозяйствования. В Древней Индии сложившаяся варно-кастовая система хозяйствования обеспечивала большую прочность общины, которая отличалась саморегулируемыми началами, способна была функционировать без бюрократического разветвленного государственного аппарата. В Древнем Вавилоне и в Древнем Китае было более гармоничное сочетание общинного и государственного хозяйствования⁵. Но каковы бы ни были особенности, все древневосточные государства имели общую модель хозяйствования, возникновения и построения государственного аппарата, когда все земледельцы владеют землей и иными ресурсами, но верховным собственником, который распоряжается ресурсом выступает государство (в лице представителей власти, аппарата, который существует за счет изъятых избыточного продукта).

Как отмечал Л.С. Васильев, выработанные веками корпоративные связи были закреплены традициями и освящены религией, они способствовали формированию идеологии коллективизма, заложили основу не только общественного строя, но и государственного строя и правовых систем, в которых именно обычаи и традиции играли особую роль. Замкнутость общественного строя обеспечивала управляемость социума и стабильность государства, которое в связи с этим не стремилось к глубинным преобразованиям. В связи с этим правовые системы древневосточных государств в основном составили правовую семью традиционного права, либо стали «гибридными», сопровождаемыми корпоративными стереотипами поведения под влиянием мифологических, религиозных и идеологических представлений⁶.

Такой способ взаимодействия государства и общества поддерживается сторонниками этатизма, обосновывающими необходимость активного участия государства во всех сферах жизни общества. Однако в случае древневосточных государств он был обусловлен не только географическими и климатическими факторами, но и тем, что общество в определенной степени само было психологически настроено на возложение значительной ответственности за жизнь индивида на государственные образования.

⁴ См.: Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957; Галеев К. Теория гидравлического государства Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 155–179.

⁵ Васильев Л.С. История Востока. В 2-х т. Т. 1. М., 1998. С. 35-38.

⁶ Небратенко Г.Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. № 5. С.10-14.

Общество не стремилось демонстрировать свою волю, которая была полностью подавлена властной верхушкой, составившей публичную власть. В схеме соотношения интересов, особое место занимали интересы в безопасности, в выживании, в сохранении ресурсов, которые превратились в публичные, государственные интересы. А социальный (общественный) интерес, который американский автор теории «юриспруденции интересов» Р. Паунд выделял наряду с индивидуальным и государственным интересом, выражался в обеспечении солидарности, сплоченности социума путем коллективного труда⁷. Утверждался незыблемый приоритет этого общего интереса над интересами

индивида и этому общему интересу должно было служить государство. Этот способ взаимоотношений между обществом и порожденным им государством, которое стоит несколько над обществом, но лишь по доброй воле самого общества, не является однозначно отрицательным явлением. Это может приводить не только к негативным факторам в виде жесткого подавления социума, индивида, замедленного развития, но и к обеспечению стабильности социальной жизни, созданию условий для мягких и плавных реформ, что требуется в определенных исторических условиях развития.

Список цитируемой литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Социология права Роско Паунда и Толкотта Парсонса. Краснодар, 2006.
2. Адыгезалова Г.Э. Социология права. Краснодар, 2009.
3. Васильев Л.С. История Востока. В 2-х т. Т. 1. М., 1998.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2005.
5. Галеев К. Теория гидравлического государства Виттфогеля и её современная критика // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 155–179.
6. Грей Дж.Г. История Древнего Китая. М., 2006.
7. Небрatenко Г.Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // Философия права. 2010. № 5. С.10-14.
8. Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957.

The list of the quoted literature:

1. Adygezalova G.E. Sociology of Law by Roscoe Pound and Talcott Parsons. Krasnodar, 2006.
2. Adygezalova G.E. Sociology of Law. Krasnodar, 2009.
3. Vasil'ev L.S. History of the East. In 2 volumes. Vol. 1. M., 1998.
4. Vengerov A.B. Theory of State and Law. M., 2005.
5. Galeev K. The theory of the hydraulic state of Wittfogel and its modern criticism // Sociological Review. 2011. T. 10. № 3. P. 155–179.
6. Grej Dzh.G. History of Ancient China. M., 2006.
7. Nebratenko G.G. The doctrine of the legal family of traditional (customary) law: current state and prospects of modernization // Philosophy of law. 2010. № 5. P. 10-14.
8. Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press, 1957.

⁷ См.: Адыгезалова Г.Э. Социология права Роско Паунда и Толкотта Парсонса. Краснодар, 2006; Адыгезалова Г.Э. Социология права. Краснодар, 2009.

**ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА,
ЕГО АСПЕКТЫ И ИХ НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**THE PRINCIPLE OF STATE RESPONSIBILITY,
ITS ASPECTS AND THEIR NORMATIVE CONSOLIDATION
IN THE LEGISLATION OF MODERN RUSSIA**

Жинкин С.А.

*доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-0291-4469>*

Zhinkin S.A.

*Doctor of Law, Associate professor
Professor of the Theory and history of state and law department
Kuban State University*

Высоцкая Л.П.

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-1824-1959>*

Vysotskaya L.P.

*Postgraduate student of the Theory and history of state and law department
Kuban State University*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты принципа ответственности государства как одного из важнейших принципов современного правового государства. Ответственность государства перед личностью в ее различных проявлениях выступает важнейшим фактором современного государственно-правового развития, важнейшим условием осуществления демократических начал и общественной активности. Поэтому основные аспекты данного принципа должны не просто получить закрепление в федеральном и региональном законодательстве современной России, но и быть снабжены механизмами своей практической реализации.

Ключевые слова: принцип, ответственность, личность, государство.

Annotation: The article considers some aspects of the principle of state responsibility as one of the most important principles of the modern legal state. The responsibility of the state to the individual in its various manifestations is the most important factor of modern state and legal development, the most important condition for the implementation of democratic principles and social activity. Therefore, the main aspects of this principle should not only be enshrined in the Federal and regional legislation of modern Russia, but also be provided with mechanisms for their practical implementation.

Keywords: principle, responsibility, personality, state.

Государство, в какой бы сфере оно ни функционировало, всегда имеет определенные обязанности перед своими гражданами – членами общества и несет ответственность за их ненадлежащее исполнение. Ответственность граждан перед государством также неотъемлема от развития любой правовой системы. Такая ответственность может быть позитивной (как ответственное отношение к чему-либо) и

негативной (как претерпевание мер юридической ответственности).

Взаимная (а нередко и совместная) ответственность государства и личности как важнейший принцип правового государства, как представляется, имеет целый ряд сфер своего проявления, а также определенную динамику. Вполне понятно и естественно поэтому, что «на каждом этапе развития общества и государства у последнего существует неодинаковый по объему

и характеру круг прав и обязанностей по отношению к обществу и гражданину, который по мере эволюции человеческой цивилизации все больше расширяется и углубляется, достигая своего апогея в социальной и других сферах»¹.

Сегодня в различных государствах и правовых системах существенную роль играет также политическая, религиозная, нравственная, корпоративная, культурная и другие разновидности ответственности государства-суверена и носителя высшей в данной стране власти, в основе которых лежит не только нарушение действующих позитивных норм, а невыполнение или недобросовестное выполнение государством своих обязательств по отношению к обществу, общественным объединениям, конкретной личности.

Как уже упоминалось, ответственность государства перед личностью может выражаться как в своем положительном варианте – как ответственное отношение государства, его органов и должностных лиц к личности, ее правам, свободам и законным интересам; так и в негативном – как ответственность перед гражданами за нарушение их прав и законных интересов, за допущенные в отношении них злоупотребления властью и иные правонарушения.

В литературе принцип взаимной ответственности государства и личности подвергся определенному исследованию². Однако термин «ответственность» в федеральном законодательстве и особенно в законодательстве субъектов Российской Федерации приобрел сегодня гораздо более широкий смысл.

Начнем с того, что целый ряд аспектов принципа ответственности закреплен в федеральной Конституции, являясь своеобразным ориентиром для регионального законодательства. Так, в преамбуле говорится об ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями³. В ст. 2 закреплено, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а в ст. 7 указывается, что политика Российского государства направлена на создание условий,

обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Важным аспектом ответственности государства перед личностью в ее позитивном варианте является закрепление его обязанности по охране прав и свобод личности. В Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) уже в ст. 2 указывается, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, в дальнейшем (ч. 1 ст. 45) закреплено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, что предполагает и ответственность государства за исполнение данного обязательства.

Существенная конкретизация последнего положения содержится в статье 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч.1); решения и действия (бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Статья 52 Конституции РФ закрепляет то, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Здесь ответственность государства регламентирована как раз в ее негативном ракурсе.

Принцип ответственности государства перед личностью конкретизирован в ряде других статей. Так, согласно ч. 2 ст. 24, органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом, а согласно ст. 41 – сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом. Согласно ст. 53 каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, в том числе, согласно ст. 42

¹ Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014. С.441.

² Петренко В.В. Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009; Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной

ответственности государства и личности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Барнаул, 2012.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 г.

Конституции РФ, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, которое может быть совершено государственными предприятиями, вооруженными силами, иными государственными структурами.

Об ответственности государства перед личностью, ее правами говорится и в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указывает, что согласно принципу субсидиарности, являющегося одним из основных принципов деятельности Европейского Суда по правам человека, защита прав и свобод человека, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней, возлагается прежде всего на органы государства»⁴.

Принцип ответственности государства, его органов и иных структур перед личностью в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ наполняется необходимой конкретикой. В частности, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» (с изменениями от 16 сентября 2010 г. № 21 и от 9 февраля 2012 г. № 3) в п. 37 закрепляет со ссылкой на статьи 151, 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, что, если распространением в средствах массовой информации сведений были нарушены личные неимущественные права либо другие нематериальные блага лица и ему был причинен моральный вред (физические или нравственные страдания), то это лицо вправе требовать компенсации данного вреда⁵. Очевидно, что в данном случае речь идет и о причинении вреда государственными средствами массовой информации. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.

№ 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» указано, что в силу ст. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. в толковании Европейского Суда по правам человека государство в лице своих органов обязано совершать действия, необходимые для эффективной защиты прав и свобод лиц, находящихся под его юрисдикцией. Здесь мы видим не только указание на соответствующую обязанность государства перед личностью, но и интересный термин «эффективная защита», который, несомненно, нуждается в смысловом наполнении, содержательной конкретизации.

В современном законодательстве субъектов Российской Федерации принцип взаимной ответственности государства и личности, в том числе в аспекте совместной ответственности государства и граждан, получил достаточно широкое закрепление. Рассмотрим это на примере законодательства субъектов Юга России. В частности, в Уставе Краснодарского края преамбула содержит формулировку «сознвая свою ответственность за социально-экономическое, политическое и культурное развитие края»⁶. В преамбуле Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. говорится о высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями⁷. Об ответственности перед прошлыми, нынешним и будущими поколениями говорится и в преамбуле Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г., там же в ст. 10 указано, что Республика Калмыкия разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира на Земле⁸.

В преамбуле Конституции Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 г. говорится об осознании ответственности за исторические судьбы государственности Ингушетии⁹.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» // Российская газета. № 145. 5 июля 2013 г.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» // Российская газета. № 132. 18 июня 2010 г.

⁶ Устав Краснодарского края (в ред. от 19 июля 2018 г.) // constitution.garant.ru./region/ustav-krasnod (дата обращения 2 сентября 2020 г.)

⁷ Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (в ред. от 31 июля 2019 г.) // docs.cntd.ru/document/804932122 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

⁸ Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. от 9 июня 2018 г.) // docs.cntd.ru/document/720705887 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

⁹ Конституция Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 г. (в ред. от 13 апреля 2016 г.) //

Иногда категория «ответственность» приобретает этнический аспект. Так, в Конституции Карачаево-Черкесской Республики уже в преамбуле обозначено два вида ответственности: перед народами многонациональной Карачаево-Черкесской Республики» и «перед нынешним и будущим поколениями»¹⁰.

Несколько по-иному разграничено два вида ответственности в Конституции Чеченской Республики от 23 марта 2003 г., где говорится о таких видах ответственности, как историческая ответственность за утверждение гражданского мира и согласия в Чеченской Республике и ответственность перед прошлым, настоящим и будущим общества и народа¹¹. Тем самым, категория ответственности связывается с обеспечением гражданского мира и согласия.

Аналогично, в преамбуле Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. говорится об ответственности за сохранение единства Дагестана, гражданского мира и согласия¹². В других региональных актах принцип ответственности также используется в его применении к единству субъекта или гражданскому согласию. Так, в преамбуле Конституции Кабардино-Балкарской Республики указывается на осознание ответственности перед народом за сохранение единства республики, гражданского мира и согласия¹³.

В ряде нормативных актов ответственность провозглашается в аспекте культуры, обеспечения культурного развития. Так, в Законе Республики Адыгея от 15 июля 1998 г. № 87 «О культуре» в ст. 4 провозглашается, что Республика Адыгея берет на себя ответственность за национально-культурное развитие адыгского народа, а в ст. 9 говорится об ответственности Республики Адыгея перед гражданами Российской Федерации за обеспечение условий для общедоступной культурной деятельности в Республике Адыгея, культурных ценностей и

благ, находящихся на территории Республики Адыгея¹⁴. В ст. 17 Закона Чеченской Республики от 26 июня 2006 г. № 8-рз «О культуре» указано, что Чеченская Республика ответственна перед гражданами за обеспечение условий для общедоступной культурной деятельности, культурных ценностей и благ¹⁵.

Составной частью принципа социальной ответственности, на наш взгляд, выступает принцип взаимной ответственности государства и личности, которая, как видно из вышеприведенных примеров, может быть и совместной, объединенной. Так, согласно п. 3 ст. 12 Конституции Республики Адыгея от 10 марта 1995 г., экономические отношения строятся на основе социального партнерства между человеком и государством, работником и работодателем, производителем и потребителем, а также на защите их прав.

Такая взаимная либо совместная ответственность является частью более обширной проблемы определения оптимальных форм взаимодействия государства и личности.

Если же говорить о негативной разновидности ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации перед личностью, то важно закрепить и в региональном законодательстве по аналогии с федеральным положением, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Такова, например, ст. 56 Конституции Кабардино-Балкарской Республики.

В литературе указывается на ряд остающихся нерешенными спорных проблем, таких как: виды ответственности государства и гражданина друг перед другом; основания ответственности; механизм гарантий их взаимной ответственности, особенно – ответственности государства перед гражданином; средства защиты гражданина от

docs.cntd.ru/document/720705885 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹⁰ Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. (в ред. от 24 марта 2016 г.) // docs.cntd.ru/document/720705884 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹¹ Конституция Чеченской Республики от 23 марта 2003 г. (в ред. от 20 июля 2018 г.) // docs.cntd.ru/document/819051373 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹² Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. (в ред. от 26 декабря 2017 г.) // docs.cntd.ru/document/802018919 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹³ Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. // docs.cntd.ru/document/720705883 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹⁴ Закон Республики Адыгея от 15 июля 1998 г. № 87 (в ред. от 28 июня 2018 г.) «О культуре» // docs.cntd.ru/document/804932442 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

¹⁵ Закон Чеченской Республики от 26 июня 2006 г. № 8-рз «О культуре» // docs.cntd.ru/document/906803133 (дата обращения – 2 сентября 2020 г.).

произвола государства и привлечения его к ответственности и др.¹⁶, которые, несомненно, ждут своего исследования и практического разрешения.

В целом, можно утверждать, что принцип ответственности государства сегодня отнюдь не сводится к доктринальному принципу «взаимной ответственности государства и личности в правовом государстве» или к ответственности за причинение лицу вреда действиями государства и его органов. Этот принцип достаточно многоаспектен и включает ответственность:

- за обеспечение баланса социальных интересов, поддержание социального мира;
- за обеспечение этнокультурной самореализации и устойчивого экономического развития;
- за рациональное расходование средств гражданского общества, выделенных

государству в качестве налогов и иных обязательных платежей;

- за социально ориентированную модель общественной организации и функционирования;

- за справедливое и эффективное разрешение социальных конфликтов и т.д.

Ответственность государства перед обществом и личностью в ее различных проявлениях выступает сегодня важнейшим фактором современного государственно-правового развития, важнейшим условием осуществления демократических начал и общественной активности. Поэтому основные аспекты данного принципа должны не просто получить единообразное и четкое закрепление в федеральном и региональном законодательстве современной России, но и быть снабжены механизмами своей практической реализации.

Список цитируемой литературы:

1. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014.
2. Петренко В.В. Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
3. Поляков С.Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.
4. Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
5. Фролов С.Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.
6. Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2012.

The list of the quoted literature:

1. Marchenko M.N. Legal state and civil society (theoretical and legal research). M., 2014.
2. Petrenko V.V. Moral and legal principles of the activities of power subjects: abstract... Candidate of Law. Saratov, 2009.
3. Polyakov S.B. The principle of mutual responsibility of the state and the individual: theoretical, legal and applied aspects: abstract... Doctor of Law Nizhny Novgorod, 2011.
4. Rauf V.M. Specifically, the legal principles of law: abstract ... Candidate of Law. Volgograd, 2004.
5. Frolov S.E. Principles of law (questions of theory and methodology: abstract ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2001.
6. Cherepanova O.S. Implementation of the principle of mutual responsibility of the state and the individual: abstract... Candidate of Law. Barnaul, 2012.

¹⁶ Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М., 2014. С.438.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ
ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СУБЪЕКТОВ РФ

SOME FEATURES OF NORMATIVE REFLECTION
OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY
IN THE MODERN LEGISLATION
OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Саликова С.В.

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-0224-0388>*

Salikova S.V.

*Postgraduate student of the Theory and history of state and law department
Kuban State University*

Аннотация: В статье затронут ряд вопросов, связанных с закреплением принципа законности в системе действующих нормативных актов субъектов Российской Федерации. Принцип законности включает целый ряд аспектов, и сегодня важно, чтобы все указанные аспекты получили технически выверенное и содержательно единообразное закрепление в системе изданных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. В связи с этим следует стремиться к единообразной доктринальной и нормативной трактовке указанных аспектов на федеральном и региональном законодательном уровнях.

Ключевые слова: принцип, законность, законодательство, субъекты РФ.

Annotation: The article touches upon a number of issues related to the consolidation of the principle of legality in the system of existing regulations of the subjects of the Russian Federation. The principle of legality includes a number of aspects, and today it is important that all these aspects receive a technically verified and meaningful uniform consolidation in the system of issued normative legal acts of the subjects of the Russian Federation. In this regard, it is necessary to strive for a uniform doctrinal and normative interpretation of these aspects at the Federal and regional legislative levels.

Keywords: principle, legality, legislation, subjects of the Russian Federation.

Законность является существенным качеством, свойством действующего в государстве права, она может дать нам определенную характеристику сущности нормативных актов как соответствующих либо не соответствующих праву в процессе их реализации. Проблема укрепления законности имеет не только правовое, но и общесоциальное значение.

Принцип законности выступает сегодня универсальным правовым началом и являет собой «требование соблюдать и исполнять предписания Конституции РФ, законов и соответствующих им иных нормативных правовых актов»¹. Если говорить иначе, под

принципом законности необходимо подразумевать прежде всего требование строгого соблюдения законов и основанных на законах, иных нормативных правовых актов, обращенное ко всем участникам общественной жизни.

Законность как важнейший и традиционный для права принцип – это идеологический критерий юридической оценки всех имеющих место общественно-политических и правовых явлений и процессов, в том числе и процесса правотворческого. Это та основа всех осуществляемых в государстве правотворческих действий, те идейные начала, которые лежат в основе деятельности субъектов правотворчества.

¹ Агарков К.Н. Юридические формы обеспечения законности в правотворчестве субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. С.16.

В литературе отмечается роль законности и в осуществлении других принципов права².

Принцип законности в своих различных аспектах стал объектом определенного внимания в отечественной литературе. В литературе обращается внимание на то, что он неразрывно связан со многими современными актуальными проблемами государства и права: с построением правового государства и развитием гражданского общества, с вопросами оптимизации правотворчества и правоприменения в федеральном центре и регионах, обеспечением эффективности правового воздействия в его различных формах и т.д.³.

Если рассматривать этот феномен в динамике, то законность есть развивающееся во времени явление, она отражает сущность принятых нормативно-правовых актов в процессе их практической реализации. Сущность же самой законности заключается в поддержании динамизма правопорядка.

Традиционная трактовка законности в отечественной юридической науке предопределялась тем, что любой нормативный правовой акт, который исходит от государства, в том числе и антигуманный, ущемляющий интересы граждан, считался «правом», правовым актом и, исходя из этого, требовал неукоснительной реализации. В современных научных трактовках, базирующихся на концепции широкого понимания права, ведется дискуссия о так называемой «правовой законности», которая характеризуется как точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований не любого принятого закона или иного нормативного правового акта, а именно правового закона всеми субъектами права.

В современной литературе стала высказываться мысль о необходимости корректировки традиционного понимания законности, сложившегося в отечественной литературе. Так, например, Е.Г. Пурахина пишет о существенном различии сложившейся в прошлом концепции формальной законности от принципа законности в правовом государстве, а «в современный период должны меняться и цели, и задачи законности, и механизм их

реализации»⁴. Этот тезис, если его принимать за основу, относится не только к федеральному уровню правовой регламентации, но и к региональному.

Сегодня важно учитывать, что состояние законности напрямую зависит от формального и содержательного качества правового регулирования, а именно: чем совершеннее и эффективнее изданное законодательство, тем более высоким становится и уровень законности в государстве, и, напротив, чем большее количество дефектов, изъянов содержательного и технического плана в системе издаваемых нормативных актов, тем больше предпосылок для нарушения законности. Однако имеется, как представляется, и обратная зависимость эффективности действующего в государстве законодательства от состояния законности, степени реализованности принципа законности.

Возникает в то же время и необходимость комплексного анализа состояния и характеристик федерального и регионального законодательства с целью обнаружения и нивелирования тех факторов, которые снижают уровень эффективности действующих законов и формируют условия и предпосылки для игнорирования самого принципа и нарушений режима законности.

Важно, что принцип законности как общеправовой принцип содержит в себе ряд аспектов, которые получили большее или меньшее закрепление в федеральном и региональном законодательстве.

В законодательстве субъектов Российской Федерации принцип законности закреплен прежде всего в конституциях и уставах. Так, согласно ст. 47 Конституции Республики Адыгея, каждый обязан соблюдать Конституцию Республики Адыгея, федеральные законы и законы Республики Адыгея, уважать права и свободы других лиц, выполнять иные установленные законом обязанности⁵. Аналогичные общие положения закреплены и в конституциях, и в уставах других субъектов РФ, например, в Уставе Ставропольского края⁶. В ст. 2 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия в более лаконичном стиле

² Винницкий И.Е., Лимонцева В.А. К вопросу о справедливости и праве // Право и образование. 2015. №6. С. 15-25.

³ См. напр.: Карташов В.М. Теория правовой системы общества. М., 2019; Кожевников С.Н. Законность: основные грани // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №2. С.40-42.

⁴ Пурахина Е.Г. Правовое законодательство – основа законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 3.

⁵ Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (в ред. от 31 июля 2019 г.) // docs.cntd.ru/document/804932122 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

⁶ Устав (Основной закон) Ставропольского края от 12 октября 1994 г. № 6-КЗ (в ред. от 11 июля 2018 г.) // docs.cntd.ru/document/461505117 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

указано, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Степное Уложение (Конституцию) Республики Калмыкия и законы⁷.

Иногда данный принцип излагается применительно ко всему субъекту Федерации, основам его функционирования, например, ст. 1 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия устанавливает, что Республика Калмыкия осуществляет свою деятельность в полном соответствии с Конституцией Российской Федерации, Степным Уложением (Конституцией) Республики Калмыкия, а также иным федеральным и республиканским законодательством. Таким образом принцип законности властно-нормативно распространяется в целом на функционирование субъекта Федерации в целом, а не только на действующих в нем участников правовых отношений либо на государственные органы.

Существенным аспектом принципа законности выступает достижение содержательного соответствия принятых нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации системе федерального законодательства по предметам совместного ведения. В частности, в Уставе Краснодарского края закреплено соответствующее предписание о таком соответствии⁸.

В ряде региональных нормативных актов законность закреплена в качестве принципа осуществления важнейшей разновидности юридической деятельности – правотворческой. В качестве примера целесообразно привести ст. 8 Закона Астраханской области от 10 апреля 2012 г. № 18/2012-ОЗ «О нормотворческой деятельности, нормативных правовых актах и иных правовых актах органов государственной власти Астраханской области»⁹.

Иногда необходимость соблюдения и исполнения регионального законодательства уточняется применительно к вопросам правотворческой компетенции. Так, в Уставе Краснодарского края указано, что

законодательство края, принятое в пределах компетенции края, обязательно для исполнения. В данном случае следует заметить, что с юридико-технической точки зрения слово «объектами» выглядит некорректным, поскольку речь идет не об объектах, а о субъектах соответствующих правовых отношений.

Интересно, что в ряде региональных нормативных актов предписана обязанность органов исполнительной власти при издании своих актов указывать, на основе и во исполнение каких законов эти акты издаются, например, в Законе Республики Ингушетия от 7 декабря 1999 г. № 29-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия»¹⁰.

Важным аспектом принципа законности является законность в деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, государственного аппарата. В законодательстве субъектов Российской Федерации о государственной гражданской службе этот аспект принципа законности получил весьма существенную конкретизацию.

Прежде всего, иногда по аналогии с федеральной Конституцией глава субъекта провозглашается гарантом законности и конституционности. Так, в Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия в ст. 26 установлено соответствующее предписание. В присяге, которую, согласно Уставу города Севастополя, приносит жителям Губернатор города Севастополя, сказано: «клянусь соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральное законодательство, Устав и законы города Севастополя...»¹¹.

Нередко конституциями или уставами субъектов закреплена ответственность глав регионов за нарушение законодательства. Так, например, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия согласно Степному Уложению (Конституции) Республики вправе в таком случае выразить недоверие Главе Республики Калмыкия.

Нередко обязанности по реализации принципа законности возлагаются региональным законодательством на исполнительную власть

⁷ Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (в ред. от 9 июня 2018 г.) // docs.cntd.ru/document/720705887 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

⁸ Устав Краснодарского края (в ред. от 19 июля 2018 г.) // constitution.garant.ru. /region /ustav-krasnod / (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

⁹ Закон Астраханской области от 10 апреля 2012 г. № 18/2012-ОЗ «О нормотворческой деятельности, нормативных правовых актах и иных правовых актах органов государственной власти

Астраханской области» // docs.cntd.ru/document/453118314 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

¹⁰ Закон Республики Ингушетия от 7 декабря 1999 г. №29-РЗ (в ред. от 3 декабря 2018 г.) «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия» // docs.cntd.ru/document/802041431 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

¹¹ Устав города Севастополя от 11 апреля 2014 г. // docs.cntd.ru/document/413801002 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

(ст. 30 уже упомянутого Степного Уложения Республики Калмыкия).

Один из аспектов конкретизации принципа законности в деятельности государственных органов – закрепление общих правовых основ функционирования государственного аппарата на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Как правило, это в определенной мере отражается в конституциях либо уставах субъектов РФ. В частности, такова ст. 17 Устава Краснодарского края.

Другим аспектом конкретизации принципа законности в деятельности государственного аппарата выступает закрепление соответствующих обязанностей государственных служащих. Так, согласно упомянутому Закону Республики Дагестан «О государственной гражданской службе Республики Дагестан» гражданские служащие, помимо прочего, обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, Конституцию Республики Дагестан, законы и иные нормативные правовые акты Республики Дагестан и обеспечивать их исполнение¹².

Несколько иначе сформулированы требования к государственным гражданским служащим в соответствующем Законе Чеченской Республики. В частности, в ст. 12 закреплено, что гражданский служащий обязан не только соблюдать федеральное и республиканское законодательство; но и соблюдать при исполнении своих должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций¹³. Как видим, в качестве требования закреплена необходимость соблюдать не только нормы объективного права, но и субъективные права и охраняемые законом интересы.

Другой существенный аспект принципа законности применительно к государственному аппарату и его функционированию – требование деятельности государственных служащих исключительно в рамках своей компетенции, в рамках компетенции соответствующего органа государственной власти. Данный аспект получил

определенное освещение в региональном законодательстве, например, в ст. 16 Закона Республики Дагестан от 12 октября 2005 г. «О государственной гражданской службе Республики Дагестан».

Одна из особенностей закрепления принципа законности в деятельности государственного аппарата в субъектах Российской Федерации в современный период – это соотнесение законности со смежными категориями, например, дисциплиной, служебной неподкупностью. Так, в ст. 54 упомянутого Закона Республики Дагестан содержится интересная дефиниция служебной дисциплины на гражданской службе. Это, как представляется, весьма полезно как с позиций юридической техники и обеспечения возможностей для правильного толкования, так и в плане реализации самого принципа законности.

Принцип законности закреплён и в региональном законодательстве, посвященном функционированию отдельных органов и структур в субъектах Российской Федерации. Так, ст. 4 Закона города Севастополя от 28 декабря 2018 г. «Об Общественной палате города Севастополя» устанавливает принцип законности как один из важных принципов деятельности Общественной палаты города Севастополя (наряду, например, с равенством прав институтов гражданского общества)¹⁴. Принцип законности получил закрепление и в региональном законодательстве, посвященном осуществлению наиболее важных региональных мероприятий. Показательно в этом плане современное законодательство субъектов о региональных референдумах. Так, в ст. 3 Закона Республики Дагестан от 29 декабря 2005 г. № 76 «О референдуме в Республике Дагестан» указано, что правовую основу назначения, подготовки и проведения референдума составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Российской Федерации, а п. 4 ст. 9 гласит, что вопросы референдума не должны противоречить федеральному законодательству¹⁵. Аналогично, в Законе Краснодарского края закреплено, что вопросы референдума Краснодарского края не

¹² Закон Республики Дагестан от 12 октября 2005 г. (в ред. от 21 июня 2019 г.) «О государственной гражданской службе Республики Дагестан» // docs.cntd.ru/document/802041771 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

¹³ Закон Чеченской Республики от 6 октября 2006 г. № 29-рз (в ред. от 9 января 2019 г.) «О государственной гражданской службе Чеченской Республики» // docs.cntd.ru/document/906801666 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

¹⁴ Закон города Севастополя от 28 декабря 2018 г. «Об Общественной палате города Севастополя» // docs.cntd.ru/document/543771832 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

¹⁵ Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2005 г. (в ред. от 17 июня 2019 г.) «О референдуме в Республике Дагестан» // docs.cntd.ru/document/802053479 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

должны противоречить законодательству Российской Федерации¹⁶.

Выражением принципа законности в нормативных актах субъектов Российской Федерации, как представляется, является положение о прямом действии региональных законов и их обязательности для применения. Так, в Законе Республики Ингушетия от 7 декабря 1999 г. № 29-РЗ «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия» указано, что законы Республики Ингушетия имеют прямое действие.

Интерес представляет то, что в ряде регионов сделана попытка не просто закрепить принцип законности, но и обосновать способы ее практического обеспечения. Так, в ранее упомянутом Законе Республики Ингушетия от 7 декабря 1999 г. «О нормативных правовых актах Республики Ингушетия» в ст. 44 получили закрепление определенные способы обеспечения

законности нормативных правовых актов Республики Ингушетия, в их числе названы: признание в установленном порядке неконституционности принятого нормативного правового акта; обжалование изданного нормативного правового акта в соответствии с порядком подчиненности и т.д.

В целом, не пытаясь охватить все аспекты отражения принципа законности в современном региональном законодательстве, в заключение отметим, что оптимизация и детализация отражения принципа законности в различных его аспектах выступает сегодня важным фактором совершенствования системы региональных нормативных актов.

Список цитируемой литературы:

1. Агарков К.Н. Юридические формы обеспечения законности в правотворчестве субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004.
2. Винницкий И.Е., Лимонцева В.А. К вопросу о справедливости и праве // Право и образование. 2015. № 6. С.15-25.
3. Карташов В.М. Теория правовой системы общества. М., 2019.
4. Кожевников С.Н. Законность: основные грани // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С.40-42.
5. Пурахина Е.Г. Правовое законодательство – основа законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.
6. Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

The list of the quoted literature:

1. Agarkov K.N. Legal forms of ensuring legality in law-making of subjects of the Russian Federation: abstract ... Candidate of Law. Orel, 2004.
2. Vinnitskiy I.E., Likonzeva V.A. To the question about justice and the law // Law and education. 2015. № 6. P. 15-25.
3. Kartashov V.M. Theory of the legal system of society. M., 2019.
4. Kozhevnikov S.N. Legality: main facets // Gaps in Russian legislation. 2016. № 2. P. 40-42.
5. Purakhina E.G. Legal legislation – the basis of legality: abstract ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2003.
6. Reuf V.M. Special-legal principles of law: abstract ... Candidate of Law. Volgograd, 2004.

¹⁶ Закон Краснодарского края от 23 июля 2003 г. (в ред. от 5 мая 2019 г.) «О референдумах в Краснодарском крае» //

docs.cntd.ru/document/461606544 (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

**ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ
МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И
МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ:
ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

**REDISTRIBUTION OF POWERS
BETWEEN THE BODIES OF STATE AUTHORITY OF THE SUBJECTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION AND
MUNICIPAL EDUCATIONS:
LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00328

Чаннов С.Е.

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой служебного и трудового права
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина –
филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
профессор кафедры таможенного, административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.
Н.Г. Чернышевского»
<https://orcid.org/0000-0002-3342-7487>*

Channov S.E.

*Doctor of Law, Professor
Chief of Service and Labor Law department
Volga Region Institute of Management P.A. Stolypin -
branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the
Russian Federation,
Professor of Customs, Administrative and Financial Law department
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky*

Аннотация: в статье анализируется институт перераспределения полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальными образованиями с позиций его воздействия на экономическую базу местного самоуправления. Автор приходит к выводу, что сама неоднозначность данного термина уже влечет возникновение определенных угроз в этой сфере. Проведенный анализ практики перераспределения демонстрирует, что в большинстве случаев перераспределение сводится к изъятию у муниципальных образований многих доходных полномочий, причем на длительные сроки и без какого-либо экономического обоснования. Автор высказывает предложение, что перераспределению полномочий должна предшествовать экономическая экспертиза, в рамках которой должны быть проанализированы экономические последствия такого перераспределения как для субъекта Российской Федерации, так и для муниципальных образований – а также изменения эффективности реализации данных полномочий - для жителей.

Ключевые слова: субъекты Российской Федерации; муниципальные образования; перераспределение полномочий; наделение полномочиями; муниципальное имущество; экономическая экспертиза.

Annotation: The article analyzes the institution of redistribution of powers between state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities from the points of view of its impact on the economic base of local self-government. The author concludes that the ambiguity of this term itself already entails the emergence of certain threats in this area. An analysis of redistribution practices shows that in most cases redistribution is reduced to the removal of many profitable powers from municipalities, for long periods and without any economic justification. The author proposes that the redistribution of powers should be preceded by an economic examination, within the framework of which the economic consequences of such redistribution should be analyzed both for the subject of the Russian Federation and for municipalities - as well as changes in the effectiveness of the implementation of these powers - for residents.

Keywords: subjects of the Russian Federation; municipal units; redistribution of powers; granting of power; municipal property; economic examination.

Экономические возможности муниципальных образований, а – как следствие – и реальность самостоятельного функционирования местного самоуправления на определенной территории напрямую зависят от имеющихся у них средств. Они же определяются двумя факторами – закрепленными за муниципальными образованиями финансовыми и материальными ресурсами, а также возложенными на них полномочиями, которые могут носить преимущественно расходный характер либо способны приносить дополнительные доходы.

Понимание важности стабильности круга решаемых на местном уровне вопросов подвигло в свое время законодателя на закрепление в ст. 18 Федерального закона » от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (далее – ФЗ-131) нормы-гарантии, императивно запрещающей изменение перечней вопросов местного значения иначе как путем внесения изменений и дополнений в указанный федеральный закон. Разумеется, стабильность (относительная, ведь в сам ФЗ-131 изменения вносятся могли и постоянно вносились) касалась только вопросов местного значения, но не полномочий по их решению, однако, все же при таком подходе органы местного самоуправления были в какой-то мере защищены от произвольного изменения их компетентностной базы на региональном уровне. Ситуация принципиально изменилась в 2014 г., когда в тот же ФЗ-131 были внесены изменения, позволяющие органам государственной власти субъектов Российской Федерации не только устанавливать конкретные вопросы местного значения определенных муниципальных образований, но и по собственному усмотрению перераспределять полномочия между собой и органами местного самоуправления (ч. 1.2 ст. 17). Аналогичные положения нашли

отражение и в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – ФЗ-184) (ч. 6.1 ст. 26.3).

Из содержания указанных норм довольно сложно сделать вывод о том – понимается ли под перераспределением движение полномочий только «снизу-вверх» (от органов местного самоуправления органам государственной власти); либо еще и «сверху вниз» (от органов государственной власти – органам местного самоуправления). Само слово «перераспределение» определяется в Толковом словаре С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова как распределение заново¹. Такое понимание термина «перераспределение» приводит к мысли о двустороннем процессе – какие-то полномочия передаются одной стороне, а какие-то – другой.

В то же время ч. 1.2 ст. 17 ФЗ-131 и ч. 6.1 ст. 26.3 ФЗ-184 содержат одинаковую норму, запрещающую передавать некоторые полномочия органов местного самоуправления органам государственной власти. Об ограничении передачи полномочий от органов государственной власти органам местного самоуправления в ней ничего не говорится. Такое «умолчание» можно толковать двояко: либо законодатель не предполагал, что при перераспределении полномочий их движение «сверху вниз» в принципе возможно, либо посчитал, что, поскольку решение о перераспределении полномочий принимается органами государственной власти субъекта Российской Федерации дополнительно «защищать» их компетенцию в этом процессе необходимости нет.

Нет однозначного понимания о возможных направлениях перераспределения полномочий и в научной литературе. Так, ряд авторов полагает, что перераспределение –

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.

двусторонний механизм. К примеру, А.А. Уваров пишет, что «под перераспределением полномочий согласно Федеральному закону от 27 мая 2014 г. понимается не только процесс передачи государственных полномочий органам местного самоуправления, но и, наоборот, изъятие полномочий органов местного самоуправления для их осуществления государственными органами власти»². О.А. Ежукова в связи с этим высказывает опасение, что при использовании механизма перераспределения полномочий отдельные государственные полномочия могут быть переданы органам местного самоуправления без соблюдения требований ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации³.

Напротив, Н.Л. Пешин полагает, что, хотя перераспределение полномочий может быть двусторонним, передача полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации на уровень местного самоуправления путем перераспределения все равно должна сопровождаться выделением необходимых финансовых ресурсов, поскольку она будет являться наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями⁴ (иными словами в его понимании термины «наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» и «перераспределение полномочий» соотносятся как часть и целое). При этом, по его мнению, собственно о перераспределении можно говорить «лишь в том случае, если данный процесс является двусторонним, т.е. "в обмен" на одни полномочия (изымаемые у органов местного самоуправления законом субъекта РФ) им предоставляются другие (посредством принятия другого закона Российской Федерации)»⁵. Со сказанным в принципе можно согласиться – хотя бы из семантики самого слова «перераспределение», о которой говорилось выше.

А вот С.Б. Нанба, опираясь на ту же ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации, делает вывод, что «единственным способом

возложения на органы местного самоуправления государственных полномочий является наделение отдельными государственными полномочиями», то есть перераспределение полномочий, по ее мнению, делать этого не позволяет⁶.

Аналогичную точку зрения высказывают и некоторые государственные органы. В частности, Минюст России в своем письме от 11 июля 2018 г. № 08-91730/18, ссылаясь на позицию Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, указал, что перераспределение полномочий «является институтом временного осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации отдельных полномочий органов местного самоуправления, отнесенных к их компетенции федеральным законом».

Практика регионального законодательства, сложившаяся с 2014 г., также свидетельствует о том, что в рамках использования механизма перераспределения полномочий движение идет только в одном направлении – «снизу-вверх». Однако из этого не следует, что она не может в какой-то момент измениться. Позиции приведенных выше государственных органов относительно содержания понятия «перераспределение полномочий» являются лишь их мнением по данному вопросу, не имеющим обязательной силы. Юридически же, на наш взгляд, положения действующего законодательства и подзаконных актов не препятствуют – во всяком случае прямо и однозначно – перераспределению полномочий от органов государственной власти субъектов Российской Федерации к органам местного самоуправления. В силу этого, опасения О.А. Ежуковой относительно такой передачи без надлежащего финансового сопровождения вполне могут быть обоснованными.

Уж если приведенная выше позиция Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления соответствует первоначальному замыслу авторов законопроекта,

² Уваров А.А. Перераспределение полномочий органов местного самоуправления (анализ законодательных новаций) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 2. С. 23–27.

³ Ежукова О.А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 56–59.

⁴ Пешин Н.Л. Новые тенденции муниципальной реформы: перераспределение полномочий между уровнями публичной власти //

Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 62–68.

⁵ Пешин Н.Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 44–48.

⁶ Нанба С.Б. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 32–40.

терминологически более верным было бы вообще не использовать выражение «перераспределение полномочий», а зафиксировать в законодательстве более четкий термин «передача полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти». Еще точнее было бы говорить об «изъятии полномочий органов местного самоуправления», однако, как справедливо отмечает Н.Л. Пешин «такого рода терминология по очевидным причинам неприменима в нормах федерального законодательства, регулирующего взаимоотношения государства и местного самоуправления»⁷. Можно, впрочем, предположить, что разработчики закона помнили о постановлении Конституционного Суда Российской Федерации по так называемому «курскому делу», в рамках которого тот явно и недвусмысленно указал, что «вопросы местного значения могут и должны решать именно органы местного самоуправления или население непосредственно, а не органы государственной власти», на основе чего признал соответствующими Конституции Российской Федерации положения п.п. 3 и 5 ст. 21 Устава (Основного Закона) Курской области, поскольку они допускают передачу органам государственной власти полномочий, которые должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно⁸, и решили вместо «сомнительной» в таком контексте передачи полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти предложить неких механизм «перераспределения полномочий» (суть от этого, разумеется, не поменялась). Однако, в результате, «дефекты юридической техники, вкладывание нового смысла в устоявшиеся термины создают негативное впечатление от термина "перераспределение полномочий"»⁹, а его использование не только уже создает некоторые сложности на практике, но и способно – пусть даже пока лишь потенциально – создать проблемы у

муниципальных образований при перераспределении полномочий «сверху вниз» без необходимого финансового и материального обеспечения.

В целом можно констатировать, что введенный в законодательство в 2014 г. институт перераспределения полномочий вызвал достаточно серьезную критику научной общественности, причем по самым разным основаниям – от чисто идеологических, до вполне практических. Среди последних в рамках интересующей нас тематики можно выделить опасения тех ученых, которые полагают, что перераспределение полномочий может негативно сказаться на финансовой базе муниципальных образований – и так не слишком стабильной. Так, в частности, С.Г. Соловьев указывал, что законодательством не закреплена обязанность органов государственной власти субъекта РФ финансировать осуществление перераспределяемых полномочий; при этом отсутствуют критерии позволяющие определить, сколько финансовых ресурсов нужно бюджету муниципального образования на исполнение конкретных полномочий¹⁰. По мнению А.А. Уварова «остается открытым вопрос о финансовом и материальном обеспечении перераспределяемых полномочий. Из каких источников должны выделяться средства в случае перераспределения полномочий? Должны ли соблюдаться требования гл. 4 Федерального закона № 131-ФЗ при перераспределении государственных полномочий в пользу органов местного самоуправления?»¹¹.

Выше мы уже отмечали, что невнятность использованного законодателем термина «перераспределение полномочий» действительно потенциально создает угрозу передачи органам местного самоуправления части государственных полномочий без соответствующего выделения необходимых финансовых ресурсов. В настоящее время такая практика отсутствует, однако это не значит, что при определенных условиях она не может возникнуть. При этом, для того, чтобы обойти

⁷ Пешин Н.Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 44–48.

⁸ См. об этом более подробно: Чаннов С.Е. К вопросу о конституционности временного исполнения органами государственной власти отдельных полномочий местного самоуправления // Право и экономика. 2008. № 6. С. 4–7.

⁹ Шугрина Е.С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения,

или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 71–75.

¹⁰ Соловьев С.Г. Цели российского местного самоуправления и правовой институт перераспределения муниципальных полномочий // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 20.

¹¹ Уваров А.А. Перераспределение полномочий органов местного самоуправления (анализ законодательных новаций) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 2. С. 24.

требования ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации в соответствующих региональных законах будет говориться, например, не о «наделении полномочиями», а о «передаче полномочий в рамках перераспределения» или что-то подобное. Практика развития нормативной базы местного самоуправления не раз демонстрировала примеры, когда законодатель прибегал к жонглированию терминами для того, чтобы избежать соблюдения императивных конституционных норм¹².

Тем не менее, в настоящее время более важной проблемой является сохранение экономической базы местного самоуправления при передаче полномочий «снизу-вверх». Ослабление ее может происходить в силу двух причин:

1) у органов местного самоуправления изымаются в первую очередь те полномочия, реализация которых сама может приносить доход;

2) при изъятии у органов местного самоуправления полномочий одновременно производится изъятие необходимых для их реализации объектов муниципальной собственности, а также других ресурсов. Как пишет по этому поводу Е.С. Шугрина «анализ правоприменительной практики показывает, что органы государственной власти субъектов РФ изымают имущество, находящееся в муниципальной собственности. Суды не защищают права муниципальных образований в этой части»¹³.

Что же касается первой причины, то «регионы чаще всего забирают себе самые денежные и ресурсные полномочия: "например, карельское правительство забрало полномочия по распоряжению земельными участками с неразграниченной собственностью под предлогом экономии"»¹⁴. "Забирают наиболее денежные и ресурсные полномочия - градостроительство и распоряжение земельными

ресурсами в крупных городах, то, что пахнет деньгами, социальную сферу никто не трогает. Шла речь, что регионы будут забирать полномочия у слабых муниципалитетов, с которыми те не справляются, но забирают ресурсы у сильных", - подтверждает Р. Бабун, бывший глава горсовета Новокузнецка¹⁵.

Действительно, анализ региональных актов о перераспределении показывает, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации чаще всего перераспределяют в свою пользу полномочия в области земельных отношений и градостроительства, которые, как правило, характеризуются превышением получаемых при их реализации доходов над расходами. «Популярными» (в плане изъятия у органов местного самоуправления) являются также полномочия в сфере рекламы, транспортного обслуживания населения и дорожной деятельности; электро-, газо- и водоснабжения, а также водоотведения. Значительно реже органам государственной власти передаются полномочия в сфере охраны здоровья граждан (Удмуртская Республика); противодействия коррупции (Тюменская область); организации условий для массового отдыха жителей (Республика Тыва) и т.п. В некоторых субъектах Российской Федерации также можно встретить законы, предусматривающие изъятие у органов местного самоуправления полномочий в таких сферах как библиотечное обслуживание населения; создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры; обеспечения условий для развития на территории поселения физической культуры, школьного спорта и массового спорта; присвоении адресов объектам адресации, и др., однако подобные полномочия передаются органам государственной власти субъектов Российской Федерации, как правило, в тех регионах, в которых в принципе изъятие

¹² Достаточно вспомнить произведенную в ФЗ-131 замену конституционного термина «орган местного самоуправления» на некий «муниципальный орган», предпринятую для обхода ст. 12 Конституции Российской Федерации. См. об этом: Правдин Д.Г., Чаннов С.Е. Муниципальные органы и органы местного самоуправления: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 68–71; Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. И.В. Бабичева и Е.С. Шугриной. М., 2010. С. 348–349; Гревцов Ю.И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 4.

¹³ Шугрина Е.С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 74.

¹⁴ Свиридов Н.Н. О некоторых проблемах в сфере перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1. С. 31.

¹⁵ Малаев М.А. Новый мэропорядок. Реформа 2014 года снизила политический вес муниципальных глав // Коммерсантъ-Власть. 2016. 19 декабря. № 50. <https://www.kommersant.ru/doc/3169943> (дата обращения - 5 сентября 2020 г.)

полномочий у органов местного самоуправления носит массовый характер (Московская область, Ненецкий автономный округ и др.).

В целом можно констатировать, что, используя механизм перераспределения полномочий региональные власти, как правило, изымают полномочия у органов местного самоуправления по принципу «то, что нравится» - без какого-либо экономического обоснования – где-то в большем, а где-то в меньшем объеме. В результате во многих субъектах Российской Федерации происходит, по сути, выхолащивание самого местного самоуправления.

Усугубляют ситуацию также и сроки перераспределения полномочий, устанавливаемые региональными законодательными актами. ФЗ-131 и ФЗ-184 содержат одинаковые нормы относительно минимального срока перераспределения полномочий: «перераспределение полномочий допускается на срок не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации». Фактически, однако, лишь немногие субъекты Федерации этим сроком ограничиваются. Полномочия могут передаваться органам государственной власти на срок полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации, а также - сразу - на срок полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации следующего созыва (Приморский край); на 10 лет (Московская область, Республика Коми, Удмуртская Республика, Тамбовская область и др.); на 49 лет (Курская область), но - чаще всего – на неограниченный срок (Ленинградская область; Камчатский край, Вологодская область, Калининградская область и др.). Сложно в таких условиях не согласиться с мнением Е.С. Шугриной о том, что «органы государственной власти субъектов РФ рассматривают данные полномочия как свои собственные и не собираются в обозримом будущем "возвращать" их органам местного самоуправления»¹⁶.

В связи с этим опять-таки вспоминается приведенная выше позиция Минюста России и Комитета Государственной Думы по

федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, согласно которой перераспределение полномочий является институтом *временного осуществления* органами государственной власти субъекта Российской Федерации отдельных полномочий органов местного самоуправления. Хорошо же *временное осуществление* на срок 49 лет или, тем более, бессрочно! Как результат, финансовая база местного самоуправления не просто временно уменьшается, а подрывается всерьез и надолго.

С.Г. Соловьев уместно подчеркивает, что «существующая схема перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации не предполагает обращения соответствующего муниципалитета при решении вопроса о перераспределении (а если говорить по сути, то при фактическом изъятии) полномочий»¹⁷. Действительно, от органов местного самоуправления не то, что не требуется согласия на изъятие у них полномочий, - не требуется даже спросить их мнение о целесообразности такого перераспределения. С.Б. Нанба обоснованно видит в этом нарушение Европейской Хартии местного самоуправления¹⁸. Если же оценивать данный вопрос с чисто экономических позиций, следует констатировать, что односторонний порядок его решения нередко приводит к снижению эффективности реализации перераспределяемых полномочий. К примеру, в Республике Карелия «правительство забрало полномочия по распоряжению земельными участками с неразграниченной собственностью под предлогом экономии... В итоге региональная администрация не справилась, техническое сопровождение было передано обратно в муниципалитеты, но подпись ставится в правительстве. Так, под руководство администрации региона были переданы полномочия по снабжению электроэнергией, газом, теплом, оставив муниципалитету управление в сфере водоснабжения и уличного освещения... у муниципальной власти получалось решать коммунальные проблемы "быстрее и качественнее"»¹⁹.

¹⁶ Шугрина Е.С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 74.

¹⁷ Соловьев С.Г. Правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий - конец российских самоуправленческих иллюзий //

Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 14.

¹⁸ Нанба С.Б. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 32–40.

¹⁹ Свиридов Н.Н. О некоторых проблемах в сфере перераспределения полномочий между

Как представляется, принятию каждого закона субъекта Российской Федерации о перераспределении полномочий должна предшествовать экономическая экспертиза, в рамках которой, как минимум, должны даваться ответы на вопросы: какие финансовые и иные ресурсы тратятся на реализацию полномочия в настоящее время и какие доходы они приносят? как они изменятся в случае передачи полномочий органам государственной власти? какие последствия будет иметь перераспределение полномочий для бюджетов соответствующих муниципальных образований?

Список цитируемой литературы:

1. Гревцов Ю.И., Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 4–22.
2. Ежукова О.А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 56–59.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Под ред. И.В. Бабичева и Е.С. Шугриной. М., 2010.
4. Малаев М.А. Новый мэропорядок. Реформа 2014 года снизила политический вес муниципальных глав // Коммерсантъ-Власть. 2016. 19 декабря. № 50. <https://www.kommersant.ru/doc/3169943>.
5. Нанба С.Б. Перераспределение полномочий: соотношение федерального и регионального регулирования // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 32–40.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
7. Пешин Н.Л. К вопросу о допустимости перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 44–48.
8. Пешин Н.Л. Новые тенденции муниципальной реформы: перераспределение полномочий между уровнями публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 62–68.
9. Правдин Д.Г., Чаннов С.Е. Муниципальные органы и органы местного самоуправления: общее и особенное // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 68–71.
10. Свиридов Н.Н. О некоторых проблемах в сфере перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1. С. 30–34.

При этом указанная экспертиза не должна проводиться самими органами государственной власти субъектов Российской Федерации, хотя их представители, разумеется, могут к ней привлекаться.

Закрепление подобных требований в законодательстве, на наш взгляд, позволит повысить эффективность перераспределения полномочий и в определенной степени защитить экономическое положение муниципальных образований.

The list of the quoted literature:

1. Grevtsov Yu.I., Khokhlov E.B. On legal-dogmatic chimeras in modern Russian law//Law. 2006. № 5. P. 4–22.
2. Yezhukova O.A. Modern legislative approach to the legal regulation of the competence of local authorities//Constitutional and municipal law. 2015. № 3. P. 56–59.
3. Commentary on the Federal Law "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" /Ed. I.V. Babichev and E.S. Shugrina. M., 2010.
4. Malaev M.A. New Mayor's Office. The 2014 reform reduced the political weight of municipal heads//Kommersant-Power. 2016. December 19. №. 50. <https://www.kommersant.ru/doc/3169943>.
5. Nanba S.B. Redistribution of Powers: Ratio of Federal and Regional Regulation//Journal of Russian Law. 2016. № 6. P. 32–40.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., Supplemented by. M., 1999.
7. Peshin N.L. To the question of the permissibility of the redistribution of powers between state authorities and local self-government bodies//State power and local self-government. 2018. № 2. P. 44–48.
8. Peshin N.L. New trends in municipal reform: redistribution of powers between levels of public power//Constitutional and municipal law. 2016. № 12. P. 62–68.
9. Pravdin D.G., Channov S.E. Municipal and local self-government bodies: general and special//Constitutional and municipal law. 2011. № 9. P. 68–71.
10. Sviridov N.N. On some problems in the field of redistribution of powers between local self-government bodies and state authorities of the constituent entities of the Russian Federation // State power and local self-government. 2018. № 1. P. 30–34.

11. Соловьев С.Г. Правовой механизм перераспределения муниципальных полномочий - конец российских самоуправленческих иллюзий // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 10–16.

12. Соловьев С.Г. Цели российского местного самоуправления и правовой институт перераспределения муниципальных полномочий // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 16–21.

13. Уваров А.А. Перераспределение полномочий органов местного самоуправления (анализ законодательных новаций) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 2. С. 23–27.

14. Чаннов С.Е. К вопросу о конституционности временного исполнения органами государственной власти отдельных полномочий местного самоуправления // Право и экономика. 2008. № 6. С. 4–7.

15. Шугрина Е.С. Кто осуществляет полномочия по решению вопросов местного значения, или Опять о перераспределении полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 71–75.

11. Soloviev S.G. The legal mechanism for the redistribution of municipal powers is the end of Russian self-government illusions//Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. № 3. P. 10–16.

12. Soloviev S.G. Goals of Russian local self-government and the legal institution of redistribution of municipal powers//State power and local self-government. 2016. № 4. P. 16–21.

13. Uvarov A.A. Redistribution of powers of local self-government bodies (analysis of legislative innovations)//Municipal service: legal issues. 2016. № 2. P. 23–27.

14. Channov S.E. On the question of the constitutionality of the temporary execution by state authorities of certain powers of local self-government//Law and economy. 2008. № 6. P. 4–7.

15. Shugrina E.S. Who exercises powers to resolve issues of local importance, or Again on the redistribution of powers//Constitutional and municipal law. 2016. № 11. P. 71–75.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

**О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ**

**ABOUT THE PROBLEMS OF LEGAL STATUS
INDIVIDUAL ENTREPRENEUR**

Зарапина Л.В.

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Государственный университет правосудия»
<https://orcid.org/0000-0002-2440-3248>

Зверюкова Е.А.

студентка 3 курса
ФГБОУ ВО «Государственный университет правосудия»
<https://orcid.org/0000-0001-5537-8826>

Zarapina L.V.

Candidate of Law, Associate professor
Associate professor of Civil law department
Russian State University of Justice

Sverukova E.A.

3rd year student
Russian State University of Justice

Аннотация: в статье рассматривается статус индивидуального предпринимателя и некоторые проблемы, связанные с реализацией этого статуса с точки зрения формирования финансового портфеля, процесса перехода финансового портфеля и имущества индивидуального предпринимателя к наследникам в случае его смерти, а также возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: предпринимательство, индивидуальный предприниматель, правовое положение индивидуального предпринимателя, финансовый портфель индивидуального предпринимателя, наследование имущества индивидуального предпринимателя.

Annotation: the article discusses the status of an individual entrepreneur and some problems associated with the implementation of this status in terms of the formation of a financial portfolio, the process of transferring the financial portfolio and property of an individual entrepreneur to the heirs in the event of his death, as well as possible solutions to the identified problems.

Keywords: entrepreneurship, individual entrepreneur, legal status of individual entrepreneur, financial portfolio of individual entrepreneur, inheritance of property of individual entrepreneur.

В современной России предпринимательство как вид экономической деятельности имеет большое значение для поддержания рыночной экономики. Индивидуальный предприниматель является важной фигурой в макроэкономике страны, так как своей деятельностью расширяет количество предложений на рынке, за счет чего происходит оборот денежных масс и улучшается экономический климат, что способствует привлечению иностранных инвестиций.

Изучение правового положения индивидуального предпринимателя имеет огромное значение, так как рассмотрение всех аспектов данной темы будет способствовать нахождению возможностей преобразования статуса индивидуального предпринимателя в более совершенную форму, что благоприятно скажется на предпринимателе как физическом лице, и, как следствие улучшений, будет воздействовать на стабилизацию экономики,

которая приведёт к уменьшению количества дел, связанных с банкротством.

Статус индивидуального предпринимателя имеет двойственную природу, которая выражается в соединении статуса физического лица и коммерческой организации как участника гражданских правоотношений. Предприниматель сохраняет свои права в качестве физического лица, но, осуществляя свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, выступает в виде своеобразной «коммерческой организации», объединяя в себе статус гражданина и юридического лица. При этом стоит учесть, что статусы индивидуального предпринимателя и юридического лица (в это понятие входят коммерческие организации) законодательством Российской Федерации четко разграничены и обособлены друг от друга.

Индивидуальный предприниматель, имея в основе своего статуса двойственную природу, отвечает по обязательствам всем своим имуществом, не отделяя имущество индивидуального предпринимателя от личного имущества физического лица, в связи с чем «возбуждение и рассмотрение одновременно двух дел о банкротстве такого лица - как гражданина и как ИП – не допускается»¹. Яркий пример данной особенности статуса индивидуального предпринимателя можно увидеть в Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2010 г. № 07АП-7807/10², где упоминается, что законодатель не разделяет имущество предпринимателя на личное и необходимое для осуществления предпринимательской деятельности.

В Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2015 г. № 15АП-19303/15³ указывается, что при банкротстве индивидуального предпринимателя имущество гражданина выставляется на торги, при этом к нему применяется правила продажи имущества юридических лиц, то есть подчеркивается связь

статуса предпринимателя с организацией, если выражаться точнее, то наличие у предпринимателя черт, присущих коммерческим организациям.

Определяя основные признаки статуса предпринимателя, стоит упомянуть работу Е.О. Небесной⁴, где были выведены несколько основных отличительных признаков индивидуального предпринимателя:

- отвечает по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом;

- споры с индивидуальными предпринимателями рассматриваются в арбитражных судах;

- основываясь на принципе правового равенства субъектов, может осуществлять любую деятельность, не запрещённую законом.

Выведенные признаки подчеркивают уникальность правового статуса индивидуального предпринимателя ввиду его двойственной природы. Стоит учитывать, что данная особенность правового статуса делает субъект более уязвимым и восприимчивым к неблагоприятным изменениям внутри экономического пространства, проявляющимся через экономические кризисы и их последствия.

Показательным будет пример весны 2020 г., когда из-за резкой вспышки заболеваний, вызванных вирусом COVID-19, в Российской Федерации был введен в действие режим самоизоляции, некоторые субъекты Российской Федерации объявили режим чрезвычайной ситуации на своей территории. Данный факт весьма серьезно отразился на экономике макроуровня и микроуровня, так как предприниматели столкнулись с проблемой отсутствия покупательского спроса на выпускаемые товары и услуги, обращение денежной массы в экономике страны существенно замедлилось. В сложившейся ситуации также стоит учесть специфику построения бизнеса, на начальном этапе жизненного цикла организации. Это выражается в максимальном вложении инвестиций со стороны индивидуального предпринимателя и

¹ Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2017.

² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2010 г. № 07АП-7807/10 по делу № А03-7013/2010. Требование: О взыскании неосновательного обогащения в виде суммы, перечисленной истцом ответчику в качестве оплаты по договору аренды, признанному судом незаключенным // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 декабря 2015 г. № 15АП-19303/2015 по делу № А32-25653/2015. Требование: О признании ИП несостоятельным (банкротом) и включении в реестр требований кредиторов должника требование задолженности по договору займа и госпошлины // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Небесная Е.О. Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. Краснодар. 2017. С.14-16.

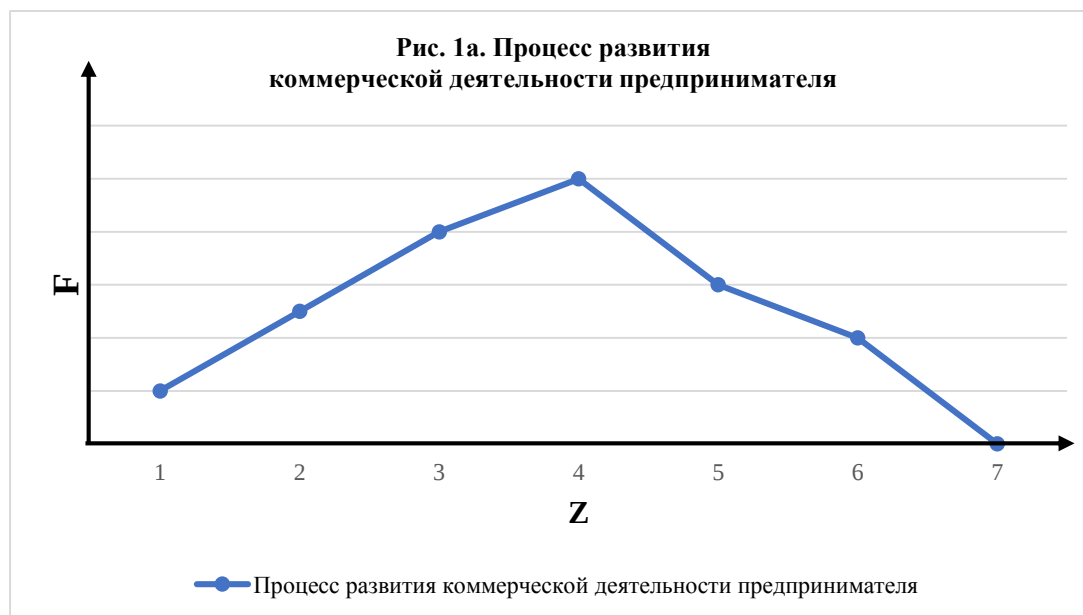
большом количестве долговых обязательств, так как само производство благ еще не дало материального излишка и работает в убыток. Многие предприятия не могут работать без квалифицированного персонала, в связи с чем предприниматель также берет на себя дополнительные обязательства по трудовому договору.

Чтобы понять суть проблемы, необходимо рассмотреть ее со всех сторон, изучив ее через призму юриспруденции, экономики, социальных наук. Таким образом, рассматривая данную проблему через призму менеджмента, можно проследить взаимосвязь между нехваткой денежных вложений, недостаточными выплатами по обязательствам и ошибками в бизнес-планировании. Существует мнение внутри бизнес сообщества, что планирование можно и нужно осуществлять на этапе непосредственного функционирования предприятия, что считается по своей сути ошибочным суждением, которое, к сожалению, еще живет внутри общества, в связи с чем предприниматели совершают весьма серьезные ошибки, угрожающие благополучию их деятельности.

Одной из важнейших стадий планирования является разработка

управленческих процедур, позволяющих корректировать деятельность в случае непредвиденных изменений, в экономике и юриспруденции это выражается в накоплении капитала или создании резервного счета. На сегодняшний день концепция интуитивного управления без должного планирования более не актуальна и контрпродуктивна, так как в период экономических потрясений каждая ошибка будет стоить огромных издержек для предприятия. Как отмечается в учебной литературе, например, «Бизнес-планирование» под редакцией А.А. Степанова⁵, на бизнес в целом влияют множество факторов не только экономического характера, факторы влияния могут относиться по своей природе к политическим, социальным, культурным, законодательным воздействиям, конкуренцию внутри монополизированной отрасли также можно рассмотреть, как отдельный феномен, происходящий из экономических воздействий.

Для общего понимания развития бизнеса стоит взглянуть на рисунок 1а, где F – это количество капитала у предпринимателя от реализации продукции и значимость предприятия (бизнеса) внутри отраслевого рынка, а Z – стадии процесса:

На начальной стадии (1) индивидуальный предприниматель не имеет достаточного капитала, чтобы охватить всю потребность

потребителя в благах, надлежащего качества. Поднимаясь на планку перспективного бизнес проекта (2), предприниматель начинает получать

⁵ Купцова, Е. В. Бизнес-планирование: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Е. В. Купцова, А. А.

Степанов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 435 с. — (Профессиональное образование).

небольшой излишек, погашая свои обязательства перед кредиторами и внося обязательные платежи. Заняв устойчивую позицию на рынке (4) либо имея положение близкое к этому (3), предприниматель может работать в самых благоприятных для себя условиях, получив значительный приток спроса и капитала от реализации. Касаемо позиций под цифрами 5 и 6, спрос на продукцию падает, в связи с высоким давлением конкуренции, отсутствием интенсивного развития, то есть предприниматель совершает ряд ошибок, выбирает экстенсивный путь развития предприятия, при этом действуют неблагоприятные экономические процессы внутри отрасли или рынка. Последняя стадия жизни бизнеса (7) – грань исчезновения или банкротства, наступает в тот момент, когда дальнейшее производство более не востребовано потребителем.

Имея общее представление о данном процессе, можно сделать вывод, что наиболее уязвимыми этапами в момент кризиса являются позиции 1, 2, 5, 6 и 7, при этом крайняя степень уязвимости преобладает в позициях 1 и 7, то есть при отсутствии поддержки со стороны государства в экономике выживут только самые развитые и сильные предприятия в сегменте рынка, образуя собой монополии в отрасли, цены на товары и услуги начнут расти, так как более этот процесс не сдерживается конкуренцией. Данное положение дел является недопустимым и нарушает Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ¹. Угроза монополизации рынка и повышения уровня безработицы в условиях кризиса достаточна высока, не стоит забывать о криминальной угрозе, которая в свою очередь является результатом массовых банкротств из-за монополизации рынков и возрастания уровня безработицы за счет затянувшегося кризиса в экономике. Согласно сведениям ТАСС² за I квартал 2019 г. около 7 % занятости населения страны приходится на индивидуальных

предпринимателей, это можно считать весьма значительным показателем для рынка.

Все вышеперечисленные обстоятельства ставят индивидуального предпринимателя в крайне неблагоприятное положение, иногда граничащее с банкротством. Данная ситуация явно показывает, что необходимо внести определенные изменения в Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³ касающиеся оснований регистрации лиц в качестве индивидуальных предпринимателей.

Стоит учесть, что для регистрации лица необходимы только заявление, документ об уплате пошлины, копия паспорта и справка о наличии (отсутствии) судимости, данный набор документов и наличие дееспособности не могут выступать фильтром, оценивающим способность лица обеспечить свою деятельность в качестве предпринимателя. Для гарантирования надежности лица, стоит включить в обязательные требования открытие банковского счета с определенно установленной суммой на нем. Здесь необходимо упомянуть о позиции Т.А. Шиндиной и А.А. Мякушина⁴, связанной с необходимостью для предпринимателя иметь инвестиционный портфель. Нужно уточнить, что данный вид дополнительной гарантии устойчивости бизнеса не рассчитан на массовое внедрение в законодательную базу, рискуя стать нормой, неприменяемой на практике. Это можно обусловить высоким уровнем экономической и юридической безграмотности населения, что весьма доступно отражено в работах И.В. Соболевой и М.Е. Баскаковой⁵ и Ю.В. Лахно⁶. В связи с чем использование национальной валюты в портфеле предпринимателя сделает этот вид гарантии жизнеспособности бизнеса для макроуровня и микроуровня более актуальным, являясь аналогом инвестиционного портфеля с упрощенной системой управления и структурой. При этом, полагаясь на финансовый портфель предпринимателя, необходимо учесть наличие

¹ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 24 апреля 2020 г. № 140-ФЗ) // Российская газета. 2006. № 162; Российская газета. 2020. № 93.

² Исследование: малый бизнес создал в России более 18,3 млн рабочих мест [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/msp/6689099> (дата обращения - 2 июня 2020 г.).

³ Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 153; Российская газета. 2020. № 174.

⁴ Шиндина Т.А., Мякушин А.А. Индивидуальный предприниматель и инвестиционный портфель // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. № 3.

⁵ Баскакова М.Е., Соболева И.В. Новые грани функциональной неграмотности в условиях цифровой экономики // Вопросы образования. 2019. № 1.

⁶ Лахно Ю.В. К вопросу о вовлечении населения в инвестиционный процесс на организованном рынке ценных бумаг России // Финансы и кредит. 2015, № 19 (643).

работников, заключивших трудовой договор с индивидуальным предпринимателем, то есть учесть в портфеле наличие денежной суммы в размере 2-х МРОТ на каждого работника и суммы на погашения своих обязательств в размере 40-50 % от основных бухгалтерских издержек бизнеса.

Для введения в правовое поле финансового портфеля необходимо установить достаточно четко определенный размер содержимого данного портфеля, который можно будет подстроить под любой тип видения предпринимательской деятельности, не утратив при этом действительный объем капитала. Прибыль весьма непостоянная категория экономики в кризисные периоды, она не может браться за основу подсчета, но издержки постоянны, они будут существовать на любом этапе цикла жизни бизнеса и при любой экономической ситуации, в связи с чем их можно считать более оптимальным критерием, стоит уточнить, что именно основные издержки, под которыми понимаются затраты, обязательные для создания товара или услуги, могут являться наиболее подходящим вариантом для расчетов.

Положительной стороной введения финансового портфеля можно считать возможность его использования в качестве гарантии платежеспособности индивидуального предпринимателя для банков, в случае оформления кредита, партнеры по бизнесу, заключающие договор, связанный с предпринимательской деятельностью, могут опираться на финансовый портфель своего партнера, считая накопленный капитал доказательством надежности и устойчивости на рынке.

Стоит также поднять вопрос о наследовании денежных средств в случае смерти предпринимателя. С момента смерти, которым считается момент смерти мозга или биологической смерти согласно закону⁷, человек не является более субъектом права в смысле распоряжения своим имуществом, утрачивает большую часть своих прав. Существует позиция, говорящая о сохранении статуса субъекта правоотношений за умершим и подкреплённая конституционными правами человека на захоронение своего тела в соответствии с религиозными обрядами исповедуемой религии, гуманное отношение к его останкам в соответствии с нормами морали, распоряжение своим телом после смерти. Все упомянутые конституционные права реализуются через

ближайших родственников как представителей умершего. Принимая во внимание все упомянутое выше, говорить о полной утрате статуса субъекта права невозможно, но вместе с утраченными правами экономически активного субъекта права, входящими в группу утрачиваемых после смерти, статус индивидуального предпринимателя также перестает существовать после смерти своего носителя.

В ситуации, связанной со смертью предпринимателя, финансовый портфель становится частью наследственной массы, здесь стоит уточнить порядок наследования, чтобы не создавать судебные прецеденты или «дыры» в правовом поле. При наследовании необходимо считать портфель в первую очередь обеспечительной частью предпринимательской деятельности, создав механизм распределения денежных масс, направленный на погашения задолженностей и обязательств индивидуального предпринимателя, и только оставшаяся сумма внутри финансового портфеля переходит в наследственную массу. В целом весь процесс перехода от финансового портфеля к наследуемой массе можно разделить на три основных этапа.

Для первого этапа характерно выполнение основной цели финансового портфеля, то есть погашение задолженностей, обеспечение невыполненных обязательств, обеспечение временного содержания имущества, необходимого для предпринимательской деятельности, в рабочем состоянии. Стоит также учитывать, что переход на следующий этап возможен только в случае полного исполнения предыдущего с сохранением излишка.

Второй этап распределения денежных масс можно назвать промежуточным, так как по своему статусу финансовый портфель все еще остается обеспечительной основой для предпринимательской деятельности. В него входит сохранение необходимого имущества для предпринимательской деятельности в рабочем состоянии до момента передачи его наследнику, данные материальные средства входят в часть наследственной массы, которую получит наследник имущества, необходимого для предпринимательской деятельности. На данном этапе стоит установить временные рамки. Вся наследуемая масса делится между всеми наследниками без выражения в натуре, стремясь сохранить в целостности уже существующий бизнес, нужно дать возможность наследнику,

⁷ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г. №

166-ФЗ) // Российская газета. 2011. № 263; Российская газета. 2020. № 126.

желающему продолжить предпринимательскую деятельность, выкупит у остальных наследников их части, можно определить срок равный двум месяцам для изъявления такого желания.

Третий этап представляет собой полное превращение финансового портфеля в наследственную массу, так как его основная функция считается выполненной в полном объеме. Этот этап также может наступить, минуя второй, в случае отсутствия капитала внутри финансового портфеля, в связи с чем второй этап просто не может быть осуществлен. В этом этапе все наследство индивидуального предпринимателя делится между наследниками в равных долях и выражается в натуре.

Определенные ограничения и правила стоит ввести в порядок разделения имущества при расторжении брака. Супруг индивидуального предпринимателя не может требовать раздела финансового портфеля в качестве совместно нажитого имущества, так как данный капитал предназначен для обеспечения предпринимательской деятельности. Грубо обобщая, можно сказать, что портфель принадлежит супругу, участвующему в экономической деятельности в качестве субъекта предпринимательской деятельности, то есть портфель привязан к статусу индивидуального предпринимателя. Другой супруг может претендовать только на компенсацию материальных затрат, если он внес в финансовый

портфель свой вклад, но сам портфель не поддается разделению.

Из вышесказанного можно вывести следующий тезис: финансовый портфель не является в полной мере собственностью физического лица, так как имеется привязка к статусу предпринимателя и его деятельности. Развивая данную мысль, стоит также уточнить, что все списания с финансового портфеля должны быть отражены в бухгалтерской отчетности предпринимателя, а списания на личные нужды невозможны и должны пресекаться административным законодательством.

Данное нововведение будет выполнять двойственную функцию. С одной стороны, сможет сгладить неблагоприятные последствия кризисной ситуации в экономике, снизив угрозу банкротства и давая предпринимателю возможность лавировать в неблагоприятных экономических условиях. С другой стороны, будет выступать своеобразным фильтром надежности предпринимателя, очищая рынок от ненадежных экономических сегментов. Введение новых норм в семейное законодательство и наследственное право даст возможность сохранить предприятие на рынке в случае наступления неблагоприятных обстоятельств, что может улучшить инвестиционный климат в сегменте среднего и малого бизнеса.

Список цитируемой литературы:

1. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Новые грани функциональной неграмотности в условиях цифровой экономики // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 244-263.
2. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2017.
3. Купцова Е.В. Бизнес-планирование: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Е.В. Купцова, А.А. Степанов. М., 2019.
4. Исследование: малый бизнес создал в России более 18,3 млн рабочих мест [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/msp/6689099>.
5. Лахно Ю.В. К вопросу о вовлечении населения в инвестиционный процесс на организованном рынке ценных бумаг России // Финансы и кредит. 2015. № 19 (643). С. 57-64.
6. Небесная Е.О. Особенности правового статуса индивидуального предпринимателя как субъекта предпринимательской деятельности // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. Краснодар. 2017. С. 14-16.

The list of the quoted literature:

1. Baskakova M.E., Soboleva I.V. New facets of functional illiteracy in the digital economy // The issue of education. 2019. № 1. P. 244-263.
2. Borisov A.N. Comment to the Federal law of October 26, 2002 № 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)". M., 2017.
3. Kuptsova E.V. Business planning: textbook and practice for secondary vocational education / E.V. Kuptsova, A.A. Stepanov. M., 2019.
4. Research: small business created more than 18.3 million jobs in Russia [Electronic resource]. <https://tass.ru/msp/6689099>.
5. Lakhno Yu.V. On the issue of involving the population in the investment process in the organized securities market of Russia // Finance and credit. 2015. № 19 (643). P. 57-64.
6. Nebesnaya E.O. Features of the legal status of an individual entrepreneur as a business entity // Law: modern trends: proceedings of the IV international conference. scientific Conf. Krasnodar. 2017. P. 14-16.

7. Шиндина Т.А., Мякушин А.А. Индивидуальный предприниматель и инвестиционный портфель // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2013. № 3. С. 198-200.

7. Shindina T.A., Myakushin A.A. Individual entrepreneur and investment portfolio // Bulletin Of SUSU. Series: Economics and management, 2013. № 3. P.198-200.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

**ДОВЕРИЕ МЕЖДУ ПОЛИЦИЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВА
В ПАРАДИГМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ**

**TRUST BETWEEN POLICE AND SOCIETY
IN THE CRIME PREVENTION PARADIGM:
A EUROPEAN EXPERIENCE**

Петровский А.В.

*кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-0326-0807>*

Petrovskiy A.V.

*Candidate of Law, Assistant professor
Associate professor of Criminal law and criminology department
Kuban State University*

Аннотация: Взаимодействие между полицией и населением является важным фактором при организации и реализации практик предупреждения преступного поведения. Отсутствие такой кооперации порождает недоверие, страх к правоохранительной системе, что в итоге влияет на авторитет государственной власти. Европейские государства в начале XX века внесли изменения в криминологическую политику, акцентировав внимание на построение тесной связи между сотрудниками полиции и жителями определенной территории, что было обусловлено растущим желанием локальных социальных групп участвовать в охране общественного порядка. Это привело к уменьшению экономических издержек и повысило эффективность превентивной деятельности в сфере предупреждения преступлений и правонарушений. Таким образом, настоящая статья есть попытка анализа теоретических и практических идей использования доверительных отношений между полицией и представителями общества в парадигме предупреждения преступлений, применяемых государствами ЕС.

Ключевые слова: субъекты профилактики, местное население, полиция, правоохранительная деятельность, криминологические практики, предупреждение преступлений.

Annotation: Interaction between the police and the public is an important factor in the organization and implementation of practices to prevent criminal behavior. The absence of such cooperation gives rise to distrust and fear of the law enforcement system, which ultimately affects the authority of the state power. European states at the beginning of the twentieth century made changes in criminological policy, focusing on building close ties between police officers and residents of a certain territory, which was due to the growing desire of local social groups to participate in the maintenance of public order. This led to a decrease in economic costs and increased the effectiveness of preventive activities in the field of crime and delinquency prevention. Thus, this article is an attempt to analyze the theoretical and practical ideas of using trust relations between the police and representatives of the public in the crime prevention paradigm applied by the EU states.

Keywords: subjects of crime prevention, neighboring residents, police, law enforcement activities, criminological practices, crime prevention.

Российская криминологическая политика находится в тисках парадигмы, которая предусматривает, что воздействие на преступность должно основываться на

выявлении и наказании преступника, удержании индивида в рамках правопослушного поведения страхом уголовного наказания, которое выражается размерами штрафов, суровостью

режима и условий содержания в исправительных учреждениях, процедурой уголовного судопроизводства. Позиция ученых-криминологов о необходимости разработки иной превентивной политики, в которой должно активно участвовать население, не находят отклика ни среди правоохранителей практиков, ни среди органов управления¹.

Европейские государства, реализуя превентивную антикриминальную политику, не отказались от уголовного и полицейского преследования, однако превратили эти институты во второстепенные. Используя иерархию потребностей А. Маслоу, как некую основу, европейские криминологи институционализировали общественную безопасность сделав основной акцент на обеспечении индивидуальной безопасности². В зарубежной криминологии нет однозначного определения предупреждения преступления, но доминирующая позиция заключается в том, превенция должна быть ориентирована на «первопричины», особенно те, которые способствуют преступному поведению – злоупотребление наркотиками, алкоголизм, проблемы подросткового возраста, и т.д. Исходя из того, что преступность тесно связана с социальными проблемами общества, под предупреждением преступного поведения понимается разработка превентивных практик, и их реализацию с целью уменьшения криминальных проявлений в социальной жизни небольших групп населения (жителей кварталов, небольших городов, учеников одной школы и т.д.), развитие профилактических образовательных программ, безопасности и защищенности жилья, предоставления возможностей коммерческим структурам участвовать обеспечивать общественный порядок и стимуляция антикриминальной активности населения³.

Существуют различные теории (объяснения) того, почему подход к профилактике преступного поведения на основе

доверительных отношений между полицией и представителями общества территориально (регионально) должен различаться:

1. Теория социальной дезорганизации утверждающая, что неспособность различных общественных структур (управленческих, политических, коммерческих) реализовать ожидания населения, в том числе эффективно противодействовать противоправным проявлениям разрушает социальные взаимосвязи между системой уголовного судопроизводства и гражданами⁴. Сущность дезорганизации заключается в разрушение как неофициальных, так и официальных социальных связей между населением и правоохранительными органами, что генерирует у жителей отсутствие намерения помогать полиции, сообщать информацию о преступных проявлениях и криминальных детерминантах, а у полиции желание защищать население, которое видится источником проблем организационного и отчетного характера.

2. Теория коллективной эффективности утверждающая, что у жителей, проживающих по соседству (в одном квартале, многоквартирном доме) присутствует способность самостоятельно поддерживать правопорядок в местах общего пользования – общественных местах, дворах, придомовых территориях, скверах, парках. Создатели теории считают, что жители способны предпринимать действия, нейтрализующие криминальные факторы только тогда, когда существует сплоченность и взаимное доверие между соседями, когда жители одного микрорайона, квартала, домовладения объединены, заинтересованы и связаны общими целями и задачами в поддержании локального общественного порядка⁵.

3. Теория «собственной жилплощади», которая потенциальный рост уровня преступности объясняет тем, что если в определенных городских районах, доля арендаторов жилья значительно превышает число собственников то это провоцирует рост числа краж, грабежей, фактов вандализма,

¹ Бабаев М.М. Криминологические основы Российской уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 321–324; Гишинский Я.И. Уголовная политика как элемент государственной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 357–358; Клейменов М.П. Понятие и модели криминологической политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 371–372.

² Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб., 2013.

³ Meško G., Flander B., Developments of Social (Crime) Prevention in Europe – a Brief Overview // Kutafin University Law Review. 2016. № 1 (5). P. 47–49.

⁴ Sampson R.J. & Groves W.B. Community Structure and Crime: Testing Social Disorganization Theory // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 94. №. 4. P. 777.

⁵ Hipp J.R. Collective Efficacy: How is it Conceptualized, Does it really matter for Understanding perceived neighborhood crime and Disorder? // Journal of Crime Justice. 2016. Vol. 46. P. 32–44.

разбойных нападений, независимо от социально-экономического уровня проживающих там лиц⁶, и соотношение доли арендаторов к собственникам является важным прогностическим признаком анализа преступности в населенных пунктах⁷.

Именно обеспечению локальной безопасности повседневной жизни населения в регионе, в настоящее время, уделяется основное внимание со стороны европейских правоохранительных органов. Обеспечение локальной антикриминальной безопасности предполагает формирование правил, норм для негативного восприятия населением противоправного поведения, создание условий регулирующих взаимоотношения людей между собой, и с представителями региональной, муниципальной власти, с правоохранительными органами, которые потом складываются в практики предупреждения преступлений. Цель таких криминологических практик – создание атмосферы нетерпимости к криминальному и деликвентному поведению в повседневной жизни, в общественном транспорте, на производстве, в семейной жизни.

Предупреждение преступности на основе доверительных отношений между полицией и представителями общества предполагает полный учет всех криминальных фактов и их последующем экспертном и криминологическом анализе. Система электронного криминологического анализа, привязанная к картографической информационной программе (геолокации), анализирует место, время, орудия и способы совершения преступления, совмещает данные с профилями преступников, проживающих в районе (населенном пункте) и предсказывает вероятность совершения преступлений. Информация рассылается полицейским на служебные планшеты или компьютеры, что позволяет прогнозировать реальную криминальную обстановку на обслуживаемой территории, ориентируя сотрудников полицейских не только на поиск преступников, но и на профилактические

мероприятия в отношении лиц, которые могут быть причастны либо в отношении которых возможно совершат преступления. В европейских криминологических практиках используется так называемая модель SARA (Scanning, Analysis, Response, Assessment), то есть сбор, анализ, реагирование и оценку криминологической информации⁸. В основе указанной превентивной практики, лежит разработанная Департаментом юстиции США модель, которой опирается на идею, что одной полиции недостаточно для противодействия преступности и предупреждения преступного поведения и что социальная активность общества, заинтересованных жителей в устранение криминогенных детерминантов более целесообразна и эффективна, чем аналогичная полицейская деятельность⁹. Начиная с 2003 года, произошел отход от традиционной модели полиции (Traditional Police Model) к полицейской работе на местах (Community Policing Model), началась реализовываться программа по построению доверия между полицией и представителями общества, которая трансформировалась в совместную охрану порядка. Для ее реализации были созданы новые должности: «офицер полиции для связи с населением» и «офицер полиции по предупреждению преступлений». Первая должность представляет собой смесь обязанностей российского участкового инспектора полиции и сотрудника патрульно-постовой службы предусматривающая патрулирование определенной территории, поддержание отношений с населением, разрешение проблем, возникающих у населения в области охраны порядка и безопасности в конкретном микрорайоне. Аналогии второй должности в российской полиции, к сожалению, нет. Обязанности таких полицейских предусматривают обучение населения криминалистическим способам выявления лиц способных совершить кражу, грабеж, продавать наркотики для последующей передачи такой информации полицейским. Они лично

⁶ Vold G.S., Bernard T.J., Snipes J.B. Theoretical Criminology. 5th ed. 2002. Oxford University Press. P. 131–132.

⁷ Mazerolle L., McBroom J., Rombouts S. Compstat in Australia: An analysis of the spatial and temporal impact // Journal of Criminal Justice. 2011. Vol. 39. Issue 2. P. 134.

⁸ Burton S., McGregor M. Enhancing SARA: a new approach in an increasingly complex world // Crime Science 2018. № 7. [Электронный ресурс] // <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s40163-018-0078-4> (дата обращения -

26 августа 2020 г.); Mitrevska M., Sazdovska M. Application of S.A.R.A. method in the combating of crime. [Электронный ресурс] // https://www.researchgate.net/publication/284283927_APPLICATION_OF_SARA_METHOD_IN_COMBATING_CRIME (дата обращения - 26 августа 2020 г.)

⁹ Glensor R.W. & Peak K.J Implementing Change: Community Oriented Policing and Problem Solving // Community Oriented Policing and Problem Solving: Now and Beyond. CA Department of Justice. 1999. P. 37–39.

контактируют с пожилыми людьми и несовершеннолетними для предупреждения их возможной виктимизации; содействуют в создании безопасной окружающей среды, посредством удаления старых автомобилей, освещения городских районов; разрешают проблему бродячих животных; способствуют маркировке или чипированию собственности (велосипедов, антикварных ценностей и т.д.), которая усложняет их реализацию при хищении; организуют установку камер видеонаблюдения в криминально опасных местах населенного пункта¹⁰.

С 2004 г. в странах, входящих в Европейский союз созданы Советы по предупреждению преступлений, что привело к изменениям репрессивной полицейской деятельности на профилактическую. После длительных консультаций практиков и ученых, в 2010 г. были созданы департаменты по профилактике преступлений на региональных и муниципальных уровнях. Эти учреждения стали организаторами и координаторами всех профилактических мероприятий. Европейские государства утвердили единую стратегию криминалистической и криминологической деятельности, предусматривающую, что каждое государство или федеральные земли (если есть таковые) имеют право устанавливать собственную политику предупреждения преступлений, определять приоритеты правоохранительной и полицейской деятельности как в сфере борьбы с преступлениями, так и их предупреждения, построения системы доверия между полицией и представителями общества¹¹.

Для достижения превентивной эффекта взаимодействия полиции и населения, европейским государствам рекомендуется реализовывать на своей территории следующие практики профилактики преступлений и правонарушений:

1) полицейское присутствие – постоянное наличие пешех, авто-, мото-патрулей, патрулей на велосипедах в местах проживания жителей, а также на дорогах соединяющих небольшие населенные пункты. Для патрулирования привлекать полицию, жандармерию, гражданских активистов, оснащенных рациями или частные охранные структуры, может использоваться метод контролируемого потока движения – как пешеходов, так и автомобилей.

2) обустройство градостроительной среды крупных городов таким образом, чтобы

исключить, либо усложнить возможности совершения преступлений или правонарушений для чего применяется зонирование территории в зависимости от криминальной активности и распространенности преступлений. Для этого рекомендуется оснащать такие участки местности камерами видеонаблюдения (CCTV), специальным освещением, оборудовать дома и квартиры охраной сигнализацией и специальным замками. Чтобы уменьшить количество краж запчастей организовать специализированные отсекающие парковки для транспорта, где они должны парковаться в ночное время, запретив их оставлять на ночь возле многоквартирных домов.

3) развитие института осведомителей из числа жителей либо из числа антикриминально заинтересованного населения микрорайона. Для этого организуются и проводятся квартальные собрания, ведется работа в школах с учителями, учащимися и их родителями, проводится соответствующие курсы повышающие правосознание населения, с целью осведомленности общества о криминальных проявлениях, используется радио, телевидение, часто создаются антикриминальные профилактические рекламные ролики, печатаются листовки, публикуются информационные брошюры для населения; например, на молочных пакетах размещаются фотографии разыскиваемых преступников или пропавших детей;

4) создание института поддержки жертв преступлений, также их родственников посредством оказания социальной, психологической, экономической и правовой поддержки государством, муниципалитетами, коммерческими, религиозными и общественными организациями. Для чего предлагается использовать авторитет религиозных лидеров в целях примирения виновного и потерпевшего, либо восстановления социального мира в семье при наличие фактов семейного насилия. В качестве общих мер виктимологической профилактики рекомендуется обязывать СМИ подробно освещать процесс раскрытия преступлений против жизни и собственности, устраняя или сводя к минимуму страхи и опасения стать жертвой таких преступлений. Активно пропагандируется эффективность работы правоохранительных органов, полиции и (или) жандармерии, разрабатываются программы виктимологического воспитания, проводятся занятия с населением по изучению способов

¹⁰ Handbook on Policing in Central and Eastern Europe / ed. G. Mesko, C.B. Fields, B. Lobnikar, A. Sotlar. NY. 2013. P. 32–38.

¹¹ См. Там же. P. 95–100.

самосохранения от преступных посягательств, либо повторные профилактические мероприятия, в отношении жертв;

5) организация института ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, который предусматривает возвращение данной категории граждан к нормальной социальной жизни для чего используются различные программы по реабилитации с участием религиозных, некоммерческих и коммерческих организаций¹².

По мнению европейских криминологов именно социальная реабилитация бывших преступников является лучшим способом нивелирования мотивации совершить преступление повторно¹³. Ее надо дифференцировать в зависимости от тяжести и продолжительности отбытого уголовного наказания. Более жесткие условия адаптации надо предусматривать для лиц, допускающих рецидив преступлений против жизни и здоровья, половой свободы и неприкосновенности, собственности. Для этой категории, реабилитационные программы должны предусматривать обязательные работы, контролируемые муниципалитетами или общественными организациями. Необходима разработка специальных реабилитационных программ, с элементами виктимологической защиты для лиц, которые откажутся от противоправной и антиобщественной деятельности, выберут правопослушный образ

жизни. Они необходимы чтобы нейтрализовать влияние на близкого окружения, бывших товарищей, родственников, имеющих преступный опыт, который будет оставаться серьезным еще длительное время.

Можно констатировать, что модель доверительных отношений между полицией и представителями общества сделала европейскую превентивную антикриминальную деятельность эффективным инструментом, изменила ее парадигму, наладила межотраслевое взаимодействие между полицией и гражданами, местным самоуправлением, неправительственными организациями, университетами. Криминологические практики партнерства между полицией и населением предусматривают не только задержание воров и хулиганов, но и широкий диапазон мер антикриминальной защиты жизненного пространства населения, безопасную градостроительную политику, различные формы превентивного воздействия на криминальные детерминанты вызывающие страх и беспокойство у населения. Новая европейская модель предупреждения преступлений, основанная на доверие между полицией и представителями общества, которая трансформируется в совместную охрану правопорядка значительно снижает экономическую затратность процесса профилактики преступности.

Список цитируемой литературы:

1. Бабаев М.М. Криминологические основы Российской уголовной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 318–340.
2. Гишинский Я.И. Уголовная политика как элемент государственной политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 353–358.
3. Клейменов М.П. Понятие и модели криминологической политики // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 371–376.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб., 2013.

The list of quoted literature:

1. Babaev M.M. Criminological foundations of Russian criminal policy // Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII Russian Congress of Criminal Law. M., 2012. P. 318–340.
2. Gilinsky Ya.I. Criminal policy as an element of state policy // Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII Russian Congress of Criminal Law. M., 2012. P. 353–358.
3. Kleymenov M.P. The concept and models of criminological policy // Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII Russian Congress of Criminal Law. M., 2012. P. 371–376.
4. Maslow A. Motivation and personality. 3rd ed. / Tr. from English. SPb., 2013.

¹² Ayhan U. Crime Prevention Techniques and Crime Prevention in Turkey // Sarajevo Journal of Social Science. Inquiry. 2016. № 1.P. 161–174.

¹³ Weisburd D., Farrington D.P., Gill C. What works in Crime Prevention and Rehabilitation: An Assessment of Systematic Reviews // Criminology & Public Policy. 2017. Vol. 16. Issue 2. P. 415–449.

5. Ayhan U. Crime Prevention Techniques and Crime Prevention in Turkey // *Sarajevo Journal of Social Science. Inquiry*. 2016. № 1. P. 161–174.

6. Burton S., McGregor M. Enhancing SARA: a new approach in an increasingly complex world // *Crime Science* 2018. № 7. [Электронный ресурс]. <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s40163-018-0078-4>.

7. Crime and public policy / ed. by J.Q. Wilson, J. Petersilia. 2nd ed. Oxford university press, 2011.

8. Glensor R.W. & Peak K.J Implementing Change: Community Oriented Policing and Problem Solving / *Community Oriented Policing and Problem Solving: Now and Beyond*. CA Department of Justice. 1999. P. 37–45.

9. Handbook on Policing in Central and Eastern Europe / ed. G. Mesko, C.B. Fields, B. Lobnikar, A. Sotlar. NY., 2013.

10. Hipp J.R. Collective Efficacy: How is it Conceptualized, Does it really matter for Understanding perceived neighborhood crime and Disorder? // *Journal of Crime Justice*. 2016. Vol. 46. P. 32–44.

11. Mazerolle L., McBroom J., Rombouts S. Compstat in Australia: An analysis of the spatial and temporal impact // *Journal of Criminal Justice*. 2011. Vol. 39. Issue 2. P. 128–136.

12. Meško G., Flander B., Developments of Social (Crime) Prevention in Europe – a Brief Overview // *Kutafin University Law Review*. 2016. № 1 (5). P. 46–53.

13. Mitrevska M., Sazdovska M. Application of S.A.R.A. method in the combating of crime. [Электронный ресурс] // https://www.researchgate.net/publication/284283927_APPLICATION_OF_SARA_METHOD_IN_COMBATIN_G_CRIME.

14. Sampson R.J. & Groves W.B. Community Structure and Crime: Testing Social Disorganization Theory // *American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94, № 4. P. 774–802. [Электронный ресурс] // http://www.antoniocasella.eu/nume/Sampson_CommunityStructureCrime_1989.pdf

15. Vold G.S., Bernard T.J., Snipes J.B. *Theoretical Criminology*. 5th ed. 2002. Oxford University Press.

16. Weisburd D., Farrington D.P., Gill C. What works in Crime Prevention and Rehabilitation: An Assessment of Systematic Reviews // *Criminology & Public Policy*. 2017. Vol. 16. Issue 2. P. 415–449.

5. Ayhan U. Crime Prevention Techniques and Crime Prevention in Turkey // *Sarajevo Journal of Social Science. Inquiry*. 2016. № 1. P. 161–174.

6. Burton S., McGregor M. Enhancing SARA: a new approach in an increasingly complex world // *Crime Science* 2018. № 7. [Электронный ресурс]. <https://crimesciencejournal.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s40163-018-0078-4>.

7. Crime and public policy / ed. by J.Q. Wilson, J. Petersilia. 2nd ed. Oxford university press, 2011.

8. Glensor R.W. & Peak K.J Implementing Change: Community Oriented Policing and Problem Solving / *Community Oriented Policing and Problem Solving: Now and Beyond*. CA Department of Justice. 1999. P. 37–45.

9. Handbook on Policing in Central and Eastern Europe / ed. G. Mesko, C.B. Fields, B. Lobnikar, A. Sotlar. NY., 2013.

10. Hipp J.R. Collective Efficacy: How is it Conceptualized, Does it really matter for Understanding perceived neighborhood crime and Disorder? // *Journal of Crime Justice*. 2016. Vol. 46. P. 32–44.

11. Mazerolle L., McBroom J., Rombouts S. Compstat in Australia: An analysis of the spatial and temporal impact // *Journal of Criminal Justice*. 2011. Vol. 39. Issue 2. P. 128–136.

12. Meško G., Flander B., Developments of Social (Crime) Prevention in Europe – a Brief Overview // *Kutafin University Law Review*. 2016. № 1 (5). P. 46–53.

13. Mitrevska M., Sazdovska M. Application of S.A.R.A. method in the combating of crime. [Электронный ресурс] // https://www.researchgate.net/publication/284283927_APPLICATION_OF_SARA_METHOD_IN_COMBATIN_G_CRIME.

14. Sampson R.J. & Groves W.B. Community Structure and Crime: Testing Social Disorganization Theory // *American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94, № 4. P. 774–802. [Электронный ресурс] // http://www.antoniocasella.eu/nume/Sampson_CommunityStructureCrime_1989.pdf

15. Vold G.S., Bernard T.J., Snipes J.B. *Theoretical Criminology*. 5th ed. 2002. Oxford University Press.

16. Weisburd D., Farrington D.P., Gill C. What works in Crime Prevention and Rehabilitation: An Assessment of Systematic Reviews // *Criminology & Public Policy*. 2017. Vol. 16. Issue 2. P. 415–449.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

RESPONSIBILITY OF THE INVESTIGATOR

Гладышева О.В.

*доктор юридических наук, профессор
заведующая кафедрой уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0001-5413-5208>*

Gladysheva O.V.

*Doctor of Law, Professor
Chief of Criminal procedure department
Kuban State University*

Аннотация: Важнейшая миссия следователя в уголовном судопроизводстве обуславливает его особый процессуальный статус, в основе которого находится процессуальная самостоятельность, неосновательное ограничение которой, равно как и ее безграничность становятся причинами нарушений федерального законодательства и невыполнения уголовным судопроизводством его назначения. Одним из способов обеспечения процессуальной самостоятельности может стать подробно разработанный и законодательно урегулированный механизм ответственности следователя.

Сложившаяся практика привлечения следователя к материальной ответственности в порядке регресса не дает положительных результатов. Поэтому предлагается воспользоваться существующими механизмами привлечения к дисциплинарной и уголовной ответственности, при условии законодательного определения процессуальных проступков и преступлений.

Ключевые слова: следователь, ответственность, проступок, преступление, регресс, дисциплинарная ответственность, уголовная ответственность.

Annotation: Most Important mission of the investigator in criminal proceedings has special procedural status, which is procedural autonomy, unjust restriction which, as was the immensity of the causes of violations of Federal law, if the criminal proceedings of his appointment. One of the ways to ensure procedural independence can be a detailed and legally regulated mechanism of responsibility of the investigator.

The current practice of bringing the investigator to material responsibility by way of recourse does not yield positive results. Therefore, it is proposed to use the existing mechanisms for bringing to disciplinary and criminal responsibility, subject to the legislative definition of procedural offenses and crimes.

Keywords: Investigator, responsibility, misdemeanor, crime, regression, disciplinary responsibility, criminal responsibility.

Ответственность в уголовном судопроизводстве выступает одной из давних и активно дискутируемых научных тем. В числе основоположников этого научного направления можно назвать З.Ф. Коврига, Г.Н. Ветрову, которые в 80-х г.г. прошлого века подготовили и опубликовали ряд научных работ по этой проблематике¹.

В современной науке уголовного процесса данная тема продолжает оставаться актуальной².

Одним из ее аспектов выступает ответственность следователя за результаты производства в досудебных стадиях. По этому поводу В.М. Корнуков отмечал безответственное поведение некоторых следователей, которые принимают за основу своего процессуального поведения указания руководителя следственного органа или прокурора и при этом фактически ни за

¹ См.: Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж. 1984.

² См., например, Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

что не отвечают³. Разделяют данную позицию и другие ученые⁴. В.А. Семенцов отметил отсутствие в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) указания на ответственность следователя за результаты процессуальной деятельности⁵.

Разделяя, в целом, указанные мнения, отметим некоторые законодательные меры, направленные на разрешение проблемы процессуальной ответственности следователя. Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ⁶ введена в действие ч. 3.1 ст. 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которой к следователю могут предъявлены иски о возмещении вреда в порядке регресса по основаниям, предусмотренным ст.ст. 1069 и 1070 ГК РФ, а также по решениям Европейского Суда по правам человека, в связи с его незаконными действиями (бездействием).

Это правовое положение активно применяется в судебной практике⁷. Однако, в большинстве случаев суды принимают решения об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании денежных сумм со следователей в порядке регресса. Основаниями к отказу служат чаще всего такие обстоятельства, как *неустановление*⁸ факта вины следователя в причинении вреда лицу, привлекавшемуся к уголовной ответственности и затем оправданному или в отношении которого уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, что подтверждается судебными решениями⁹.

Интерес представляет перечень обстоятельств, которые принимают во внимание

суды и включают их в обоснование своего отказа в регрессных исках к следователям:

- производство по уголовному делу проводили два и более следователя;

- необходимо установить наличие вины соответствующих лиц, если только законом не предусматривается возмещение вреда при отсутствии вины (п. 2 ст. 1064 ГК РФ)¹⁰;

- заключение по результатам служебной проверки не является исчерпывающими и безусловными доказательствами наличия вины;

- оценка действий следователей неоднократно дана, как руководителем следственного органа, так и прокурорами, соответственно эти должностные лица также должны отвечать за причиненный обвиняемому вред незаконным привлечением к уголовной ответственности.

- избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и законность содержания под стражей проверялась судом апелляционной инстанции при рассмотрении жалоб адвоката обвиняемого

- истцом не доказан факт наличия недобросовестного исполнения следователем служебных обязанностей, а также его виновных незаконных действий по привлечению в качестве обвиняемого и незаконного обращения в суд с ходатайством об избрании заключения под стражу.

На основании этих выводов суд пришел к заключению, что следователь действовал исходя из обстановки и решал свои служебные задачи в соответствии с полномочиями и уголовно-процессуальным законодательством¹¹ и в иске отказал.

³ Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. [Электронный ресурс] // <http://iaaj.net> (дата обращения 5 сентября 2020 г.).

⁴ Гаврилов Б.Я. О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // Право и политика. М., 2001. № 2. С. 93.

⁵ Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и его функциональное предназначение: Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар. 2013. С. 112.

⁶ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Российская газета. 2011. № 266с; Российская газета. 2016. №151.

⁷ См, в частности: Казна против следователя: Федеральное казначейство хочет предъявить сотрудникам СК РФ регрессный иск о возмещении 837 тыс. руб., выплаченных осужденному по уголовному делу после его реабилитации // Адвокатская газета. 2017. 18 мая.

⁸ Подчеркнем, не отсутствие вины, а именно неустановление этого факта

⁹ Решение Пограничного районного суда Приморского края от 6 декабря 2018 г. по делу № 2-402/2018.

¹⁰ Согласно разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

¹¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 7 июня 2016 г. по делу № 33-14829/2016.

Приведем решение суда, которое связано с возложением ответственности на следователя за нарушение разумных сроков предварительного следствия, в котором суд отметил следующие обстоятельства:

- приговором суда Б. осужден по ч. 2 ст. 114 Уголовного кодекса РФ и освобожден от отбывания наказания в связи с истечением срока давности. С осужденного в пользу потерпевшего взыскана компенсация морального вреда;

- уголовное дело возбуждалось в отношении неустановленного лица, хотя потерпевший в своем заявлении о совершении преступления указал на конкретных фигурантов;

- продолжительность досудебного производства по данному уголовному делу составила 3 года 6 месяцев 13 дней. Продолжительность рассмотрения уголовного дела в суде составила 2 года;

- при принятии решения о присуждении компенсации, судом констатировал *недостаточность и неэффективность* действий руководителей следствия, следователей, органа дознания и дознавателей, отсутствие надлежащего контроля за сроками, что и привело к существенному нарушению сроков и прав потерпевшего;

- нарушение разумности сроков производства по делу произошло в результате совокупности действий руководителей следствия, следователей, органа дознания и дознавателей, а, следовательно, исключает возложение ответственности за вред, причиненный казне, только на ответчиков;

- возможность взыскания ущерба с ответчиков в солидарном порядке, в данном случае законом не предусмотрена, поскольку отсутствует такой признак, как нераздельность результата, полученного совместными действиями должностных лиц. А поскольку *следователь является самостоятельным должностным лицом*, и в рамках уголовного дела два следователя осуществляли предварительное следствие в различные периоды, то и ответственность должен нести каждый за свои упущения;

- доказательств, свидетельствующих о степени вины каждого из ответчиков в причинении вреда, материалы дела не содержат, как не содержат и доказательств, свидетельствующих о том, что нарушение срока досудебного производства по уголовному делу произошло в результате непосредственно незаконных действий одного из следователей¹².

Указанный перечень обстоятельств свидетельствует, как минимум, о том, что существующий механизм привлечения следователя к ответственности даже в случаях прямо установленных фактов допущенных нарушений в большинстве случаев не представляется возможным.

В отдельных источниках приводятся положительные решения судов по указанному вопросу¹³. Однако учитывая количество обращений и объем проанализированного материала при подготовке данной работы¹⁴ можно сказать, что такого рода примеры скорее исключение, чем правило. Е.П. Калиничева, приводя положительные примеры из судебной практики, делает вывод, что «нарабатывается опыт возмещения следователем по судебному решению в порядке регресса денежных сумм, выплаченных ранее Министерством финансов РФ в счет возмещения ущерба, причиненного лицу в результате осуществления уголовного преследования и производства следственных действий»¹⁵. Мы не можем полностью согласиться с данным мнением. Полагаем, что при существующей формулировке в гражданском законодательстве и при тех наработках, которые имеются в судебной практике, привлечение следователей к ответственности – дело малоперспективное. Следует признать логичность и последовательность позиции судов, отказывающих в удовлетворении регрессных исков к следователям и их четкое следование установленным гражданским законом правилам. Поэтому вывод о том, что судебная практика демонстрирует наличие в уголовно-процессуальном законе оснований для привлечения следователей к ответственности¹⁶ пока можно считать преждевременным.

¹² Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Белгородского областного суда от 15 октября 2015 г. по делу № 33-4588/2015.

¹³ Калиничева Е.П. Процессуальная самостоятельность следователя в ходе производства по уголовным делам // Университетская наука. 2019. № 2 (8). С. 201-203.

¹⁴ 487 судебных материалов, размещенных на сайтах судов различных субъектов Российской

Федерации: г. Москва, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Краснодарский край, Ставропольский край, Приморский край, Брянская область, Воронежская область Иркутская область, Магаданская область, Нижегородская область, Саратовская область и др.

¹⁵ Калиничева Е.П. Указ. соч. С. 202.

¹⁶ Калиничева Е.П. Указ. соч. С. 203.

Проблема привлечения следователя к ответственности за незаконность процессуальной деятельности представляется фундаментальной по своему значению для уголовного судопроизводства. Ведь даже установление широкого спектра контрольных и надзорных институтов не способно решить задачу по обеспечению законности досудебного производства, если следователи, допускающие в своих действиях или решениях нарушения федерального законодательства или иных правовых актов, не будут привлекаться к той или иной ответственности.

Существующий в настоящее время механизм, вернее его фрагменты в гражданском законодательстве в виде ч. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, не представляются удачным решением. Материальную ответственность следователей считаем избыточной. Кроме того, следователь, несмотря на процессуальную самостоятельность, действует не в одиночку. Его действия и решения находятся под контролем и надзором иных лиц. Это означает, что допущенные следователем нарушения или ошибки являются результатом и недосмотра контрольно-надзорных органов. Соответствующие службы, по статусу обязанные контролировать действия следователя не приняли надлежащих мер к побуждению следователя действовать законно. Это значит, что материальная ответственность должна возлагаться на всех должностных лиц, кто так или иначе принимал участие в процессуальной деятельности следователя, включая суд.

Кроме того, если рассматривать эту проблему в глобальном отношении, то возмещение государством ущерба, причиненного действиями или решениями следователей, выступает закономерным итогом того факта, что следователь, не знающий закона или не умеющий его применять, допущен к исполнению своих обязанностей. Государство, в лице должностных лиц, принявших такое решение, справедливо несет убытки.

Формирование подхода к ответственности следователя обязательно должно учитывать его процессуальную самостоятельность. Опасения быть привлеченным к ответственности не должны приводить к «перестраховке» в поведении следователя.

В числе возможных решений указанной проблемы выдвигаются предложения о создании

в следственных органах квалификационных комиссий, к компетенции которых должны быть отнесены вопросы привлечения следователей к дисциплинарной ответственности по представлению руководителей следственных органов¹⁷. Есть позиция о создании вневедомственного Следственного комитета России, что позволит преодолеть проблему ограничения процессуальной самостоятельности и заложит достаточные основы ответственности следователей за результаты своей работы¹⁸.

На наш взгляд, создание единого следственного аппарата вряд ли позволит решить проблему надлежащего обеспечения процессуальной самостоятельности следователей. Фактически для них ничего не изменится: останется организационная подчиненность руководителю следственного органа, останется и прокурорский надзор, также, как и судебный контроль.

Ведомственные квалификационные комиссии могут помочь в решении данного вопроса. Однако без надлежащего урегулирования их деятельности и этот институт может превратиться в фикцию.

Возможным решением, полагаем, должен стать комплекс мер, включающий как повышение компетентностного, образовательного уровня следователей, руководителей следственного органа, надзирающих прокуроров, так и организационно-структурные изменения в следственных органах.

В этом плане представляется интересным и в определенной степени полезным современный опыт формирования судебных органов, когда из-под юрисдикции судов субъектов Российской Федерации «выведены» вопросы апелляционного и кассационного пересмотра судебных решений. Аналогичные изменения в структуре и организации следственных органов, которые бы позволили проводить, например, согласования процессуальных решений следователей, рассматривать ходатайства непосредственных руководителей о привлечении следователей к дисциплинарной ответственности, а также решать иные насущные проблемы взаимодействия следователей с иными должностными лицами и судами, в вышестоящих следственных органах, могли бы, по нашему мнению, дать положительный результат. При

¹⁷ Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

¹⁸ Антонов И.А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму правоприменительной практики // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 57-61.

этом полномочия непосредственного руководителя следственного органа подлежат соответствующему ограничению.

Особое место занимает механизм привлечения следователей к ответственности. В этой части подлежат разработке, как основания, так и процедура привлечения. В качестве оснований привлечения следователей к ответственности должны выступать обстоятельства, свидетельствующие о сознательном невыполнении установленных процессуальных правил, их игнорировании в процессуальном поведении следователей. Совокупность этих обстоятельств должна свидетельствовать о совершении правонарушения (проступка или преступления).

Установление этих обстоятельств, как представляется, может происходить в различном порядке, определение надлежащего должно зависеть от категории совершенного правонарушения. Поэтому следует рассмотреть вопрос о возможности использования уголовно-процессуального механизма преследования за преступное поведение либо дисциплинарного производства – за совершение соответствующего проступка.

Подводя итог, сделаем основные выводы.

Список цитируемой литературы:

1. Антонов И.А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму правоприменительной практики // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 57-61.
2. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981.
3. Гаврилов Б.Я. О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // Право и политика. 2001. № 2. С. 92-99.
4. Казна против следователя: Федеральное казначейство хочет предъявить сотрудникам СК РФ регрессный иск о возмещении 837 тыс. руб., выплаченных осужденному по уголовному делу после его реабилитации // Адвокатская газета. 2017.
5. Калиничева Е.П. Процессуальная самостоятельность следователя в ходе производства по уголовным делам // Университетская наука. 2019. № 2 (8). С. 201-203.
6. Красильников С.В. Уголовно-процессуальная ответственность и ее реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
7. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж. 1984.

1. Ответственность следователя является не только способом его побуждения действовать законно, но и механизмом защиты от различных неправомерных воздействий со стороны должностных и иных лиц, поскольку любая ответственность, для ее реализации, должна иметь основания и порядок. Имея представление об этих обстоятельствах и не выходя за границы дозволенного процессуального поведения, следователь может чувствовать себя как защищенным, так и по-настоящему самостоятельным.

2. Существующие сегодня меры по привлечению следователя к материальной ответственности посредством предъявления к нему регрессных исков на основании ч. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, особенно учитывая сложившуюся негативную судебную практику, рассматриваем как не эффективные. Нецелесообразно вводить и новый вид ответственности – уголовно-процессуальную.

3. Рациональным представляется использовать имеющиеся виды ответственности и применять их в зависимости от оснований привлечения (преступления или дисциплинарного проступка).

The list of the quoted literature:

1. Antonov I.A. Procedural independence of the investigator through the prism of law enforcement practice // Society and law. 2019. № 2 (68). P. 57-61.
2. Vetrova, G.N. Criminal procedural responsibility: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. M., 1981.
3. Gavrilov B.Ya. About procedural independence of the investigator: history, real state, prospects of development // Law and politics, M., 2001. № 2. P. 92-99.
4. Treasury vs investigator: the Federal Treasury wants to present co-employees of the RF IC subrogation claim 837 thousand rub., paid judged in my life-mu in a criminal case after rehabilitation // Lawyer newspaper. 2017.
5. Kalinicheva E. P. Procedural independence of the investigator in the course of criminal proceedings // University science. 2019. № 2 (8). P. 201-203.
6. Krasilnikov S.V. Criminal procedural responsibility and its implementation: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. M., 2019. .
7. Kovriga Z.F. Criminal procedural responsibility. Voronezh. 1984.

8. Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства. Матер. междунар. науч. конф.-ии. СПб., 2007. [Электронный ресурс] // <http://iuaj.net>.

9. Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и его функциональное предназначение: Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013. С. 109-118.

10. Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

8. Kornukov V.M. Procedural powers, professional skill and responsibility of the investigator: interrelation and prospects of improvement // Strategies of criminal proceedings: materials of international law. scientific Conf. dedicated to the 160th anniversary of the birth of Prof. I. ya. Foynitsky. October 11-12, 2007, Saint Petersburg, 2007. [Electronic resource] // <http://iuaj.net>.

9. Sementsov V.A. Procedural independence of the investigator and its functional purpose: Selected articles on criminal procedure. Krasnodar. 2013. P. 109- 118.

10. Tkachev I.V. Modern problems of reforming pre-trial proceedings in accordance with the criminal procedure legislation of the Russian Federation: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences. M., 2008.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PROCEDURAL ACTIONS AS A WAY TO VERIFY EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Костенко Р.В.

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>*

Kostenko R.V.

*Doctor of Law, Professor
Professor of Criminal procedure department
Kuban State University*

Аннотация: В настоящей статье рассматривается актуальная проблема определения процессуальных действий в качестве одного из надлежащих способов проверки доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Автор статьи на основе анализа различных научных точек зрения по указанной проблематике констатирует несовершенство действующего уголовно-процессуального законодательства. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что процессуальные действия, наряду со следственными действиями, должны быть прямо указаны в ст. 87 УПК РФ в качестве одного из надлежащих способов проверки доказательств в уголовном процессе. Положения, которые сформулированы в действующей редакции ст. 87 УПК РФ, представляют собой конкретные формы реализации способов проверки доказательств в ходе уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: проверка доказательств, способы проверки доказательств, процессуальные действия в уголовном процессе.

Annotation: This article deals with the actual problem of defining procedural actions as one of the appropriate ways to verify evidence in Russian criminal proceedings. The author of the article, based on the analysis of various scientific points of view on this issue, States the imperfection of the current criminal procedure legislation. As a result of the research, the author comes to the conclusion that procedural actions, along with investigative actions, should be explicitly specified in article 87 of the code of criminal procedure as one of the appropriate ways to verify evidence in criminal proceedings. The provisions that are formulated in the current version of article 87 of the criminal procedure code of the Russian Federation are specific forms of implementation of methods of verification of evidence in the course of criminal procedural proof.

Keywords: verification of evidence, methods of verification of evidence, procedural actions in criminal proceedings.

Одним из способов проверки доказательств, который признаётся в качестве такового многими учёными, является производство процессуальных действий¹. Вместе с тем, в научной литературе не имеет однозначного ответа вопрос о том, что собой представляют процессуальные действия, как способ проверки доказательств по уголовным делам?

По терминологии Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом (п. 32 ст. 5 УПК РФ). Однако, как показывает детальный анализ уголовно-процессуального законодательства, в других нормах категория «процессуальные действия» используется как нетождественная понятию «следственные действия». Например, в п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ говорится о производстве следственных и иных процессуальных действий. Часть 1 ст. 86 УПК РФ указывает на производство следственных и иных процессуальных действий. Согласно ч. 2, п. 4 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ следственные действия разделяются с иными процессуальными действиями. Аналогичным образом происходит в ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ, ч. 4 ст. 415 УПК РФ, ч. 1 ст. 450 УПК РФ, ч. 5 ст. 450 УПК РФ. Кроме того, в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2001 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» термины «следственные действия» и «процессуальные действия» так же не употребляются в качестве синонимов².

При всём при этом важно подчеркнуть, что вытекающее из УПК РФ отличие процессуальных действий от следственных не основано на каких-либо чётких критериях.

Напротив, следственные действия совместно с иными процессуальными действиями равнозначно используются законодателем в качестве способов собирания и проверки доказательств. Отсюда, различные авторы предлагают свои варианты дифференциации между процессуальными и следственными действиями³.

Так, по словам Р.В. Костенко, «понятие «процессуальное действие», предусмотренное п. 32 ст. 5 УПК РФ, всегда шире по своему содержанию и значению, нежели надлежащие способы собирания доказательств. Процессуальные действия не ограничиваются только способами собирания доказательств, они включают их в себя помимо остальных действий, осуществляемых в рамках производства по уголовному делу»⁴.

Как пишет М.Е. Сморгунова, «процессуальные действия не являются следственными, поскольку не закреплены в законе в качестве таковых. Иные действия, предусмотренные действующим УПК и направленные на проверку доказательств, то есть нацеленные на установление предмета и пределов доказывания, надлежит рассматривать в качестве процессуальных в виду того, что осуществляются они (действия) в рамках уголовно-процессуальной деятельности и продиктованы решением определённых процессуальных задач»⁵.

Т.П. Сазонова высказывает весьма спорную позицию о том, что иные процессуальные действия на досудебном производстве необходимо рассматривать только исключительно в качестве способов собирания доказательств⁶.

На наш взгляд, процессуальные действия, наряду со следственными действиями, могут

¹ Бабурина И.Н., Пономаренков В.А., Францифоров Ю.В., Громов Н.А. Истребование предметов и документов / И.Н. Бабурина, В.А. Пономаренков, Ю.В. Францифоров, Н.А. Громов // Следователь. 2001. № 5. С. 11; Сморгунова М.Е. Теоретические основы и практика проверки досудебных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2004. С. 64; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В.И. Радченко). М., 2006. С. 274; Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009. С. 15.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

³ См.: Власова С.В. Состязательная модель формирования доказательственного факта на основе

доказательств сторон (заключения судебной экспертизы и заключения специалиста) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 56-58; Комаров И.М. Проблемы и перспективы совершенствования отдельных институтов УПК // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практич. конф. Краснодар. 2017. С. 34-39.

⁴ Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных способов собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоождения. 2016. № 1 (35). С. 163-164.

⁵ Сморгунова М.Е. Указ. соч. С. 65.

⁶ Сазонова Т.П. Иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009. С. 8.

выступать как способами собирания доказательств, так и способами проверки доказательств по уголовным делам. В первом случае процессуальные действия проводятся в целях обнаружения, фиксации, надлежащего закрепления, сохранения сведений об обстоятельствах совершённого преступления и их источников. Во втором случае их непосредственная реализация связана с признанием полученных сведений и их источников доказательствами в уголовном процессе, которые отвечают требованиям допустимости, относимости и достоверности. Поэтому в каком конкретном качестве будут выступать процессуальные действия – решает субъект доказывания в зависимости от сложившейся правоприменительной ситуации в ходе производства по уголовному делу⁷.

В теории уголовного процесса не существует единого подхода к определению процессуальных действий, являющихся способами проверки доказательств. Так, М.Е. Сморгунова, обобщив существующие точки зрения по данному вопросу, выделяет как минимум три разновидности процессуальных действий, которые предлагаются разными учёными в качестве способов проверки доказательств:

а) требования, поручения и запросы прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в адрес предприятий, организаций и учреждений (ч. 4 ст. 21 УПК РФ);

б) производство аудиторских, документальных, налоговых, встречных проверок, ревизий, инвентаризаций, а также консультативное содействие специалиста при разрешении процессуальных вопросов в различных отраслях экономики;

в) производство судебно-экспертных исследований⁸.

На самом деле процессуальные действия, как способ проверки доказательств, прежде всего, должны быть предусмотрены положениями действующего УПК РФ, в противном случае их нельзя называть и относить к числу процессуальных. Кроме этого, их осуществляют только надлежащие субъекты, в решениях которых полученные из установленных законом источников и проверенные сведения признаются допустимыми, относимыми и достоверными доказательствами. Согласно обозначенным критериям, в качестве способов проверки

доказательств в ходе досудебного производства могут использоваться процессуальные действия:

1) в стадии возбуждения уголовного дела:
- получение объяснений (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- получение образцов для сравнительного исследования (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- истребование документов и предметов с их последующим изъятием (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- требование о производстве документальных проверок и ревизий (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- исследование документов, предметов, трупов с привлечением к участию в этих действиях специалистов (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- получение результатов оперативно-розыскных мероприятий, представленных органом дознания на основании обязательного для исполнения письменного поручения (в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

- истребование у редакции, главного редактора соответствующего средства массовой информации имеющихся в их распоряжении документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данных о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации (в порядке ч. 2 ст. 144 УПК РФ).

2) в стадии предварительного расследования:

- изучение документов и (или) предметов, которые представляются для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств подозреваемым, обвиняемым, их защитниками, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, их представителями (в порядке ч. 2 ст. 86 УПК РФ и ч. 3 ст. 86 УПК РФ);

- истребование документов и (или) предметов от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан (в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Статья 87 УПК РФ не называет производство процессуальных действий способом проверки доказательств. Вместо этого в указанной норме используется формулировка о том, что проверка доказательств производится путём сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств,

⁷ См.: Рудин А.В. Способы проверки доказательств в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2015. № 11 (131). С. 134-136.

⁸ Сморгунова М.Е. Указ. соч. С. 64.

подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Употребление законодателем терминов «производится» и «путём» применительно к названным действиям, дало основание в процессуальной литературе расценивать их в качестве способов проверки доказательств в уголовном процессе. В частности, О.В. Гладышева и В.А. Семенов прямо утверждают, что «в соответствие со ст. 87 УПК РФ способами проверки доказательств являются:

1) сопоставление их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле;

2) установление источников доказательств;

3) получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемые доказательства»⁹.

Надо полагать, что действия, о которых говорится в ст. 87 УПК РФ, представляют собой конкретные формы реализации способов проверки доказательств в ходе уголовно-процессуального доказывания. Они выражают как мыслительную, так и практическую стороны осуществления способов проверки доказательств. Например, итоговой формой реализации проведённых следственных или иных процессуальных действий может выступать «сопоставление» проверяемого доказательства с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. При этом, «сопоставление каждого отдельного доказательства или ряда доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, заключается в мыслительной логической

деятельности, проводимой путём анализа и сравнения доказательств»¹⁰. Вместе с тем, сопоставление доказательств друг с другом, зачастую, невозможно без поиска, обнаружения, закрепления (подчеркивание, выписывание и т.п.) содержащихся в них сведений. Поэтому сопоставление доказательств с другими доказательствами не ограничивается лишь мыслительной логической деятельностью. В этой связи, некоторые процессуалисты указывают, что «проверка доказательств имеет место только тогда, когда речь идёт о физическом сопоставлении предметов, а когда сопоставление сведений имеет мыслительный характер, следует говорить об оценке доказательств»¹¹.

По нашему мнению, сопоставление доказательств с другими доказательствами базируется, прежде всего, на логических приёмах мышления. Как вид умственной деятельности, они позволяют формировать и оперировать понятиями и суждениями, выполнять умозаключения, приводить обоснования. Основными логическими приёмами являются анализ, синтез, сравнение, сериация, классификация и обобщение. Соответственно, в ходе сопоставления доказательств происходит анализ его содержания с точки зрения полноты, непротиворечивости, логической последовательности изложения сведений и т.п.

В ст. 87 УПК РФ указываются ещё две формы реализации способов проверки доказательств – установление источников доказательств, а также получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Список цитируемой литературы:

1. Бабурина И.Н., Пономаренков В.А., Францифоров Ю.В., Громов Н.А. Истребование предметов и документов // Следователь. 2001. № 5. С. 11-16.
2. Власова С.В. Состязательная модель формирования доказательственного факта на основе доказательств сторон (заключения судебной экспертизы и заключения специалиста) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 56-59.
3. Гладышева О.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. Краснодар. 2011.

The list of the quoted literature:

1. Baburin I.N., Ponomarenko V.A., Frantsiforov J.V., Gromov N.A. Discovery of objects and documents // Investigator. 2001. № 5. P. 11-16.
2. Vlasova S.V. Adversarial model of formation of evidentiary fact based on the evidence of the parties (conclusions of forensic examination and expert's opinion) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2013. № 24. P. 56- 59.
3. Gladysheva O.V., Sementsov V.A. Criminal procedure law. General part and pre-trial proceedings: a course of lectures. Krasnodar. 2011.

⁹ Гладышева О.В., Семенов В.А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. Краснодар. 2011. С. 130.

¹⁰ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (науч.-практич.

издание) / Под общ. ред. В.В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003. С. 361.

¹¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2015. С. 215.

4. Комаров И.М. Проблемы и перспективы совершенствования отдельных институтов УПК // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практич. конф. Краснодар. 2017. С. 34-39.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (науч.-практич. издание) / Под общ. ред. В.В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 2006.

7. Костенко Р.В. Допустимость надлежащих процессуальных способов собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2016. № 1 (35). С. 159-166.

8. Курзинер Е.Э. Актуальные вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009.

9. Рудин А.В. Способы проверки доказательств в уголовном процессе // Аграрное и земельное право. 2015. № 11 (131). С. 134-136.

10. Сазонова Т.П. Иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009.

11. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2015.

12. Сморгунова М.Е. Теоретические основы и практика проверки досудебных доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2004.

4. Komarov I.M. Problems and prospects of improving individual institutions of the criminal procedure code // Actual problems of law and law enforcement activity: materials of international law. scientific-practical Conf. Krasnodar. 2017. P. 34-39.

5. Comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation (scientific and practical edition) / Ed. by V.V. Mozyakov, S.I. Girko, G.V. Maltseva, I.N. Bartsitsa. M., 2003.

6. Commentary on the Criminal procedure code of the Russian Federation / Ed. V.I. Radchenko. M., 2006.

7. Kostenko R.V. Admissibility of proper procedural methods of collecting evidence in Russian criminal proceedings // Legal issues. 2016. № 1 (35). P. 159-166.

8. Kurziner E.E. Actual issues of proof in criminal proceedings of the Russian Federation: abstract ... Candidate of Law. Chelyabinsk. 2009.

9. Rudin A.V. Ways to verify evidence in criminal proceedings // Agrarian and land law. 2015. № 11 (131). P. 134-136.

10. Sazonova T.P. Other procedural actions as ways of collecting evidence in pre-trial proceedings: abstract ... Candidate of Law. Chelyabinsk, 2009.

11. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. criminal process: textbook / Under the General ed. of A.V. Smirnov. M., 2015.

12. Smorgunova M.E. Theoretical foundations and practice of checking pre-trial evidence in criminal proceedings: abstract ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod. 2004.

ДИСТАНЦИОННОЕ УЧАСТИЕ СВЕДУЩИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

REMOTE PARTICIPATION OF EXPERTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Меркулов С.Н.

*кандидат юридических наук
доцент кафедры уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Merkulov S.N.

*Candidate of Law
Associate Professor of the Criminal law and procedure department
Donetsk National University*

Панько Н.А.

*аспирант кафедры криминалистики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
старший преподаватель кафедры криминалистики
ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
<https://orcid.org/0000-0003-1023-7266>*

Panko N.A.

*Postgraduate student of the Criminalistics department
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
Senior lecturer of the Criminalistics department
Donbass Law Academy*

Аннотация: Статья посвящена обоснованию эффективности дистанционного привлечения знаний сведущих лиц в уголовное судопроизводство и конкретизации направлений его реализации. Исследованы перспективные направления привлечения сведущего лица к производству осмотра места происшествия, осмотру предметов и документов, обыска в дистанционном режиме на основе использования АРМ, а также допрос таких лиц в режиме видеоконференции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информация, следователь (суд), сведущие лица, дистанционный режим, видеоконференцсвязь.

Annotation: The article is devoted to the substantiation of the effectiveness of the remote attraction of experts' knowledge in criminal proceedings and the concretization of the directions for its implementation. The promising directions of attracting an expert to conduct a crime scene examination, to inspect objects and documents, to search in the remote mode based on the use of AWS, as well as the interrogation of such persons in the mode of videoconference, have been investigated.

Keywords: criminal proceedings, information, investigator (court), experts, remote mode, videoconferencing.

Современное технологическое развитие общества диктует необходимость использования достижений научно-технического прогресса в построении социального правового государства. Реализация закрепленных Конституцией ДНР принципов, прав и свобод людей невозможна без привлечения таких технологий в деятельность различных государственных структур. Так и достижение объективной истины как цели уголовного судопроизводства невозможно без использования современных технологий в

расследовании преступлений, о чем убедительно свидетельствует опыт прогрессивных государств. Между тем, действующее уголовно-процессуальное законодательство ДНР прямо не регламентирует вопросы использования достижений научно-технического прогресса, в том числе не предусмотрена и возможность дистанционного участия сведущего лица в ходе раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Проблемам привлечения специальных знаний в расследование судебное

рассмотрение дел посвящены работы многих ученых криминалистов, таких как Ф.Г. Аминев, Л.Е. Ароцкер, В.П. Бахин, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Колдин, Ю.Г. Корухов, М.В. Салтевский, М.Я. Сегай, А.Р. Шляхов, А.А. Эйсман и др. Однако, технологии удаленного участия сведущих лиц в уголовном судопроизводстве не приобрели должного отражения в научной литературе.

Таким образом, целью статьи считаем обоснование эффективности дистанционного привлечения знаний сведущих лиц в уголовное судопроизводство и конкретизацию направлений его реализации.

Процесс познания представляется одной из форм деятельности человека и предполагает активное взаимодействие субъекта и объекта познания. Процесс расследования преступления является одним из видов познавательной деятельности. В ходе расследования уголовного дела субъектом познания выступает следователь, а объектом познания – событие совершенного преступления. В научной литературе подчеркивается, что «расследование как познавательный процесс основано на собирании и переработке следователем информации, под которой понимаются сведения о событии»¹. Таким образом, основой успешного расследования можно признать наличие достоверной, качественной и полной информации о произошедшем событии. Очевидно, что сам факт наличия такой информации не является гарантией установления объективной истины по делу. Зачастую такая информация требует исследования и интерпретации с применением специальных знаний. Носителями специальных знаний в уголовном судопроизводстве являются эксперт и специалист. Можно констатировать, что на сегодняшний день расследование по уголовным делам практически не обходится без их привлечения.

Уголовно-процессуальное законодательство многих государств регламентирует возможность проведения отдельных следственных действий в режиме видеоконференции (например, УПК Российской Федерации, УПК Республики Беларусь, УПК Республики Казахстан и др.). Однако и в законодательстве указанных государств нами видится недостаточная регламентация

привлечения специальных знаний в дистанционном режиме.

Для практической реализации участия сведущих лиц в производстве следственных действий в дистанционном режиме, прежде всего, важно решить вопрос информатизации деятельности указанных участников судопроизводства. Практической основой участия сведущего лица в производстве следственных действий в дистанционном режиме может являться его автоматизированное рабочее место (далее – АРМ). Создание такого АРМ будет способствовать: 1) улучшению организации труда сведущих лиц за счет автоматизации выполнения трудоемких и однообразных задач, связанных с подготовкой аналитической и отчетной документации и, как следствие, экономии рабочего времени; 2) повышению качества результатов специальных исследований; 3) выполнению всего комплекса специальных исследований; 4) созданию единого информационного пространства для всех судебно-экспертных учреждений; 5) обеспечению оперативной автоматизированной передачи информации, то есть эффективности взаимодействия; 6) участию сведущих лиц в проведении определенных следственных или процессуальных действий дистанционно; 7) предоставлению консультационной помощи в режиме «реального времени» и т.д.².

Рассмотрим возможность участия сведущего лица в осмотре места происшествия. Как известно, это следственное действие признано неотложным, его проведение возможно до возбуждения уголовного дела. Поскольку срочность и безотлагательность данного вида осмотра предполагает обязанность следователя в кратчайший промежуток времени мобилизовать все имеющиеся силы и средства для качественного его проведения, то возможность привлечения сведущего лица в дистанционном режиме, безусловно, будет способствовать повышению результативности неотложного следственного действия.

Так, в научной литературе отмечается, что необходимость проведения осмотра места происшествия может конфликтовать с принципом обеспечения безопасности лиц, участвующих в проведении этого следственного действия (например, опасность обрушения конструкций при взрыве в здании, отравления

¹ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания: в 2-х томах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. С. 328-334.

² Панько Н.А. АРМ эксперта при взаимодействии субъектов доказывания в режиме

видеоконференции // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 3 (32). С. 25.

ядовитыми газами и пр.). В таких случаях учеными рекомендуется использовать квадрокоптер для фиксации обстановки места происшествия³. Кроме того, использование такого технического средства фиксации поможет определить границы места происшествия (например, при исследовании места катастрофы с массовой гибелью людей, мест взрывов, пожаров, охватывающих большие территории, мест техногенных катастроф, труднодоступной местности и т.п.), провести все возможные виды криминалистической фото- и видеосъемки, получить трехмерное изображение места происшествия. По нашему мнению, сведущее лицо может оказывать следователю такую помощь при использовании квадрокоптера в осмотре места происшествия: 1) консультацию по техническим вопросам использования квадрокоптера; 2) помощь в определении правильного ракурса фото- и видеосъемки; 3) консультацию по усвоению следователем полученной в ходе осмотра информации; 4) помощь в определении объектов, в отношении которых требуется проведение экспертных исследований; 5) определение вида экспертного исследования, которое необходимо назначить; 6) формулирование вопросов на экспертное исследование. Указанные виды помощи сведущее лицо может предоставлять дистанционно, не покидая рабочего кабинета или иного места нахождения. Для оказания такой помощи в режиме реального времени сведущему лицу необходим планшет с соответствующим программным обеспечением (АРМ) и выход в систему Интернет. Отмечаем, что привлечение сведущего лица к производству осмотра места происшествия в дистанционном режиме возможно не только в случаях, когда обеспечение безопасности его участников возможно только таким способом, но и в большинстве иных случаев, когда личное присутствие сведущего лица не является принципиально важным для качественного проведения осмотра (за исключением случаев осмотра трупа на месте происшествия, когда личное присутствие эксперта невозможно исключить никаким способом).

Учитывая изложенное, считаем необходимым уточнить законодательную норму о порядке производства осмотра, включив в нее формулировку о возможности привлечения специалиста к производству осмотра, в том числе с использованием средств видео-технической связи.

Одним из следственных действий, проведение которого возможно в режиме видеоконференции, является допрос. Его дистанционная форма регламентирована уголовно-процессуальным законодательством многих государств. Как правило, законодатели связывают возможность проведения дистанционного допроса со следующими факторами: 1) невозможностью прибытия лица на допрос по уважительным причинам; 2) обеспечение безопасности допрашиваемого; 3) соблюдения сроков расследования и судебного рассмотрения уголовного дела; 4) иные причины, обуславливающие затруднительность и затратность прибытия допрашиваемого по месту расследования или судебного рассмотрения уголовного дела.

Специалист и эксперт могут быть допрошены следователем (судом) с целью получения помощи консультативного характера, а также для разъяснения результатов проведенного исследования – функция сопровождения экспертом (специалистом) своего заключения.

Допрос в дистанционном режиме должен реализовываться путем решения следующих задач: во-первых, восприятие невербальных реакций допрашиваемого лица, которое может быть обеспечено специальным расположением видеокамер; во-вторых, обеспечение во время допроса адекватности, достоверности, активности, целеустремленности, информативности, объективности и полноты допроса; и, в-третьих, в случае допроса государственного эксперта, возложение обязанности удостоверения личности допрашиваемого лица на руководителя судебно-экспертного учреждения путем предоставления ему дополнительных процессуальных полномочий.

Итак, необходимо сформулировать коммуникативную цель допроса. Общеизвестно, что целью допроса является получение от допрашиваемого лица информации относительно обстоятельств расследуемого дела, которой данное лицо может обладать. Таким образом, коммуникативная цель допрашивающего – лексическими средствами сформулировать задание, которое требует применения специальных знаний, и которыми само это лицо не обладает. Коммуникативная цель допрашиваемого (сведущего лица) – обеспечить правильное понимание всеми субъектами результатов проведенного этим лицом

³ Швец С.В., Шумаев Д.Г. Современные возможности фото-фиксации места происшествия по

факту взрыва // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11 (64). С. 75-79.

исследования, а также предоставляемой информации консультативного характера.

Допрос является одним из средств познания следователем событий, фактов и обстоятельств, которые не наблюдались им непосредственно, путем восприятия речи лиц, свидетельствующих об этих фактах, обстоятельствах, событиях. Выделяют психолого-коммуникативные факторы допроса: 1) при допросе допрашиваемый решает целый ряд мыслительных задач, сформулированных следователем и поставленных допрашиваемым самому себе; 2) словесная передача информации связана с наличием желания, интереса, потребности передать следователю описание событий; 3) в процессе допроса допрашиваемый излагает не само восприятие, а только свое воспоминание об интересующем следствие событии; 4) при допросе свидетеля, подозреваемого, обвиняемого во всех случаях с их стороны необходима активная мыслительная деятельность; 5) для обеспечения высокой психической активности допрашиваемого надо вызывать и поддерживать у него соответствующее эмоциональное состояние⁴. То есть, формирование показаний как совокупность сложных психологических процессов протекает при активном участии допрашиваемого лица.

Относительно допроса сведущего лица можно утверждать, что в его структуре задействованы два информационных канала – канал передачи вербальной информации, содержанием которой становится логическая составляющая заключения специального исследования, и канал передачи невербальной информации, который передает эмоциональную составляющую, то есть уверенность, достоверность, внутреннее убеждение, открытость, компетентность, грамотность и т.п. Отмечаем, что допрос с использованием видеоконференцсвязи на сегодняшний день не является широко используемым в следственной и судебной практике. Поэтому, к сожалению, ученые не имеют полноценных возможностей оценить эффективность дистанционной формы допроса.

Моделирование условий судебного заседания с дистанционным участием в нем процессуальных субъектов показало, что с одной стороны видеоконференция обеспечивает эффективность передачи логической составляющей общения участников, то есть реализует информативность допроса. С другой стороны, фиксируется несколько замедленная передача информационного сигнала и, как

следствие, затрудненное понимание специальных вопросов. Отмечаем трудности восприятия невербальной информации от субъекта, в частности сигналов о физиологических проявлениях эмоционального состояния допрашиваемого лица. То есть использование видеоконференции на современном этапе не обеспечивает полноту передачи эмоциональной составляющей общения. Между тем, указанный фактор не может существенно повлиять на результат допроса допрос сведущего лица, поскольку такое лицо не заинтересовано в исходе уголовного дела, и поэтому эмоциональная составляющая допроса такого субъекта сводится к минимуму.

Отмечаем, что разъяснение результатов специального исследования требуют от сведущего лица обращения к разного рода криминалистическим учетам, базам данных и базам знаний, без которых ни заключение эксперта, ни консультации и разъяснения не могут быть в полной мере обоснованными и аргументированными. Потому допрос сведущего лица в режиме видеоконференции, по нашему мнению, является более эффективным нежели его очный допрос. Мы предлагаем расширить положения норм УПК включением в него статьи о проведении допроса в дистанционном режиме, а также о проведении допроса сведущего лица в уголовном судопроизводстве в режиме видеоконференцсвязи с акцентированием, что такое взаимодействие будет способствовать не только сокращению расходов для сведущего лица и позволит минимизировать отвлечение его от основной работы, а и в значительной мере повысит эффективность допроса эксперта относительно предмета проведенного им исследования, а также проведения экспертизы в судебном заседании.

Проблемам участия сведущих лиц при производстве обыска в научной литературе уделяется недостаточно внимания. Как и для других следственных действий, для производства обыска следователь вправе привлекать специалиста. Определив цели обыска, следователь соответственно определяет и необходимость привлечения тех или иных специальных знаний в данное следственное действие.

Необходимость участия сведущего лица в обыске обуславливается следующими обстоятельствами: 1) следователю необходима консультативная помощь, связанная с определением существенных характеристик обыскиваемого объекта (например, о характере

⁴ Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. Х., 1978. С. 6.

преград и возможных способах их преодоления); 2) определение направления поиска; 3) помощь в проведении осмотра обнаруженных в ходе обыска предметов и документов; 4) консультация о необходимости назначения экспертизы в отношении обнаруженных объектов, а также относительно современных возможностей проведения таких исследований; 5) необходимость получения иной помощи, требующей применения специальных знаний.

Анализ практики показывает, что зачастую со стороны обыскиваемого субъекта осуществляется противодействие расследованию. В некоторых случаях следователю удастся предусмотреть вероятность такого развития событий еще на подготовительном этапе этого следственного действия. Однако, нередки случаи, когда оказание сопротивления обыскиваемым не удастся предусмотреть заранее. В этих случаях высока вероятность создания угрозы безопасности жизни и здоровью лиц, принимающих участие в проведении обыска.

По нашему мнению, дистанционное участие сведущего лица при производстве обыска может решить поставленные задачи качественно и в полном объеме. Так, у сведущего лица будет доступ к накопленным базам знаний и различным учетам, для оказания в реальном времени помощи следователю в ходе обыска. При таком участии будет обеспечена безопасность сведущего лица, что, кроме прочего, исключит негативное эмоциональное влияние на него, как на человека, опасющегося за собственную безопасность.

Следует отметить, что и такое процессуальное действие как производство экспертного исследования также возможно с применением средств видеоконференцсвязи. Так, например, обвиняемый имеет право с разрешения следователя присутствовать при производстве отдельных исследований и давать объяснения. Однако, на практике реальное присутствие посторонних при производстве экспертного исследования лишь отвлекает эксперта, создает трудности в правильном восприятии хода и результатов исследований, чревато совершением ошибок. Считаем, что демонстрация обвиняемому хода и результатов исследования в режиме видеоконференции будет более эффективной, поскольку позволит «регулировать» эффект присутствия постороннего лица. Для этого достаточно правильно выставить аппаратуру и обеспечить качественную и безопасную передачу сигнала.

Аналогично, и проведение экспертизы в суде будет намного эффективнее в

дистанционном режиме, поскольку эксперт, находясь на рабочем месте, имеет доступ к необходимому оборудованию, криминалистическим учетам, справочной литературе и пр. Поэтому демонстрация хода и результатов проводимого исследования в таких условиях будет являться более эффективной, поскольку позволит эксперту не только пользоваться необходимыми техническими и научными инструментами, а и наглядно демонстрировать каждое действие, сопровождая его аргументированными пояснениями, что позволит исключить необходимость дополнительно допрашивать эксперта о проведенном исследовании.

Считаем возможным не только участие сведущего лица в проведении различных процессуальных действий в дистанционном режиме, но и процессуальное удостоверение такой процедуры. В современном мире широко используются возможности электронных документов, гарантией защиты от подделки или несанкционированного внесения изменений, в которые может выступать электронная цифровая подпись. В современных информационных сетях электронная цифровая подпись широко используется физическими и юридическими лицами в качестве аналога собственноручной подписи для придания электронному документу юридической силы, равной юридической силе документа на бумажном носителе, подписанного собственноручной подписью правомочного лица и скрепленного печатью. Также электронная цифровая подпись одновременно предназначена для защиты электронного документа от подделки, поскольку она формируется в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа электронной цифровой подписи, что идентифицирует владельца сертификата ключа подписи, а также исключает искажения информации в электронном документе. Современные системы применения электронной подписи надежно обеспечивают:

- удостоверение источника документа. В зависимости от его структуры могут быть подписаны такие поля, как «автор», «внесенные изменения», «метка времени», «время начала и окончания процессуального действия» и т.п.;

- защиту от изменений документа. При любом случайном или преднамеренном изменении документа (или подписи) изменится так называемый «хэш» (электронный блок данных). Следовательно, подпись окажется недействительной;

- невозможность отказа от авторства;

- организацию юридически значимого

электронного документооборота⁵.

Таким образом, мы предлагаем закрепить законодательно возможность участия сведущего лица в уголовном судопроизводстве дистанционно по усмотрению следователя (суда). При этом гарантией удостоверения действий сведущего лица может являться не только документы на традиционных бумажных носителях, но и электронные документы (например, заключения проведенного специального исследования), заверенные электронной подписью этого лица. Считаем, что электронная форма процессуальных документов имеет ряд преимуществ в полноте и наглядности представления криминалистической информации. Использование на практике

электронных документов в уголовном судопроизводстве будет способствовать существенной экономии времени, а также повышению качества восприятия информации, содержащейся в них. При этом осуществляется автоматическая фиксация даты, а также времени начала и окончания того или иного процессуального действия, что во многих случаях является необходимым реквизитом процессуального документа. Предлагаемая форма представления материалов судопроизводства соответствует современным тенденциям его информатизации.

Список цитируемой литературы:

1. Коновалова В.Е. Психология в расследовании преступлений. Харьков. 1978.
2. Лёвин Б.А., Ефимова О.В. Цифровая логистика и электронный обмен данными в грузовых перевозках // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 2 (69). С. 142-149.
3. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания: в 2-х томах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. 802 с.
4. Панько Н.А. АРМ эксперта при взаимодействии субъектов доказывания в режиме видеоконференции // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 3 (32). С. 21-25.
5. Шве́ц С.В., Шумаев Д.Г. Современные возможности фотофиксации места происшествия по факту взрыва // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11 (64). С. 75-79.

The list of the quoted literature:

1. Konovalova V.E. Psychology in the investigation of crimes. Kharkov. 1978.
2. Levin B.A., Efimova O.V. Digital logistics and electronic data exchange in freight transportation // World of transport. 2017. vol. 15. № 2 (69). P. 142-149.
3. Luzgin I.M. Investigation as a cognitive process: in two volumes: thesis ... Doctor of Law. M., 1968.
4. Panko N.A. AWS of an expert in the interaction of subjects of evidence in the mode of videoconferencing // Law Gazette of the Kuban State University. 2017. № 3 (32). P. 21-25.
5. Shvets S.V., Shumaev D.G. Modern possibilities of photo fixation of an accident scene after an explosion // Society: politics, economics, law. 2018. № 11 (64). P. 75-79.

⁵ Лёвин Б.А., Ефимова О.В. Цифровая логистика и электронный обмен данными в грузовых

перевозках // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 2 (69). С. 145.

**ФОРМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
(теоретический аспект)**

**FORMS OF EVIDENTIARY ACTIVITY JUDGES
IN PRE-TRIAL STAGES
RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS
(theoretical aspect)**

Никитина С.В.

*аспирантка кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
судья Красноармейского районного суда Краснодарского края
<https://orcid.org/0000-0002-2219-9941>*

Nikitina S.V.

*Postgraduate student of the Criminal procedure department
Kuban State University
Judge of the Krasnoarmeyskiy District Court of the Krasnodar Territory*

Аннотация: Современные направления научных исследований традиционно связаны с такой сферой как доказывание. Их тенденция такова, что позволяет констатировать расширение не только терминологического аппарата, но и сущности категорий, используемых в теории и в правоприменительной практике. Это, в частности, относится к понятию доказывания и введению в научный оборот категории «доказательственная деятельность». Применительно к сущности этого понятия отсутствует единый методологический подход, а расширение практического использования свидетельствует о необходимости его (подхода) формирования. Помимо этого, есть потребность в разработке процессуальных форм осуществления доказательственной деятельности, что и стало поводом подготовки данной работы и формирования совокупности авторского определения доказательственной деятельности и предложений относительно форм ее реализации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процесс доказывания, доказательственная деятельность, суд, судья, досудебное производство, форма.

Annotation: Modern research areas are traditionally related to the field of proof. Their tendency is such that it allows us to state the expansion of not only the terminological apparatus, but also the essence of the categories used in theory and in law enforcement practice. This applies, in particular, to the concept of proof and the introduction of the category "evidentiary activity" into scientific circulation. In relation to the essence of this concept, there is no single methodological approach, and the expansion of practical use indicates the need for its (approach) formation. In addition to this, there is a need to develop procedural forms of evidence-based activity, which was the reason for the preparation of this work and the formation of a set of author's definition of evidence-based activity and proposals on the forms of its implementation.

Keywords: criminal proceedings, evidentiary process, evidentiary activity, court, judge, pre-trial proceedings, form.

Доказательственная деятельность – понятие, которое приобретает в процессуальной науке, в том числе и уголовного процесса, все

большее распространение. Исследователями эта категория используется в самых разных контекстах¹. Например, отмечаются особенности

¹ См., например, Авилов А.В. Особое процессуальное положение и компетенция суда как субъекта обязанности доказывания // Теория и практика общественного развития. Электронное периодическое издание. 2010. № 3. С. 178–181;

Карякин Е.А. К вопросу о равноправии сторон обвинения и защиты в судебном доказывании: взгляд сквозь призму «арбитражной» деятельности суда // «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве»: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Курск. 2016. С. 142.

осуществления доказательственной деятельности суда в стадии назначения судебного заседания². Определяются субъекты, способствующие осуществлению доказательственной деятельности суда и сторон – специалисты и эксперты³. Другие авторы обозначают проблему изменений в основах доказательственной деятельности в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий⁴. Рассматривается и такой аспект, как разграничение процессуальных возможностей суда и сторон в установлении существенных для уголовного дела обстоятельств⁵.

В отдельных работах авторы формулируют определение доказательственной деятельности на основании таких признаков, как активность, информационность, использование законов логики, исследование и оценка доказательств в целях разрешения «уголовного дела по существу на основе установления обстоятельств дела в соответствии с действительностью»⁶. В структуре доказательственной деятельности учеными выделяются определенные уровни: исследования доказательств и установления обстоятельств⁷.

Есть и позиция, в соответствии с которой доказательственная деятельность не ограничивается от процесса доказывания⁸. С.А. Шейфер писал: «В работах последних лет нередко употребляется термин "уголовно-процессуальное доказывание", позволяющий считать, что существует и доказывание иного рода. С этим термином можно было бы согласиться, если обозначить им доказательственную деятельность в одной из трех сфер осуществления юрисдикции»⁹. Таким образом, по мнению уважаемого ученого, доказывание совпадает с доказательственной деятельностью.

Используя метод анализа и обобщения можно сформировать общий перечень

признаков, который отражает, по мнению ученых, сущность доказательственной деятельности. Это – наличие структуры, активность, инициативность, познавательность, проверка, исследование доказательств, специфические субъекты.

Данная совокупность признаков, на наш взгляд, имеет несколько поводов для дискуссии. Во-первых, указание на активность как сущностный признак доказательственной деятельности представляется не вполне верным, т.к. не все субъекты этой деятельности (например, суд, судья) далеко не всегда обладают полномочием по инициативному и активному ее проведению. Особенно, если принять во внимание наличие особых форм судебного разбирательства. Аналогичные сомнения вызывает и такой признак, как цель доказательственной деятельности – разрешение дела по существу. Доказательственная деятельность носит явный познавательный характер, ее суть заключается в получении, процессуальной проверке (обработке, интерпретации) и оценке необходимой информации. Что касается разрешения уголовного дела по существу, то, на наш взгляд, включать его в рамки данной деятельности не следует. Это самостоятельная часть судебной деятельности, имеющая собственные задачи и правила их решения.

Во-вторых, из числа существенных признаков упускается такой обязательный признак доказательственной деятельности как ее правовая основа.

В-третьих, дискуссии относительно структуры и состава элементов доказательственной деятельности делают невозможным формирование однозначного представления о них. В силу чего рассматривать столь проблемный в теоретическом и практическом плане признак в качестве сущностного, определяющего представляется

² См.: Комбарова Е.Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 150.

³ См.: Захохов З.Ю. Формы использования специальных знаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 2. С. 117.

⁴ См.: Зубенко С.В., Колдин В.Я., Ниесов В.А. Формирование правового режима информации процессуального доказывания // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 76.

⁵ См.: Терехова Л. А. Специальные знания в доказательственной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 137.

⁶ См.: Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 6–7.

⁷ См.: Шахбанова Х.М. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учеб. пос. (курс лекций). Махачкала, 2011. С. 70.

⁸ Новик В.В. Доказательственная деятельность и формирование доказательств: конспект лекций. СПб., 2005. С. 5.

⁹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М., 2014. С. 13.

методологически не верным.

В-четвертых, указание на то, что доказательственная деятельность суда осуществляется лишь для установления *соответствия действительности юридически значимых обстоятельств дела означает ограничение судебной доказательственной деятельности в познавательном аспекте*. Получается, что эта деятельность носит исключительно проверочный, исследовательский характер. Однако, в силу объективных закономерностей познания обстоятельств действительности в целом и события преступления в частности, для того, чтобы установить соответствие каких-либо обстоятельств действительности ее (действительность) нужно знать. Но суд не знает реальных обстоятельств, поскольку он непосредственно не наблюдал совершение преступления и его познание происходит через сведения, представленные ему в судебном разбирательстве. Следовательно, «разрывать» познание и исследование недопустимо.

Наличие расхождений в определении сущности, процессуального смысла и других признаков доказательственной деятельности, как понятия приобретающего все большее научное распространение и применение, на наш взгляд, ставит задачу формирования теоретической основы для решения данной проблемы.

1. Сущность доказательственной деятельности. Из приведенных выше и иных достаточно многочисленных точек зрения на вопрос о сущности доказательственной деятельности можно сформировать три позиции:

а) сущностью доказательственной деятельности выступает уголовно-процессуальное доказывание;

б) доказательственная деятельность по своей сути отличается от доказывания, основанием отличий выступают структура и содержательное наполнение доказательственной деятельности.

в) доказательственная деятельность частично воспринимает признаки доказывания. При этом доказывание в одних случаях рассматривается как более широкое понятие, в других – как более узкое.

Можно также выделить отдельные частные аспекты, которые, по нашему мнению, нуждаются в уточнении и теоретическом исследовании:

- участники доказательственной деятельности;
- формы ее осуществления;
- этапы (структура);
- процедурные особенности доказательственной деятельности в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и т.д.

Охватить весь комплекс обозначенных вопросов рамками одной научной работы не представляется возможным, поэтому мы ограничимся двумя аспектами, которые, по нашему мнению, представляют наибольший научный и практический интерес.

Понятие доказательственной деятельности, ее определение.

Доказательственная деятельность представляет собой исключительно теоретическое понятие, законодательно не используемое. Такое положение не является исключительным. Можно привести и другие примеры, когда категория, не используемая законодателем, успешно исследуется в науке уголовного процесса, например, гарантии законности, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и т.д. Следовательно, сам факт наличия понятия, не имеющего легального закрепления, не может выступать основанием для отказа от его изучения или применения.

Целесообразность выделения этого понятия обусловлена несколькими факторами. Так, ученые, рассматривающие доказательственную деятельность и доказывание как синонимы, таким способом разнообразят процессуальную терминологию.

В случаях же, когда эти понятия наполняются индивидуальным содержанием, есть проблема разграничения, поскольку определение этих категорий имеет достаточно существенное отличие. Доказывание – многократно и со многих сторон определяется в науке уголовного процесса¹⁰. Высказанные в науке уголовного процесса позиции о сущности доказывания позволяют вычлениить следующие

¹⁰ См., например, Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997. С. 172; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования М., 2008. С. 36; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования М., 2008. С. 36; Хмыров А.А. Теория

доказывания: учеб. пос. Краснодар, 2006. С. 8–9; Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания: Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013. С. 122; Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учеб. пос. Челябинск, 2006. С. 58.

его основные теоретические характеристики:

- 1) уголовно-процессуальная природа;
- 2) наличие процессуальной формы, включающей законодательную основу, структуру, состоящую из собирания, проверки и оценки доказательств;
- 3) содержание доказывания составляют два тесно переплетающихся основных направления – познание и обоснование (аргументация);
- 4) субъекты доказывания – специальный круг участников уголовного судопроизводства, уполномоченных принимать властные процессуальные решения.

На наш взгляд, доказывание и доказательственная деятельность – категории отличающиеся. Доказательственная деятельность, как представляется, имеет иную совокупность характеризующих ее признаков.

Во-первых, в содержание доказательственной деятельности, полагаем, входят действия не только познавательного либо исследовательского характера, а также аргументация, оперирование сведениями, доказательствами и фактами, но и принятие решений, необходимых для проведения полноценного доказывания. Так, к подобным действиям и решениям можно отнести запрос суда, судьи относительно представления необходимых сведений, адресованный лицам или организациям. При этом суд решает задачу по обеспечению полноты и всесторонности изучения события преступления. Следовательно, Отнесение к доказательственной деятельности обусловлено обеспечительным характером этого действия. Примером решений, составляющих содержание доказательственной деятельности, могут стать исключение доказательств из числа допустимых, приобщение к материалам уголовного дела документов и иных объектов, представленных сторонами.

Помимо этого, содержание доказательственной деятельности включает работу суда со сведениями, не имеющими процессуальной формы доказательств. Например, в досудебном производстве при рассмотрении и разрешении ходатайств следователя, дознавателя о производстве следственных действий могут использоваться результаты ОРД. Их использование не запрещено законом, может стать полезным для принятия законного и обоснованного судебного решения. А кроме того, такого рода сведения на определенных этапах уголовного судопроизводства могут стать единственным источником информации относительно искомых судом обстоятельств. В то же время, использование судом такого рода сведений не

может охватываться рамками доказывания, в том контексте, как его использует законодатель. Соответственно, есть основания рассматривать содержание доказательственной деятельности, как состоящее из:

- информационного аспекта, включающего использование доказательств, а также сведений, не имеющих такой формы;
- организационного, реализуемого в процессуальном порядке, обеспечивающем получение и использование необходимой информации.

Во-вторых, доказательственную деятельность могут осуществлять не только процессуально властные субъекты, но любые участники уголовного судопроизводства, включая потерпевшего, его представителя, обвиняемого, его защитника и т.д. Отличаются только формы доказательственной деятельности.

В-третьих, структура доказательственной деятельности более разветвленная, чем у доказывания и включает не только этапы собирания, проверки и оценки доказательств, но и элементы подготовительного, организационного, включая распорядительный, характера.

Общим признаком доказывания и доказательственной деятельности, по нашему мнению, выступает их уголовно-процессуальная правовая природа, заключенная в законодательном регулировании.

Следует отметить возможность дифференциации, вариативности форм доказательственной деятельности.

Различия в формах доказательственной деятельности зависят и от типа уголовного судопроизводства, основной концепции (процессуальной истины, объективной истины или состязательности уголовного судопроизводства) его построения и организации. На этом основании в современном уголовном судопроизводстве можно выделить несколько форм доказательственной деятельности суда и судьи.

Полагаем, что вне зависимости от концептуальных подходов основным критерием для выделения форм доказательственной деятельности являются особенности процессуального положения, статуса субъекта, цель и условия деятельности. Например, доказательственная деятельность суда совершенно определенным и принципиальным образом отличается от аналогичной по названию деятельности прокурора или потерпевшего. Форма доказательственной деятельности судьи в стадии предварительного расследования имеет ряд характерных особенностей в сравнении с формой этой же деятельности в стадии судебного

разбирательства в первой инстанции. Можно говорить и о дифференциации формы доказательственной деятельности в зависимости от особенностей процедуры судебного разбирательства: в общей форме, при особом порядке принятия судебного решения, при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Форма доказательственной деятельности образуется на основании совокупности таких элементов, как:

- цель и задачи деятельности;
- средства, доступные субъекту деятельности для достижения цели, включая полномочия субъекта;
- процедура деятельности, включая механизмы реализации полномочий, сроки деятельности, средства обеспечения законности и др.;
- условия реализации деятельности, определяемые особенностями стадий уголовного судопроизводства, специальными правилами, предусмотренными законодателем (например, производство в отношении предпринимателей)

С учетом указанных элементов может быть сформирована теоретическая форма или модель доказательственной деятельности судьи в досудебных стадиях.

Формы доказательственной деятельности судьи в условиях досудебных стадий уголовного судопроизводства также имеют существенные отличия. Например, рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ или ходатайств следователя, дознавателя о производстве следственных действий или применении некоторых мер пресечения, полагаем, протекает в различных формах доказательственной деятельности.

Таким образом, подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Доказывание и доказательственная деятельность представляют собой два самостоятельных теоретических понятия, обладающих существенными отличительными признаками. Понятие доказывания имеет устоявшееся в науке уголовного процесса определение.

Доказательственная деятельность представляется в виде совокупности действий и решений участников уголовного судопроизводства, основанных на правовых положениях (законодательных и подзаконных),

направленных на выявление, установление, опровержение фактов совершенного преступления, а также иных имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, в том числе в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, не только уголовно-процессуальными, но и иными средствами и способами.

2. По своему содержанию доказательственная деятельность в уголовном судопроизводстве шире уголовно-процессуального доказывания и включает не только деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, но также подготовительный и организационный, обеспечительный элементы. При этом применительно к отдельным участникам уголовного судопроизводства доказательственная деятельность может не иметь определенных элементов, например, потерпевший, защитник не собирают доказательства, но осуществляют доказательственную деятельность в иных формах.

3. Формы доказательственной деятельности представляют собой отдельные, в различной степени законодательно регламентированные процедуры, отличающиеся особенностями, обусловленными целью и задачами деятельности, процессуальным статусом субъекта этой деятельности, стадией уголовного судопроизводства и рассматриваемыми вопросами.

4. Доказательственная деятельность судьи – это совокупность процессуальных действий и решений, направленная на достижение такой цели как постановление законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения и связанных с ней задач, осуществляемая исключительно средствами и способами, установленными уголовно-процессуальным законом.

Формы этой деятельности характеризуются законодательным определением принципов и частных правил осуществления, их вариативностью в зависимости от стадии и разрешаемых судьей вопросов, выполнением судьей всех предписаний уголовно-процессуального закона в части определения доказательств, предмета и пределов доказывания.

Список цитируемой литературы:

1. Авилов А.В. Особое процессуальное положение и компетенция суда как субъекта обязанности доказывания // Теория и практика

The list of the quoted literature:

1. Avilov A.V. Special procedural status and competence of the court as a subject of the duty of proof // Theory and practice

общественного развития. Электронное периодическое издание. 2010. № 3. С. 178–181.

2. Давлетов А.А. основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург. 1997.

3. Захохов З.Ю. Формы использования специальных знаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 2. С. 116–118.

4. Зубенко С.В., Колдин В.Я., Нисов В.А. Формирование правового режима информации процессуального доказывания // Российское правосудие. 2009. № 10 (42). С. 77-83.

5. Карякин Е.А. К вопросу о равноправии сторон обвинения и защиты в судебном доказывании: взгляд сквозь призму «арбитражной» деятельности суда // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практич. конф. Курск. 2016. С. 132-142.

6. Комбарова Е.Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 143–151.

7. Кудрявцева А.В. Теория доказывания в юридическом процессе: учеб. пос. Челябинск. 2006.

8. Новик В.В. Доказательственная деятельность и формирование доказательств: конспект лекций. СПб., 2005.

9. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания: Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар. 2013.

10. Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

11. Терехова Л.А. Специальные знания в доказательственной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (41). С. 136- 140.

12. Хмыров А.А. Теория доказывания: учеб. пос. Краснодар. 2006.

13. Шахбанова Х.М. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учеб. пос. (курс лекций). Махачкала. 2011.

14. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М., 2014.

15. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования М., 2008.

of General development. Electronic periodical. 2010. № 3. P. 178-18.

2. Davletov A.A. foundations of the criminal procedural knowledge. Yekaterinburg. 1997.

3. Zakhokhov Z.Y. Forms of using special knowledge in forming the conclusion and testimony of a specialist in criminal proceedings // Business in law. Economic and legal journal. 2011. no. 2. P. 116-118.

4. Zubenko S.V., Koldin V.Y., Nisov V.A. Formation of the legal regime of information of procedural proof // Russian justice. 2009. №. 10 (42). P. 77-83.

5. Karyakin E.A. On the issue of equality of the parties to the prosecution and defense in judicial evidence: a view through the prism of "art-bitral "activity of the court // Justice and equality in criminal proceedings: materials vseros. scientific-practical Conf. Kursk. 2016. P. 132-142.

6. Kombarova E.L. Features of evidentiary activity performed by the court during the preliminary hearing of criminal cases // Judicial power and criminal procedure, 2016. № 1. P. 143-151.

7. Kudryavtseva A.V. Theory of proof in the legal process: textbook. stipend. Chelyabinsk. 2006.

8. Novik V.V. Evidentiary activity and formation of proofs: lecture notes. Saint Petersburg, 2005.

9. Sementsov V.A. Formation of evidence in the structure of criminal procedural evidence: Election. articles on criminal procedure. Krasnodar. 2013.

10. Syskov V.L. Evidentiary activity of the first instance court in criminal cases abstract ... Candidate of Law. Chelyabinsk, 2006.

11. Terekhova L.A. Special knowledge in evidentiary activity // Bulletin of Omsk University. Series «Law». 2014. № 4 (41). P. 136-140.

12. Khmyrov A.A. Theory of proof: textbook. stipend. Krasnodar. 2006.

13. Shakhbanova H.M. Evidence and proof in criminal proceedings: study. pos. (course of lectures). Makhachkala. 2011.

14. Shafer S.A. Proofs and proofs on corner cases: problems of theory and legal regulation: monogramm. M., 2014.

15. Shafer S. A. Proofs and proof in corner cases: problems of theory and legal regulation. M., 2008.

**ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ И ИТОГОВЫЕ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ИХ РЕШЕНИЕ**

**INTERIM AND FINAL COURT DECISIONS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
CLASSIFICATION PROBLEMS AND THEIR SOLUTION**

Титков А.В.

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-3295-5349>*

Titkov A.V.

*Senior lecturer of the Criminal procedure department
Kuban state University*

Аннотация: В статье изложены результаты проведенного исследования проблемы классификации судебных решений на итоговые и промежуточные. Сформулирована авторская позиция о признаках этих решений и предложено их авторское определение, а также высказана позиция относительно цели законодателя по разделению судебных решений на итоговые и промежуточные, степени ее достижения и тех проблемах, которые связаны с практическим аспектом существования этих видов судебных решений. Представлены результаты анализа правового режима апелляционного обжалования промежуточных судебных решений, а также проблем обеспечения прав участников уголовного судопроизводства применительно к обжалованию промежуточных судебных решений и возможные пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, решения, классификация, виды, промежуточные, итоговые, права, обеспечение, апелляционное обжалование.

Annotation: The article presents the results of the research on the classification of court decisions into final and intermediate ones. The author's position on the features of these decisions is formulated and their author's definition is proposed, as well as a position on the goal of the legislator to divide court decisions into final and intermediate ones, the degree of its achievement and the problems that are associated with the practical aspect of the existence of these types of court decisions. The article presents the results of the analysis of the legal regime of appeal of interim court decisions, as well as the problems of ensuring the rights of participants in criminal proceedings in relation to the appeal of interim court decisions and possible ways to solve them.

Keywords: criminal procedure, decisions, classification, types, intermediate, final, rights, security, appeal.

Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) дает определение понятию «процессуальное решение». 29 декабря 2010 г. был принят Федеральный закон № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», который, дополнив ст. 5 УПК РФ

новыми пунктами 53.1-53.3, определил понятия «судебное решение», «итоговое судебное решение» и «промежуточное судебное решение»¹.

Появившееся нововведение вызвало интерес ученых-процессуалистов, что стало поводом к обсуждению этих вопросов в широкой научной печати. Так, например, П.А. Лупинская, выделяла признаки промежуточных судебных решений, указывая на их процессуально-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных

законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

правовую природу, действие в пределах одной стадии, решение ограниченного перечня вопросов². А.С. Червоткин указал на цель промежуточных решений, которая заключается в создании условий «для реализации участниками процесса их прав и законных интересов, для правильного разрешения уголовного дела без неоправданной задержки»³. Ему же принадлежит идея рассматривать промежуточные решения в широком и узком смысле⁴. Согласно мнению Н.В. Радутной промежуточные решения посвящены «частным вопросам производства по уголовному делу»⁵.

С.В. Бурмагин отрицательно относится к возможности понимать судебное решение как промежуточное⁶. В его понимании промежуточное судебное решение является аналогом неокончательного или неполного судебного решения. Помимо этого, он указывает на временной критерий, определяющий категорию «промежуточное», поскольку она означает совершение чего-либо в каком-либо отрезке времени, позиция С.В. Бурмагина по вопросу разграничения судебных решений на итоговые и промежуточные заключается в выделении такого отличительного признака (свойства) акта суда как отражение в нем результатов рассмотрения уголовного дела. Одним из признаков итогового судебного решения он считает его свободное обжалование, т.е. независимо от иных судебных решений в вышестоящую судебную инстанцию⁷.

А.Д. Прошляков отмечает проблему законодательного закрепления момента вступления в силу промежуточных решений⁸.

М.В. Беляев высказывает мнение о существовании двух подвидов промежуточных судебных решений: вынесенные в ходе

судебного контроля и при производстве в первой инстанции⁹.

На наш взгляд, полученные ранее результаты, не исчерпали всей проблематики, которая связана с появлением в российском уголовном судопроизводстве промежуточных судебных решений. Помимо необходимости продолжения исследований в части раскрытия их сущности (основных признаков) актуальность имеет изучение влияния промежуточных судебных решений на обеспечение прав участников апелляционного производства. Уровень обеспеченности прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства обусловлен стабильностью, устойчивостью, преюдициальным значением и другими признаками судебных решений, а также возможностью обжалования и процедурой их пересмотра в вышестоящей, в частности, в апелляционной инстанции.

Проблематика обеспечения прав участников применительно к промежуточным судебным решениям заключается в формировании оптимального способа их обжалования, процедуры рассмотрения судом вышестоящей судебной инстанции, а также определении процессуального потенциала участников на всех этапах уголовного судопроизводства, связанных с вынесением, обжалованием и пересмотром этого вида судебных решений.

Учитывая масштабность этих проблем, их теоретическую и практическую значимость в данной работе обратимся только к некоторым аспектам – понятию и процедуре обжалования промежуточных судебных решений.

В современном уголовном судопроизводстве процедура обжалование

² Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2010. С. 52.

³ Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2011. С. 82

⁴ Червоткин А.С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе. С. 31.

⁵ Радутная Н.В. Избранное. М., 2010. С. 112.

⁶ Бурмагин С.В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе. Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 98.

⁷ Бурмагин С.В. Указ. соч. С. 99-100.

⁸ Например, «УПК РФ устанавливает момент вступления в силу итогового судебного решения. Однако относительно промежуточных постановлений и определений законодатель не вносит ясности, что на практике порождает неопределенность, а в теории – споры» // Прошляков А.Д. О моменте вступления в

силу промежуточных судебных решений по уголовным делам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 15. С. 57.

⁹ Например, «Судебные решения, принимаемые в рамках осуществления судебного контроля: а) судебные решения, принимаемые в ходе осуществления судебного контроля в ходе досудебного производства по уголовному делу... Промежуточные судебные решения, принимаемые в ходе производства по делу в суде первой инстанции: а) решения правообеспечительного и организационного характера: решения, требующие высокого уровня доказанности и специально предусмотренной процедуры для их вынесения ...» // Беляев М.В. Классификация судебных решений в уголовном процессе // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: матер. круглого стола. М., 2018. С.16-17.

судебных решений имеет самое непосредственное отношение к их классификации, отнесению решения к итоговым или промежуточным. Видовая принадлежность судебного решения кардинально изменяет порядок обжалования, а также процедуру их рассмотрения в вышестоящей судебной инстанции. В связи с чем особенную значимость в научном и практическом отношении приобретает вопрос видового определения судебного решения, его отнесения к категории промежуточных или итоговых.

Приведенные выше, а также иные имеющиеся в науке уголовного процесса мнения относительно промежуточного судебного решения позволяют выделить следующие его признаки:

- вспомогательный характер (они способствуют созданию необходимых условий для реализации участниками процесса их прав и законных интересов и разрешению уголовного дела без неоправданной задержки¹⁰). Есть и мнение, отрицающее данный признак¹¹;
- разрешение частного вопроса¹²;
- отсутствие момента вступления в законную силу;
- отсутствие порядка рассмотрения (механизма апелляционного пересмотра);
- круг лиц, обладающих правом на обжалование.

Применительно к позиции законодателя судебное решение определяется такими признаками, как:

- имеет волевой характер (императивный);
- принимается по определенному законом вопросу (-ам);
- имеет специальную процессуальную форму (приговор, постановление или определение).

Законодательный критерий разграничения судебных решений на

промежуточные и итоговые законодателем ставится в зависимость от разрешаемого вопроса. Если речь идет о разрешении уголовного дела по существу, то это итоговое судебное решение. Все иные судебные решения отнесены к категории промежуточных. Промежуточное решение упоминается в нескольких статьях УПК РФ: в ст. 30. «Состав суда», ст. 389.8. «Последствия подачи апелляционных жалобы, представления», ст. 401.3. «Порядок подачи кассационных жалобы, представления».

Отметим интересное, на наш взгляд, обстоятельство, связанное с законодательным определением обжалования промежуточных судебных решений: в ст. 389.8 УПК РФ речь идет о *промежуточных судебных решениях, не подлежащих самостоятельному апелляционному обжалованию*. В ст. 401.3 УПК РФ отмечается возможность подачи кассационного представления, жалобы на промежуточное судебное решение уже без оговорок о том, что это может быть самостоятельное обжалование. В системном истолковании эти законодательные положения позволяют заключить, что промежуточные судебные решения законодательно имеют два правовых режима обжалования:

- самостоятельное;
- не самостоятельное, только вместе с иными.

Однако этот режим распространяется только на этап апелляционного обжалования.

Сложность складывающейся картины в вопросе обжалования промежуточных судебных решений не упрощает разъяснение Пленума Верховного Суда РФ. Так, в одном из его постановлений, посвященных апелляционному производству, говорится об итоговом, промежуточном и иных судебных решениях¹³. При этом высший судебный орган дает толкование понятия «итоговое судебное решение»¹⁴ и содержит указание на его виды:

¹⁰ Червоткин А.С. Новое в законодательстве о пересмотре промежуточных судебных решений по уголовным делам // Российский судья. 2011. № 3. С. 5.

¹¹ Например, «В ряде случаев промежуточные решения выходят за пределы данного значения и имеют самостоятельную ценность». К имеющим «самостоятельную ценность» и сопоставимое с итоговым судебным решением значение указанный автор относит решения суда, принимаемые в рамках судебного контроля в досудебном производстве и в стадии исполнения приговора // Беляев М.В. Критерии дифференциации судебных решений в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6. С. 11-12.

¹² Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2/2. С. 80.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (в ред. от 1 декабря 2015 г. № 54) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. № 283; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

¹⁴ «... вынесено судом 1 инстанции при рассмотрении дела по существу; завершает производство по уголовному делу в целом или в

постановление (определение): о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия; о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера. В результате наработки судебной практики к числу итоговых также отнесено постановление председательствующего судьи о роспуске коллегии присяжных заседателей после вынесения ею вердикта¹⁵.

Однако о понятии промежуточных судебных решений в судебных актах, в том числе разъяснительного характера, говорится лишь в прецедентом отношении, т.е. дается перечень судебных решений, безотносительно к их общим признакам¹⁶. К числу таких решений отнесены решения, затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства или нарушающие их права на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки, а также препятствующие дальнейшему движению дела. Эти решения подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу.

Законность и обоснованность иных промежуточных судебных решений могут быть проверены судом апелляционной инстанции одновременно с проверкой законности и обоснованности итогового решения по делу.

Как представляется, приведенное толкование имеет право на существование, но в силу активного развития уголовно-процессуальных правоотношений такой подход мало конструктивен. Мы согласны с позицией о том, что пробелы законодательного регулирования в части определения, как понятия, так и конкретного перечня промежуточных

решений, подлежащих самостоятельному обжалованию, создают правовую неопределенность. Законодательное урегулирование этих сторон уголовно-процессуальных отношений позволит получить положительный результат¹⁷.

Соответственно полагаем возможным предложить собственное видение решения указанной задачи.

1. Исходной точкой наших рассуждений в указанном направлении выступает цель, которую преследовал законодатель введением двух категорий судебных решений – промежуточных и итоговых. На наш взгляд, этой целью была объективная потребность установить различный порядок в процедуре обжалования различных категорий решений. Этот тезис подтверждается тем обстоятельством, что *никаких иных уголовно-процессуальных последствий указанное деление судебных решений не имеет*.

Полагаем, что законодатель был прав в части постановки указанной цели. Действительно, судебные решения отличаются по своему характеру, содержанию и правовой значимости. Соответственно должен был быть установлен особый режим обжалования различных групп судебных решений.

2. Достижение указанной цели в настоящее время можно считать неэффективным, в силу возникновения существенных трудностей правоприменительного характера, в числе которых ошибки судов в оценке категории, характера судебных решений, порождающих нарушения законных интересов, конституционных и иных прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Так, например, суд апелляционной инстанции ошибочно принял к производству и вынес решение по жалобе адвоката о

отношении конкретного лица; в данном судебном решении должны быть разрешены вопросы о виновности лица, назначении ему наказания либо освобождении его от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом» // Там же.

¹⁵ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 января 2012 г. №366-П11пр: дело направлено на новое кассационное рассмотрение, поскольку выводы суда о том, что постановление председательствующего о роспуске коллегии присяжных заседателей является промежуточным судебным решением и подлежит обжалованию и пересмотру в кассационном порядке, не соответствуют требованиям закона // Доступ из СПС Гарант.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 2626 (в ред. от 1 декабря 2015 г. № 54) «О применении норм

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»: Определения и постановления суда, вынесенные в ходе досудебного производства или судебного разбирательства, которыми уголовное дело не разрешается по существу или не завершается производство в отношении конкретного лица, а также судебные решения, вынесенные в процессе исполнения итоговых судебных решений.

¹⁷ Так, указывается на возможность сократить сроки судебного разбирательства, исключить «нецелесообразное расходование ресурсов судебной системы, что приведет к упорядочению судебной практики» // Матейчук В.И. Апелляционное обжалование промежуточных решений в уголовном судопроизводстве как гарантия соблюдения конституционных прав // Социум и власть. № 1 (51). 2015. С. 71.

восстановлении срока на апелляционное обжалование, ранее уже вынесенного апелляционного постановления районного суда, хотя УПК РФ определяет вступление апелляционных решений в момент их провозглашения судом и устанавливает порядок их дальнейшего обжалования только в кассационную инстанцию¹⁸.

3. Для преодоления сложившейся ситуации полагаем можно использовать следующие шаги:

- *отказаться от деления судебных решений на итоговые и промежуточные.* Тем более, что учеными-процессуалистами высказаны многочисленные и весомые критические замечания, касающиеся как содержательного, сущностного порядка, так и терминологической некорректности указанных терминов;

- основой для классификации судебных решений и соответствующей дифференциации процедуры их апелляционного обжалования может выступить такой признак, как *влияние (воздействие) на конституционные права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в эту правовую сферу*;

- для решений, оказывающих непосредственное и существенное воздействие на конституционные права и законные интересы указанных лиц, должен быть установлен более сложный режим апелляционного обжалования, чем для иных процессуальных судебных решений.

Применительно к судебным решениям, оказывающим непосредственное воздействие на

конституционные права и законные интересы участников и иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство должны быть подробно разработаны и определены такие характеристики, как порядок вступления в законную силу, преюдициальность, правила доказывания, изложенных в них обстоятельств, порядок обжалования и пересмотра вышестоящей судебной инстанцией, в частности, апелляционной и др.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1) виды судебных решений (итоговые и промежуточные), предусмотренные в УПК РФ, не позволяют достичь основной цели, а именно, сформировать оптимальную процедуру их апелляционного обжалования и пересмотра в силу многочисленных проблем в правоприменительной судебной деятельности, порождаемых указанным делением судебных решений, в том числе, возникающей правовой неопределенностью по отнесению конкретных судебных решений к одному из указанных видов;

2) решением проблемы классификации судебных решений может стать изменение в ее критерии. Если сейчас этим критерием выступает разрешаемый судом вопрос, то мы предлагаем заменить его таким признаком, как оказание непосредственного воздействия на конституционные права участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлекаемых в его сферу. Такая замена позволит выделить те судебные решения, которые подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию или могут быть обжалованы в совокупности с иными решениями.

Список цитируемой литературы:

1. Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам // Известия Алтайского государственного университета 2011. № 2/2. С. 79-81.
2. Беляев М.В. Критерии дифференциации судебных решений в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 6. С. 9-19.
3. Беляев М.В. Классификация судебных решений в уголовном процессе // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола. М., 2018. С. 9-18.
4. Бурмагин С.В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте

The list of quoted literature:

1. Azarov V.A., Konstantinova V.A. Interim decisions of the court of the first in-station in the implementation of justice in criminal cases // Izvestiya Altayskogo gos. Un-ta. № 2/2. 2011. P. 79-81.
2. Belyaev M.V. Criteria for the differentiation of judicial decisions in criminal Pro-process-Library of CSI. Scientific journal. 2017. № 6. P. 9-19.
3. Belyaev M.V. Classification of court decisions in criminal proceedings // Ensuring the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: Materials of the round table. M., 2018. P. 9- 18.
4. Burmagin S.V. Final and intermediate judicial decisions in the context

¹⁸ Апелляционное постановление Томского областного суда от 13 февраля 2020 г. № 22-170/2020 по делу № 10-33/2019. [Электронный ресурс].

<https://sudact.ru/regular/doc/nCrQ91esDdlT/> (дата обращения – 5 сентября 2020 г.).

единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 97-105.

5. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика: монография. М., 2010.

6. Матейчук В.И. Апелляционное обжалование промежуточных решений в уголовном судопроизводстве как гарантия соблюдения конституционных прав // Социум и власть. № 1 (51). 2015. С. 67-73.

7. Прошляков А.Д. О моменте вступления в силу промежуточных судебных решений по уголовным делам // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. 2015. № 15. С. 57-60.

8. Радутная Н. В. Избранное. М., 2010.

9. Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2011.

10. Червоткин А.С. Развитие понятия промежуточного судебного решения в современном уголовном процессе. // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 31-35.

11. Червоткин А.С. Новое в законодательстве о пересмотре промежуточных судебных решений по уголовным делам // Российский судья. 2011. № 3. С. 4- 8.

of unity and differentiation of judicial proceedings in criminal proceedings. Current problems of Russian law. 2019. №. 9. P. 97-105.

5. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice. M., 2010.

6. Mateychuk V.I. Appeal of interim decisions in criminal proceedings as a guarantee of compliance with constitutional rights // Society and power. № 1 (51). 2015. P. 67-73.

7. Proshlyakov A.D. On the date of entry into force of the interim judicial decisions in criminal matters // Bulletin of the South Ural state University. Series: Law. 2015. № 15. P. 57-60.

8. Radutnaya N.V. Izbrannoe. M., 2010.

9. Chervotkin A.S. Appeal and cassation: a manual for judges. M., 2011.

10. Chervotkin A.S. Development of the concept of an interim judicial decision in a modern criminal process. // The Russian justice. 2011. № 11. P. 31-35.

11. Chervotkin A.S. New legislation on the review of interim judicial decisions in criminal cases // Russian judge. 2011. № 3. P. 4-8.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**УСТАНОВЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА
КАК УСЛОВИЕ ДОПРОСА**

**ESTABLISHING AND SUPPORTING
THE PSYCHOLOGICAL CONTACT
AS A NECESSARY CONDITION FOR INTERROGATION PROCEEDING**

Балугина Т.С.

*доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-4465-1668>*

Balugina T.S.

*Associate Professor of Criminalistics and Legal Informatics department
Kuban State University*

Бондаренко Ю.А.

*кандидат юридических наук
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-5750-685X>*

Bondarenko Yu.A.

*Candidate of Law
Associate Professor of Criminalistics and Legal Informatics department
Kuban State University*

Аннотация: одним из условий подготовки к допросу выступает установление психологического контакта, но в литературе последних лет вопрос о его формировании не поднимался. В статье рассмотрен общий порядок формирования и поддержания психологического контакта следователем с допрашиваемым лицом. Рассмотрены и проанализированы некоторые наиболее эффективные способы межличностного взаимодействия на основе требований владения инициативой допроса и побуждения к активной даче показаний допрашиваемым лицом. В частности, рассмотрены такие способы, изучение личности допрашиваемого, использование его интересов, нейтрализация сдерживающих факторов в общении, что ведет, в свою очередь, к снижению процессуальных издержек расследования.

Ключевые слова: психологический контакт, предварительное расследование, допрос, следователь, аттракция, инициатива.

Annotation: one of the conditions for preparing for an interrogation is the establishment of psychological contact, but in the literature of recent years, the question of its formation has not been raised. The article considers the General procedure for forming and maintaining psychological contact between the investigator and the interrogated person. Some of the most effective ways of interpersonal interaction based on the requirements of ownership of the interrogation initiative and the incentive to actively give evidence by the interrogated person. In particular, we consider such methods as studying the identity of the interrogated person, using his interests, neutralizing restraining factors in communication, which leads, in turn, to reducing the procedural costs of the investigation.

Keywords: psychological contact, investigation, interrogation, detective, attraction, initiative.

В современной российской криминалистике с начала века многими исследователями отмечена тенденция к психологизации следственной деятельности и изучение возможностей по внедрению в нее закономерностей психологии и смежных с ней естественных наук. Основные предложения сводятся к повышению эффективности организации труда следователя, ускорению времени производства вербальных следственных действий, снятию барьеров в общении между субъектами организации расследования.

Однако практические потребности следователей, особенно не имеющих достаточного опыта деятельности, говорят о проблемах установления и поддержания общей психологической атмосферы взаимоотношений во время производства следственных действий. Здесь следователи отмечают прямую связь высокой работоспособности и эффективности труда от умения устанавливать и поддерживать психологический контакт с участниками расследования.

Ю.И. Ильченко удачно определил психологический контакт как «ситуативное состояние взаимоотношений с различными лицами, характеризующихся достижением взаимопонимания и снятием барьеров при общении в целях получения информации или совершения каких-либо действий, значительных для успешного решения задач, стоящих перед работником управления. Выбор приемов установления психологического контакта зависит от личности руководителя, личности собеседника, условий и обстоятельств установления контакта, и содержания конкретной управленческой задачи»¹.

Практическое воплощение психологического контакта зависит от характера следователя, его состояния, от верной оценки им психологического состояния и характера человека, с которым осуществляется взаимодействие, с учетом его процессуального статуса. Следователь, прежде всего, создает условия для реализации потребности человека в общении в такой степени, когда человек сам желает высказаться.

По этому поводу Ю.В. Трофимова указывает, что «характерными чертами психологического контакта являются: достижение общности, наличие доверия, наличие

интереса и готовности к общению, интерес к информации, осознание единства целей»².

Предпосылкой для установления психологического контакта является собирание информации о личности, с которой контакт должен быть установлен. Сюда включается информация «о семье, близких родственниках; о наличии среди друзей и родственников, привлекавшихся к уголовной ответственности или служивших в правоохранительных органах и отношении лица к этому; об образовании и службе в армии; способности; темперамент; ценности; преобладающие потребности; интересы»³.

Для установления психологического контакта следователями на практике часто применяются несколько способов, показавших свою эффективность.

Первый способ (рациональный) – предварительное изучение личности лица и составление плана общения с анализом своих личных качеств и качеств собеседника, просчитывание его предполагаемых реакций.

Второй способ – нейтрализация сдерживающих общение обстоятельств, когда осуществляется наработка положительных откликов от собеседника посредством нескольких последовательных утверждений следователя. Конечно же, такие утверждения заранее прорабатываются следователем. Затем в разговор привносится общая тема для разговора, где важно выслушать собеседника и, тем самым, снять недоверие.

Третий способ – реализация в общении различных сторон личности собеседника, которые в криминалистике именуются «сильными» и «слабыми». Здесь, в зависимости от личности собеседника и ситуации общения, следователь либо воздействует на авторитет, заслуги человека, либо на его тщеславие, легкомысленность, добиваясь расположения к себе.

На практике применяется комплекс из всех трех приведенных способов в зависимости от имеющейся информации о личности.

Психологический контакт коррелирует с такой категорией как владение инициативой при расследовании. Здесь мы можем указать на следующую закономерность: чем выше степень владения инициативой следователем, тем больше организационных средств ему необходимо

¹ Ильченко Ю.И. Психология юридической деятельности: учеб. пос. Краснодар. 1995. С. 26-27.

² Трофимова Ю.В. Психологический контакт: психологический и юридический подходы // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 138.

³ Шаевич А.А. Возможности изучения личности при подготовке и организации допроса // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXI междунар. науч.-практич. конф. Иркутск. 2016. С. 417- 418.

затрачивать для поддержания психологического контакта с участником.

Для поддержания инициативы, как правило, используется совокупность процессуальных и непроцессуальных средств.

Процессуальными средствами достижения инициативы в расследовании, с нашей точки зрения, являются: недопустимость разглашения данных предварительного расследования; обязанность производства первого допроса лица, получившего статус подозреваемого и обвиняемого; производство неотложных следственных действий; взаимодействие с органами дознания, уполномоченными на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Непроцессуальные средства поддержания инициативы при производстве следственных действий заключаются, на наш взгляд, в применении организационных и тактических приемов. К ним относятся: предъявление доказательств участникам расследования в ситуациях отказа от дачи показаний; принятие тактического решения при подготовке к очной ставке по выбору лица, дающего правдивые показания, который по своим психическим качествам сможет изблудить лицо, дающего ложные показания; выбор последовательности производства следственных действий.

Инициатива при поддержании психологического контакта проявляется в осознанном направлении хода беседы следователем с лицом, с которым такой контакт установлен. В таких ситуациях следователь, избрав подходящий момент и интонацию голоса, как бы случайно напоминает лицу о возможности или обязанности давать показания и объяснения, опознания лиц или предметов, частичном воссоздании обстановки расследуемого события.

Таким образом, инициатива расследования – это воздействие следователя на участника расследования с целью принудить его придерживаться определенной линии поведения. Такое принуждение используется для направления повествования допрашиваемого в область проверяемых фактов, для преодоления активного противодействия участника расследования, при использовании фактора внезапности, и достижения тем самым психологического состояния фрустрации.

Следственная практика показывает, что при расследовании преступлений следователи применяют меры по удержанию инициативы при допросах подозреваемых и обвиняемых лиц, а также свидетелей, которые имеют заинтересованность в исходе расследования с целью скрыть свое участие в преступлении. Часто такие свидетели переходят в статус подозреваемого по расследуемому преступлению либо смежному с ним: это могут быть взяточничество, служебные подлоги, халатность.

Заметим, однако, что чрезмерное «увлечение» следователем тактическими приемами завладения или перехвата инициативы, несет в себе высокую степень тактического риска, так как полностью уничтожает достигнутый психологический контакт с участником и вынуждает его либо полностью признать изначально скрываемые факты, либо повысить уровень противодействия до строгого соперничества. Действия по перехвату инициативы, производимые без должного самоконтроля со стороны следователя, могут привести к утере контакта в общении и дальнейшей объективной невозможности восстановить психологический контакт на всем протяжении расследования.

Все современные научные подходы к установлению психологического контакта в общении и снятию барьеров строятся на материалах нейробиологических и нейролингвистических исследований головного мозга и реакций нервной системы человека на раздражители.

В изученных нами иностранных работах дается развернутый анализ спонтанного и волевого видов смеха и их значение для построения социальных взаимоотношений⁴ и влияния на сознание нетипичных грамматических выражений разговорного языка⁵. Эти механизмы положены в основу метода «накопление согласия», когда моделируются положительные эмоциональные отклики адресата посредством утвердительных ответов на затрагивающие его жизненные интересы вопросы или утверждения. Зачастую такой прием дает хорошие результаты при отсутствии противоречий между взглядами сторон.

⁴ McGettigan C. Neural correlates of the affective properties of spontaneous and volitional laughter types / C. McGettigan; S. Scott; N. Lorking etc. // Neuropsychologia. 2016. Vol. 12. P. 3-31.

⁵ Agnew Z.K. Do sentences with unaccusative verbs involve syntactic movement? Evidence from neuroimaging / Z.K. Agnew; H. van de Koot; S.K. Scott etc. // Language, Cognition and Neuroscience. 2014. Vol. 29. № 9. P. 1035-1045.

Криминалистика к существующим закономерностям дополнительно накладывает здесь свои задачи в ситуациях конфликта и противоборства сторон межличностного общения. Закон обязывает следователя проводить такое общение в форме допроса, и определяет основные правила его осуществления и закрепления полученной информации.

Практика следственной деятельности показывает, что установление психологического контакта с допрашиваемым включает в себя несколько последовательно идущих стадий:

Сбор предварительной информации о собеседнике. Сюда входят биографические данные, условия его воспитания, круг общения, состав семьи, взаимоотношения с окружающими, виды досуга, ценностные ориентиры, референтная группа.

Для установления контакта значительную роль играет выявление так называемой «референтной группы» – социальной, профессиональной, или религиозной среды и ее участников, чьи интересы и увлечения разделяет человек, кто для него является ориентиром. Сведения о своей референтной группе люди часто отображают в принадлежащих им аккаунтах социальных сетей, также они могут быть почерпнуты при сборе ориентирующей информации на лицо и установлении его связей из оперативных источников.

Криминалистически значимая закономерность проявляется в социальных связях личности, которые она устанавливает и поддерживает с представителями своей референтной группы, что позволяет опытным следователям точно предугадать линию поведения собеседника в общении и подстроиться под нее путем проведения управленческих тактических приемов, либо же изменить некоторые условия общения, чтобы изменить выбранную линию поведения при общении.

Нужно отметить, что сугубо механистический подход к накоплению информации о человеке и его социальном взаимодействии не дает основания говорить о ее полной достоверности. Здесь важно проявлять осмотрительность в оценке личностных и социальных качеств человека, использовать логику и эрудицию при проверке достоверности сведений из открытых источников.

Анализ психологического состояния и знакомство с собеседником предполагает снятие

напряжения в общении. Применяется группа тактических приемов по снижению уровня тревожности и выстраиванию благоприятных условий для общения: происходит представление следователя и разъяснение его позиции.

Во время представления происходит индикация состояния допрашиваемого и его реакция на происходящее, что обуславливает дальнейшие действия со стороны следователя. Для этих целей часто применяется способ накопления согласия при заполнении анкетной части протокола допроса. Здесь следователем задаются вопросы о биографии допрашиваемого, его положительных социальных качествах и делается вывод о его социальной ценности.

Главным противоречием и сложностью психологического контакта при допросе выступает различие между психологическими установками допрашиваемого и его процессуальным статусом. Такое положение вещей часто ведет к психологической закрытости собеседника и формирование противодействия следователю.

В.М. Шевченко призывает следователей активно использовать особенности подстройки к личности допрашиваемого путем «апеллирования к мнению авторитетных для допрашиваемого людей, поиск точек эмоционального соприкосновения и зон его предубеждения»⁶.

Индикация установившегося контакта. Основным критерием установления контакта с собеседником мы считаем активное желание допрашиваемого высказаться по существу предмета допроса. Этому предшествует возникновение беседы на иную, смежную с предметом допроса тематику.

Прогнозирование негативных сценариев развития контакта и предварительная проработка способов их нейтрализации часто не производится следователями. Это часто ведет к потере установленного контакта при переходе к предмету допроса. Поэтому целесообразно при изучении личности допрашиваемого и его ценностных установок рассмотреть возможные обстоятельства, о которых лицо будет утаивать сведения: разные аспекты личной и семейной жизни, аморальные и противоправные поступки, интересы близких лиц. В этом случае применяются тактические приемы логического воздействия на допрашиваемого на основе уточнения уже сообщенной им информации и собранных материалов по делу.

⁶ Шевченко В.М. Психологические приемы и условия установления психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым) в групповом

преступлении при проведении допроса // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2016. № 4. С. 45.

Поддержание психологического контакта проявляется в периодическом задавании близких по смыслу вопросов, для удержания накопленного согласия. При этом допустимо задавать смежные с предметом допроса вопросы, которые прорабатываются при составлении плана допроса. Используются несколько приемов.

«Вовлеченное слушание» – дача допрашиваемому обратной связи на сообщаемые им сведения, носящая, как правило, невербальный характер. При этом, по справедливому замечанию Г.Г. Доспулова, «лицемерие, притворство и ложь возбуждают в допрашиваемом неприязненное чувство, порождают недоверие к следователю, заставляют замыкаться в себе»⁷.

Удержание инициативы беседы – формирование у допрашиваемого общих рамок

общения и взаимодействия. Отсутствие инициативы неизбежно уводит следователя от выяснения необходимых обстоятельств.

Периодическое задавание близких вопросов – способ формирования следователем у собеседника убежденности сохранения устойчивой коммуникации, который также служит элементом уточнения сообщаемой информации и поддержания инициативы.

В заключение следует сказать, что приемы установления и поддержания психологического контакта с допрашиваемым наиболее эффективны при их внедрении в состав тактической комбинации допроса. Такой подход позволяет нейтрализовать противодействие допрашиваемого и значительно ускоряет производство по уголовному делу.

Список цитируемой литературы:

1. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии: монография. М., 1976.
2. Ильченко Ю.И. Психология юридической деятельности: учеб. пос. Краснодар. 1995.
3. Трофимова Ю.В. Психологический контакт: психологический и юридический подходы // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 137-139.
4. Шаевич А.А. Возможности изучения личности при подготовке и организации допроса // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXI междунар. науч.-практич. конф. Иркутск. 2016. С. 417-418.
5. Шевченко В.М. Психологические приемы и условия установления психологического контакта с подозреваемым (обвиняемым) в групповом преступлении при проведении допроса // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2016. № 4. С. 41-46.
6. Agnew Z.K. Do sentences with unaccusative verbs involve syntactic movement? Evidence from neuroimaging / Z.K. Agnew; H. van de Koot; S.K. Scott etc. // Language, Cognition and Neuroscience. 2014. Vol. 29. № 9. P. 1035-1045.
7. McGettigan C. Neural correlates of the affective properties of spontaneous and volitional laughter types / C. McGettigan; S. Scott; N. Lorking etc. // Neuropsychologia. 2016. Vol. 12. P. 3-31.

The list of the quoted literature:

1. Dospulov G. G. Psychology of interrogation at the preliminary investigation: monograph. M., 1976.
2. Ilchenko Yu.I. Psychology of legal activity: textbook. Krasnodar, 1995. Pp. 26-27.
3. Trofimova Yu. V. Psychological contact: psychological and legal approaches // Bulletin of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. № 2. P. 137-139.
4. Shaevich A. A. Possibilities of studying the personality in the preparation and organization of an interrogation // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXI international scientific and practical conference. Irkutsk. 2016. P. 417-418.
5. Shevchenko V.M. Psychological techniques and conditions for establishing psychological contact with a suspect (accused) in a group crime during interrogation // international journal of psychology and pedagogy in official activities. 2016. № 4. P. 41-46.
6. Agnew Z.K. Do sentences with unaccusative verbs involve syntactic movement? Evidence from neuroimaging / Z.K. Agnew; H. van de Koot; S.K. Scott etc. // Language, Cognition and Neuroscience. 2014. Vol. 29. № 9. P. 1035-1045.
7. McGettigan C. Neural correlates of the affective properties of spontaneous and volitional laughter types / C. McGettigan; S. Scott; N. Lorking etc. // Neuropsychologia. 2016. Vol. 12. P. 3-31.

⁷ Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии: монография. М., 1976. С. 54.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ**

**FEATURES OF THE PRODUCTION
OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS
IN CASES OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING**

Руденко А.В.

*доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0002-4410-4093>*

Rudenko A.V.

*Doctor of Law, Associate professor
Chief of the Criminalistics and legal informatics department
Kuban state University*

Лозовская Н.Н.

*кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
<https://orcid.org/0000-0002-4862-1645>*

Lozovskaya N.N.

*Candidate of Law
Senior lecturer of the Special disciplines department
Krasnodar University of the Russian Interior Ministry*

Аннотация: Статья посвящена отдельным аспектам расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Авторами рассмотрены криминалистические и уголовно-процессуальные особенности производства осмотра места происшествия, судебной экспертизы по делам исследуемой категории. Предложены отдельные рекомендации, направленные на повышение их эффективности, а также совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, методика расследования отдельных видов преступлений, тактика производства следственных действий, осмотр места происшествия, назначение и производства судебной экспертизы.

Annotation: the Article is devoted to certain aspects of the investigation of crimes related to drug trafficking. The authors consider the criminalistic and criminal-procedural features of the inspection of the scene of the accident, forensic examination of cases of the category under study. Some recommendations are proposed to improve their effectiveness, as well as to improve the detection and investigation of illicit drug trafficking.

Keywords: drug trafficking, methods of investigation of certain types of crimes, tactics of investigative actions, inspection of the scene, appointment and production of forensic examination.

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств остается одним из важнейших направлений деятельности МВД России. Одной из краеугольных задач в этой сфере является сокращение предложения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, на нелегальном рынке, то есть борьба с их сбытом, что находит своё отражение

в сведениях о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. В январе-декабре 2019 г. выявлено 190,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,0% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 182,7 тыс. преступлений (-4,9%). По сравнению с

январем - декабрем 2018 г. на 0,2% уменьшилось число выявленных преступлений, совершённых с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вырос с 56,3% в январе-декабре 2018 г. до 59,2%¹.

Результаты расследования уголовных дел о наиболее резонансных наркопреступлениях, совершенных в организованной форме, свидетельствуют о наличии тенденции по организации преступниками незаконного производства синтетических наркотических средств непосредственно на территории Российской Федерации².

Одним из наиболее важных следственных действий по делам о незаконном обороте наркотиков является осмотр места происшествия.

При проведении осмотра места происшествия, обыска на объектах недвижимости, в которых расположены лаборатории по производству наркотических средств, важно учитывать специфику данного мероприятия.

Прежде всего, следственные действия целесообразно проводить с обязательным участием специалиста (эксперта), обладающего познаниями в данной области химии, в том числе в вопросах способов производства наркотических средств, используемого при этом оборудования, реактивов.

При подготовке указанных следственных действий необходимо предусмотреть возможность обеспечения всех участников следственного действия средствами индивидуальной защиты (защиты органов дыхания, рук, лица, открытых участков кожных покровов) поскольку в лаборатории могут находиться произведенные наркотические средства и различные химические реактивы, которые в неупакованном виде нередко являются токсичными и могут быть опасны для сотрудников, участвующих в осмотре (обыске).

В начале осмотра (обыска), до изъятия веществ, предметов и внесения изменений в обстановку помещения, необходимо в деталях зафиксировать «рабочее состояние» обнаруженной лаборатории путем фото-, видеосъемки. Сохраненное таким образом

расположение средств наркопроизводства, веществ и предметов, используемых в данной преступной деятельности, практически невоспроизводимое текстовой частью протокола, не только имеет особое значение для фиксации и оценки доказательств, но и используется при назначении экспертиз о способе незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ³.

Кроме того, конструктивные особенности объекта недвижимости, в котором оснащена лаборатория, нередко не позволяют изъять стационарное оборудование, используемое при совершении преступлений (к примеру, стационарные принудительные вытяжки, воздуховоды), поэтому наглядная фиксация их наличия представляется целесообразной.

В ходе дальнейшего осмотра (обыска) изъятию подлежат:

1. Обнаруженные наркотические средства вместе с упаковками (ёмкостями, посудой, либо иным химическим оборудованием), в которых они находились.

2. Химические вещества (реактивы, растворители, реакционные смеси, т.д.), а также предметы, которые внешне кажутся не несущими доказательственного значения (к примеру, ртутные градусники, которые могут использоваться для извлечения из них ртути для дальнейших реакций, фольгированная бумага, которая может использоваться при наркопроизводстве, как источник алюминия, бутылки со спиртосодержащими жидкостями).

При осмотре мест происшествий, связанных с оборотом наркотических средств, следует соблюдать дополнительные меры безопасности, связанные с токсичностью и химической активностью как самих контролируемых веществ, так и химических соединений, используемых при производстве, и обязательно работать в резиновых перчатках. При осмотре замкнутого помещения – по возможности проветривать, не находиться в помещении длительное время без перерыва. Не использовать источники открытого пламени. Не включать и по возможности не выключать имеющиеся приборы и оборудование, а также выключатели и тумблеры, назначение которых неизвестно. При попадании на открытую кожу неизвестных веществ немедленно промыть

¹ Официальный сайт МВД России. <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения – 1 августа 2020 г.)

² Соболев А.В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе организованной

группы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 64-67.

³ Лапатников М.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: учеб. пос. / М.В. Лапатников, Т.А. Николаева, И.А. Казнина. М., 2020.

большим количеством воды. По возможности использовать маски или респираторы⁴.

Изъятые химические вещества подлежат направлению на экспертное исследование. Нередко в ходе таких исследований устанавливается наличие наркотических средств в реакционных смесях в количестве, которое необходимо учитывать при квалификации преступных действий обвиняемых. Кроме того, результаты экспертиз по установлению видов и количества веществ, применяемых в наркопроизводстве (прекурсоров), в тех случаях, когда при расследовании удастся установить способ незаконного производства наркотиков, могут использоваться для определения экспертным путем расчётной массы наркотического средства, которое обвиняемые могли произвести. Такой теоретический расчёт не только становится одним из доказательств, на основании которых незаконное производство наркотических средств отграничивается от их незаконного изготовления (так как свидетельствует о нацеленности преступников на неоднократное, серийное совершение соответствующих химических реакций), но и может быть учтён, как в общем объеме обвинения, так и для обвинения лиц в приготовлении к незаконному производству наркотических средств в соответствующем размере.

Так, по одному из изученных уголовных дел, следователем на основании изъятых записей, содержащих инструкции по деятельности лиц, работавших в подпольных лабораториях, показаний обвиняемых, результатов осмотров мест незаконного наркопроизводства, были назначены экспертизы по установлению способа производства наркотических средств.

В дальнейшем, по результатам данных экспертиз, в совокупности с результатами ранее произведенных экспертных исследований изъятых прекурсоров, в ходе которых были установлены их вид и масса, были назначены экспертизы по установлению теоретических расчетных масс наркотических средств, которые могли быть произведены установленными способами из изъятых в данных лабораториях прекурсоров. Результаты этих экспертиз стали основанием для предъявления гр. Х. и гр. Д. обвинений в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ (приготовление к незаконному производству наркотических средств в особо крупном размере).

3. Ёмкости (пустые канистры, бытовая посуда, химическая посуда и др., содержащие наслоения) и другие предметы, в которых изготавливались или хранились наркотические средства.

В данных ёмкостях (предметах) в результате экспертных исследований могут быть обнаружены наркотические средства не только в следовом количестве, но и массу которых эксперты способны установить.

В ходе расследования вышеуказанного уголовного дела следователем была назначена химическая экспертиза колб, стеклянных чаш, керамических воронок, металлических ложек, пластиковых совка и кувшина, изъятых в подпольной лаборатории по производству наркотических средств.

В результате экспертизы на стенках данных предметов обнаружены наслоения производного наркотического средства N-метилэфедрона, общей массой 103,227 гр. Данная масса учтена при окончательной квалификации действий обвиняемой гр. Х.

4. Оборудование, используемое или которое могло быть использовано для незаконного производства наркотических средств (вытяжки, холодильники, сушилки, мешалки, лампы накаливания и т.д.). В случае невозможности изъятия (демонтажа) стационарного оборудования, необходимо с помощью специалиста изъять смывы с их поверхностей.

Так, в ходе расследования уголовного дела произведен осмотр помещения, в котором обвиняемые гр. Д. и гр. С. осуществляли незаконное производство наркотических средств. В данном помещении было обнаружено значительное количество разбитой химической посуды (обвиняемые успели до задержания уничтожить большую часть оборудования лаборатории).

Впоследствии, следователем было принято решение о производстве повторного осмотра места происшествия, в ходе которого обращено внимание на наличие в помещении вытяжки, больших холодильных камер (сходных с теми, что используются в торговых сетях) и мощных ламп накаливания, явно излишних, если предположить, что они использовались в целях освещения. Данные предметы были изъятые, и в ходе производства экспертных исследований на внутренних поверхностях холодильников, вытяжки и на внешних поверхностях ламп обнаружены наркотические средства в следовом

⁴ Репин А.В. Обнаружение, фиксация и изъятие следов при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: учеб. пос. /

А.В. Репин, Е.В. Попельницкий, Е.Б. Мельников. Красноярск. 2018. С. 21.

количестве (лампы использовались в качестве источника тепла при высушивании наркотиков).

Это позволило доказать совершение обвиняемыми незаконного производства наркотических средств.

Кроме того, результаты дополнительно проведенных следственных действий были использованы при назначении экспертизы по установлению способа незаконного наркопроизводства.

5. Иные предметы, использующиеся в преступной деятельности, в том числе для очистки, измельчения, смешивания (сита, кофемолки, мясорубки), фасовки (весы, ложки, мерные ёмкости) и упаковки (пакеты, вакууматоры) произведённых наркотических средств.

При изъятии предметов, упомянутых в вышеизложенных пунктах, необходимо принимать меры по поиску на них следовой информации (следов пальцев рук, биологических следов), и ее изъятию на отдельные носители для дальнейших экспертных исследований. В случае невозможности такого изъятия, необходимо обеспечить упаковку изымаемых предметов таким способом, чтобы исключить утрату указанной следовой информации, а впоследствии назначить соответствующую экспертизу.

Так, при расследовании уголовного дела был произведён осмотр помещения, в котором осуществлялось незаконное производство наркотических средств – производных N- метилэфедрона.

По подозрению в указанной преступной деятельности были задержаны гр. А., гр. Ж. и гр. М. Впоследствии обвиняемые гр. А. и гр. Ж. заявили, что гр. М. не участвовал в их преступной деятельности. Однако, в результате проведённой дактилоскопической экспертизы на одной из ёмкостей с наркотическим средством, обнаруженной и изъятый в нарколаборатории, было установлено наличие следов пальцев рук гр. М., что опровергло версию обвиняемых и способствовало доказыванию осуществления преступной деятельности в соучастии всеми троими задержанными.

6. Индивидуальные средства защиты, которые могли использоваться лицами, производившими наркотические средства (респираторы, противогазы, перчатки, халаты, фартуки, защитные костюмы и т.д.).

При этом необходимо принимать во внимание целесообразность производства дальнейших экспертных исследований (в том числе биологических, молекулярно-генетических, дактилоскопических,

одорологических) и обеспечивать соответствующую упаковку изъятых предметов.

Так, в ходе расследования уголовного дела в нарколаборатории, оснащённой в пристройке дома, арендованной гр. Х., был обнаружен противогаз. В результате экспертного исследования на внутренней поверхности противогаза обнаружены потожировые следы, принадлежащие гр. Х., что стало доказательством ее преступной деятельности по незаконному производству наркотических средств и опровергло выдвигаемые гр. Х. версии своей непричастности.

7. Записи, иные документы, содержащие сведения, которые могут иметь значение для дела (инструкции, заметки о способах наркопроизводства, сведения о количестве приобретённых прекурсоров, произведённых наркотиков, полученном вознаграждении и пр.), а также находящиеся в лаборатории электронные устройства связи и обработки информации (телефоны, модемы, смартфоны, ноутбуки, планшеты и т.п.). При этом находящиеся в рабочем состоянии электронные устройства целесообразно осмотреть на месте в целях фиксации возможно удалённой (в т.ч. – дистанционно) информации и перевести в режим, исключающий обмен данными («авиарежим»).

Помимо перечисленных выше предметов и вещей, непосредственно использовавшихся в процессе незаконного производства наркотического средства, следует обращать внимание на предметы, служащие для обеспечения безопасности преступной деятельности (маскировка входа в лабораторию, наличие и виды запорных устройств, сигнализации, проводной связи и т.д.).

В ходе следственных действий по осмотру (обыску) необходимо также учитывать следующие аспекты:

- осуществляя в ходе осмотра (обыска) поиск следовой информации, в частности следов пальцев рук, необходимо, чтобы на практике обработанное дактилоскопическим порошком лабораторное оборудование нередко приводит к невозможности впоследствии провести молекулярно-генетическую экспертизу;

- обнаруженные в различных местах лаборатории объекты не следует смешивать, их необходимо помещать в отдельную упаковку;

- промедление с осмотром (обыском) лаборатории может обернуться потерей важных доказательств, которые могут быть уничтожены

либо перемещены в другое место заинтересованными лицами⁵.

При необходимости, учитывая масштабы, уровень оснащения и «производственную мощность» лаборатории, следует предусматривать производство ее повторного осмотра в кратчайшее время и обеспечение сохранности обстановки в промежутке между данными следственными действиями.

Таким образом, качественный осмотр места незаконного производства наркотических средств, позволяет установить и зафиксировать в материалах дела критерии, предусмотренные п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной

практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»⁶.

При этом необходимо учитывать, что согласно п. 2 постановления, для определения способа производства наркотических средств требуются специальные познания и суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов, которые могут быть получены лишь при грамотной организации следственных действий, проведенных в ходе расследования уголовного дела.

Список цитируемой литературы:

1. Карпов Я.С. Методика расследования незаконного оборота прекурсоров наркотиков на первоначальном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
2. Лапатников М.В. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: учеб. пос. / М.В. Лапатников, Т.А. Николаева, И.А. Казнина. М., 2020.
3. Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 256-258.
4. Репин А.В. Обнаружение, фиксация и изъятие следов при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: учеб. пос. / А.В. Репин, Е.В. Попельницкий, Е.Б. Мельников. Красноярск. 2018.
5. Соболев А.В. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных в составе организованной группы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3 (37). С. 64-67.
6. Уварова И.А. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: монография. М., 2017.

The list of the quoted literature:

1. Karpov Ya.S. Methods of investigation of illicit trafficking in drug precursors at the initial stage: abstract ... Candidate of Law. M., 2018.
2. Lapatnikov M.V. Investigation of crimes related to drug trafficking: textbook / M.V. Lapatnikov, T.A. Nikolaeva, I.A. Kaznina. M., 2020.
3. Lozovsky D.N. On the question of the concept of the method of investigation of crimes / / Society and law. 2009. № 5 (27). P. 256-258.
4. Repin A.V. Detection, fixation and removal of traces in the investigation of crimes in the field of illegal drug trafficking: textbook / A.V. Repin, E.V. Popelnitsky, E.B. Melnikov. Krasnoyarsk. 2018.
5. Sobol A.V. Features of investigation of crimes 'related to illegal drug trafficking' committed as part of an organized group // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (37). P. 64-67.
6. Uvarova I.A. Methods of investigation of crimes related to illicit drug trafficking: monograph. M., 2017.

⁵ Лозовский Д.Н. К вопросу о понятии метода расследования преступлений // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 256-258.

⁶ Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. <https://www.vsr.ru/documents/own/8251/> (дата обращения – 1 августа 2020 г.).

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ЭТАПАХ
РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО УЧАСТИЯ
В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**SOME ASPECTS OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE PROCESS
OF INVESTIGATING ILLEGAL PARTICIPATION
IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY**

Усенко А.С.

аспирант кафедры криминалистики

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

<http://orcid.org/0000-0002-8332-9340>

Usenko A.S.

Postgraduate student of the Criminalistics department

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Аннотация: В данной статье рассматривается использование специальных знаний на первоначальном и последующих этапах расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности. Специалист может оказать помощь следователю при изучении обнаруженных документов в целях определения относимости к расследованию незаконного участия в предпринимательской деятельности. При подготовке и определению тактики проведения очных ставок и допросов специалист может оказать содействие следователю по разрешению вопросов в области специальных знаний: гражданских, административных, земельных и иных правоотношений, возникающих между подконтрольной организацией и ее контрагентами, а также должностным лицом. По мнению автора использование специальных знаний при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности способствует своевременному обнаружению всех документов и предметов, необходимых для расследования преступления, и недопущению оснований для проведения повторного обыска, а также фиксации оперативной и достоверной информации, необходимой для первоначального и последующего этапа расследования. Однако изученные нами материалы следственной практики свидетельствуют о недостаточности использования специальных знаний при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности. Прежде всего, это связано с незнанием круга исследуемых вопросов, отсутствием специальных знаний и методических рекомендаций по расследованию незаконного участия в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: специальные знания в расследовании, должностное лицо, доверенное лицо, организация расследования

Annotation: This article discusses the use of special knowledge at the initial and subsequent stages of the investigation of illegal participation in business activities. The specialist can assist the investigator in examining the discovered documents in order to determine the relevance to the investigation of illegal participation in business activities. When preparing and determining the tactics for conducting confrontations and interrogations, the specialist can assist the investigator in resolving issues in the field of special knowledge: civil, administrative, land and other legal relations arising between the controlled organization and its counterparties, as well as an official. According to the author, the use of special knowledge in the investigation of illegal participation in entrepreneurial activity contributes to the timely detection of all documents and items necessary for the investigation of a crime, and the prevention of grounds for a second search, as well as fixation of operational and reliable information necessary for the initial and subsequent stages of the investigation. However, the materials of the investigative practice studied by us indicate the insufficient use of special knowledge in the investigation of illegal participation in entrepreneurial activity. First of all, this is due to ignorance of the range of issues studied, lack of special knowledge and methodological recommendations for investigating illegal participation in entrepreneurial activity.

Keywords: special knowledge in the investigation, official, trustee, organization of the investigation

К типичным видам коррупционного поведения, носящим угрозу дестабилизации национальной экономики, государственной политической системы и характеризующимся общественной опасностью и широкой распространенностью, относится участие должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 Уголовного кодекса РФ¹). Оказывая негативное воздействие на общественное правовое сознание, участие должностного лица в предпринимательской деятельности подрывает доверие у большей части граждан РФ, создавая ложное убеждение в коррумпированности большинства органов государственной власти и местного самоуправления.

Несмотря на распространенность незаконного участия в предпринимательской деятельности², количество возбужденных уголовных дел составляет небольшое число от общего показателя совершения данного преступления. Так, в 2018 г. по ст. 289 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) был осужден только 1 человек³, в 2019 г. – 5 человек⁴.

При этом более 15%⁵ уголовных дел за незаконное участие в предпринимательской деятельности прекращается ввиду отсутствия состава преступления, что свидетельствует о явной недостаточности организации расследования, а также профессиональных знаний и умений оперативных работников и следователей при выявлении данного преступления.

Подобная динамика выявленных преступлений свидетельствует о высоком уровне

латентности, неправильной квалификации действий должностных и подконтрольных⁶ им лиц при незаконном учреждении и участии в управлении коммерческой организацией последними (например, квалификации действий должностного лица в качестве служебного подлога (ст. 292 УК РФ), воспрепятствования законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ), злоупотребления и превышения должностными полномочиями (ст. 285, 286 УК РФ) и т.п.).

Данные факторы обуславливают необходимость использования специальных знаний при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности в целях полноты судебного следствия и повышения объективизации процесса судебного исследования доказательств⁷.

Отметим, что в криминалистике под специальными знаниями понимаются знания в определенной отрасли современной науки, ремесла, искусства или техники, применяемые специалистом для расследования преступлений, выполнения судебных и экспертных исследований, организации оперативно-поисковых мероприятий⁸. И, как справедливо подчеркивает В.Д. Зеленский: «...их использование в уголовном судопроизводстве способствует обеспечению объективности, всесторонности и полноте предварительного и судебного следствия, содействует оперативному расследованию преступления, вынесению

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета/ 2020. № 173.

² Халиков А.Н. Особенности поступающей информации о совершении должностных преступлений в органы предварительного следствия // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ. Материалы междунар. науч.-практич. конф. 2014. С. 211-216.

³ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2018 г. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁴ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 г. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ На основе проведенного автором исследования уголовных дел и поступающей

информации о совершении незаконного участия в предпринимательской деятельности в период с 1993 по 2018 г.

⁶ Термин подконтрольное лицо (подконтрольная организация) используется в законе «О рынке ценных бумаг», обозначающий юридическое лицо, находящееся в прямой или косвенной зависимости от контролирующего лица. Хотя контролируемое лицо (в силу закона «О рынке ценных бумаг») распоряжается подконтрольной организацией в силу закона, а должностное лицо участвует в управлении организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность вопреки запрету, установленному законом, сам механизм участия в управлении остается неизменным (меняется его форма, но не содержание), ввиду чего считает допустимым пользоваться данной формулировкой.

⁷ Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник – Ч.1 / Под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград, 2004. С. 8.

⁸ Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974. С. 17–18.

справедливого, обоснованного и законного приговора⁹».

Так, применение специальных знаний при расследовании уголовных дел осуществляется для:

- разьяснения вопросов специального характера в ходе добывания сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу;

- содействия в обнаружении, фиксации и изъятии документов и предметов, применения технических средств при производстве процессуальных действий, проведении следственных действий.

При этом в положениях уголовно-процессуального права использование подобных правовых категорий способствует рациональному и действенному влиянию на раскрытие, предупреждение, пресечение и расследование преступления. Однако в нормах отечественного законодательства определение «специальные знания» и «специальное познание», несмотря на повсеместное использование в различных отраслях права, не раскрыто в должной мере и местами носит противоречивый характер.

Применение специальных знаний в процессе расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности вызвано особенностями механизма нарушения должностными лицами и доверенными лицами¹⁰ законодательных предписаний в целях достижения имущественной выгоды посредством учреждения и управления коммерческой организации и предоставления последней льгот и иных преимуществ.

Так, в механизме преступления существуют элементы, связанные с нарушением положений гражданского, административного, финансового налогового, трудового, земельного и пр. законодательства, образующие причинно-следственную связь с учреждением должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участием в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки установленному законом запрету, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме.

К тому же при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности применение специальных знаний всегда представляет собой специализированное профессиональное заключение, характеризующаяся узкой направленностью о порядке применения норм, положений и правил, регулирующих административную, трудовую деятельность должностных лиц и гражданско-правовую и финансово-хозяйственную деятельность коммерческих организаций.

Ввиду чего, данная специфика преступной деятельности порождает необходимость обращения следователя за получением правового толкования, консультаций, разьяснений и суждений по вопросам правового применения норм специального регулирования, а также ориентации следователя в большом количестве документации. Участие в следственных действиях специалиста способствует устранению препятствий в обнаружении, фиксации и изъятии доказательств в области, требующих специального знания.

Безусловно, на начальной стадии расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности проводятся различные следственные и оперативно-розыскные мероприятия, перечень которых определяется различными следственными ситуациями и версиями.

Кроме того, на первоначальном этапе расследования следователю необходимо сформировать предмет расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности. Отметим, что под предметом расследования необходимо понимать совокупность установленных в процессе расследования обстоятельств предмета доказывания и обосновывающие их промежуточные факторы¹¹.

Для установления всех обстоятельств уголовного дела первостепенное значение необходимо отдать поиску и исследованию документов, отражающих:

- компетенцию должностного лица;
- создание и (или) управление подконтрольной организацией, осуществление в отношении нее покровительства;
- корпоративную, бухгалтерскую, финансовую отчетность подконтрольного

должностного лица, иные лица, способствующие в организации, совершении и сокрытии незаконного участия в предпринимательской деятельности.

¹¹ Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Ростов-на-Дону. 1989. С. 12-13.

⁹ Криминалистика. Зеленский В.Д., Меретуков Г.М., Ищенко Е.П., Филиппов А.Г.: учебник. М., 2007.

¹⁰ Руководители подконтрольной организации, родственники, супруги, бывшие супруги

юридического лица (в том числе сюда относятся заключаемые в период контроля со стороны должностного лица договоры с контрагентами).

В качестве основных следственных действий, которые проводятся для установления события преступления можно назвать:

- проведения обыска и выемки документов, вещественных доказательств (печатей, штампов и т.п.) по месту жительства, места работы должностного лица и месту нахождения подконтрольной организации;

- допрос свидетелей;

- назначение судебных экспертиз (финансово-экономическая; судебно-бухгалтерская; информационно-компьютерная; экспертиза звукозаписи и видео; почерковедческая; технико-криминалистическая экспертиза документов; судебно-медицинскую экспертизу).

Особенность расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности характеризуется первоочередным проведением выемки, обыска и осмотра документов, базирующемся на них последующем проведении очной ставки и допроса (допросов) участников уголовного процесса¹².

При проведении выемки и обыска в ходе расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности следователю необходимо привлекать специалиста для содействия следствию в поиске и изъятии:

- учредительных документов (решения об учреждении коммерческой организации, учредительного договора (для обществ), устава, приказов, списка участников акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью, реестра учредительных документов, иной корреспонденции);

- регистров бухгалтерского и налогового учета, бухгалтерской налоговой отчетности коммерческой организации, которой управляет должностное лицо и (или) предоставляет льготы и преимущества;

- черновиков и черновых записей, вырванных листов бухгалтерской и (или) иной отчетности.

- документов по оформлению денежных операций, движению и учету материальных и вещественных ценностей, нематериальных активов, находящихся на балансе организации, и средств должностного лица (доверенного лица);

- договоров, актов приема-передачи, счетов-фактур, денежных средств, ценных предметов;

- трудового договора или договоров гражданского правового характера (агентский договор, договор поручения, доверительного управления) исполнительного органа юридического лица (генерального директора, директора, президента и т.п.);

- выписок из расчетных счетов коммерческой организации. Кроме того, сведения и предметы (учредительные документы, трудовые договоры, формы приказов, должностных инструкций, чеки и т.п. в электронной форме) могут храниться в различных видах и формах на жестких дисках, иных электронных носителях информации.

Участие специалиста будет заключаться в помощи по их изъятию и процессуальному закреплению. Кроме того, специалист может оказать помощь следователю при изучении обнаруженных документов в целях определения относимости к расследованию незаконного участия в предпринимательской деятельности. При подготовке и определению тактики проведения очных ставок и допросов специалист может оказать содействие следователю по разрешению вопросов в области специальных знаний: гражданских, административных, земельных и иных правоотношений, возникающих между подконтрольной организацией и ее контрагентами, а также должностным лицом.

Помимо обыска и выемки, следователю также следует получать от специалиста сведения при проведении очной ставки и допроса, а также даче специалистом заключения на допросе.

Кроме того, при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности требуется использование специальных знаний при производстве различного рода криминалистических экспертиз, в том числе:

- финансово-экономической экспертиза (в целях установления соответствия реального финансового состояния организации и сдаваемой бухгалтерской отчетности);

- судебно-бухгалтерской экспертизы (в целях исследования состояния ведения коммерческой организацией бухгалтерского учета, учета расходов и доходов, регистров бухгалтерского учета по установлению хозяйственных операций, сведения о которых позволят установить контрагентов коммерческой организации;

- информационно-компьютерной экспертизы;

¹² Куемжиева С.А. Некоторые теоретические вопросы структурирования криминалистических

методик расследования // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 198-202.

- экспертизы звукозаписи и видео (в целях установления участников разговора, идентификации личности по устной речи, свойств личности, наличие признаков инсценировки разговора, технического исследования носителя информации).

Особую сложность при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности представляет фоноскопическая экспертиза.

Сложность расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности обуславливается дефицитом доказательственной информации на первоначальном этапе расследования. Отметим, что основным поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 289 УК РФ служат результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий «наблюдение», «обследование зданий, помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств», «прослушивание телефонных переговоров», «оперативный эксперимент». В рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, как правило, выполняются оперативно-технические мероприятия и происходит фиксация криминалистически значимой информации на файлы аудиозаписи (фонограмма). Для придания содержанию файла доказательственного значения необходимо приобщить его к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Как отмечает Е.А. Ануфриева, практически каждое уголовное дело, возбуждаемое по факту совершения коррупционного преступления, сопровождается назначением фоноскопической экспертизы¹³. В то же время с учетом обстоятельств уголовного дела, длительности аудиозаписи, комплексности исследования аудиозаписи (необходимости привлечения экспертов, обладающих знаниями в области техники и лингвистики), а также при отсутствии единой методики проведения фоноскопического исследования следователю необходимо оценивать целесообразность проведения фоноскопической экспертизы.

Так, полученная информация из представленного аудиофайла может прямо и не уличать должностное лицо учреждения или коммерческой организации в предоставлении подконтрольному юридическому лицу льгот,

преимуществ или осуществление им покровительства в иной форме.

Представленная фонограмма может указывать на взаимосвязь должностного лица и подконтрольного лица, осуществляющего управление организацией, на разрешение вопросов управления организацией, а также на другие вещественные доказательства, обнаружению которых необходимо отдавать приоритет. В связи с этим прибегать к проведению фоноскопической экспертизы следует в случае:

1. отсутствия иных доказательств, указывающих на причастность должностного лица к управлению подконтрольной организацией;

2. сомнений в подлинности, достоверности и относимости к делу представленной аудиозаписи.

Таким образом, необходимо разрешить идентификационную задачу (установить тождество между голосом и речью лица на фонограмме и образцом голоса и речи фигуранта, представленным для сравнения) и диагностическую задачу (установить содержание фонограммы).

Для правильного разрешения вопроса о назначении экспертизы (в том числе и фоноскопической) следует знать уровень развития науки и техники, современные возможности экспертизы, круг лиц и учреждений, которым можно поручить исследование¹⁴.

Кроме того, необходимо избегать типичных ошибок при назначении судебно-фоноскопической экспертизы:

- некорректная постановка вопросов, выносимых на разрешение эксперта;

- ошибки при получении образцов для сравнительного исследования;

- ошибки при определении перечня материалов, необходимых эксперту для исследования;

- ошибки при определении оригинала фонограммы, подлежащей исследованию;

- некачественный отбор фонограмм.

Как правило, данная экспертиза будет многообъектной ввиду необходимости идентификации двух и более лиц (должностного лица и подконтрольного лица, должностного лица и работника подконтрольной организации),

¹³ Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск.

¹⁴Плоткин Д.М., Ищенко Е. П. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике. Рязань. 2005.

поэтому следователь должен выносить отдельное постановление на каждое лицо¹⁵.

К сожалению, в последнее время наблюдается устойчивая тенденция снижения качества полученных образцов голоса и речи, что негативно сказывается на эффективности борьбы не только с незаконным участием в предпринимательской деятельности, но также и с общеуголовной и иной преступностью в целом. Кроме того, это может сказаться на работе экспертов.

Следует отметить, что при получении образцов речи и голоса инициатором данного следственного действия (или оперативно-розыскного мероприятия) зачастую не соблюдаются правила отбора образцов, что влечет их непригодность (ограниченную непригодность) для отождествления личности.

На наш взгляд, если отсутствует возможность получить качественный образец речи и голоса для сравнительных исследований, следует использовать фонограмму с записью вербальных разговоров, не относящуюся к расследованию дела (например, использование записи телефонных переговоров должностного лица по служебному или личному телефону). Причем следует использовать запись переговоров должностного лица или доверенного лица с лицами, не причастными к уголовному делу, чтобы последние смогли не только подтвердить факт самого разговора, но и указать, с кем именно данный разговор состоялся.

По нашему мнению, использование данных рекомендаций в раскрытии и расследовании незаконного участия в

предпринимательской деятельности позволит избежать возможных ошибок при назначении фоноскопической экспертизы.

Выбор и назначение экспертиз в ходе расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности требует от следователя знаний, а также качества собранных предметов и сведений. Проведенное автором исследование материалов уголовных дел по ст. 289 УК РФ наиболее распространенных экспертиз незаконного участия в предпринимательской деятельности выступают финансово-экономическая, судебно-бухгалтерская, почерковедческая и фоноскопическая экспертиза.

Таким образом, использование специальных знаний при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности способствует своевременному обнаружению всех документов и предметов, необходимых для расследования преступления, и недопущению оснований для проведения повторного обыска, а также фиксации оперативной и достоверной информации, необходимой для первоначального и последующего этапа расследования. Однако изученные нами материалы следственной практики свидетельствуют о недостаточности использования специальных знаний при расследовании незаконного участия в предпринимательской деятельности. Прежде всего, это связано с незнанием круга исследуемых вопросов, отсутствием специальных знаний и методических рекомендаций по расследованию незаконного участия в предпринимательской деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск. 2014.
2. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Ростов-на-Дону. 1989.
3. Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974.
4. Криминалистика. Зеленский В.Д., Меретуков Г.М., Ищенко Е.П., Филиппов А.Г.: учебник. М., 2007.
5. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник – Ч.1 / Под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград. 2004.

The list of the quoted literature:

1. Anufrieva E.A. Features of the methodology of preliminary investigation and trial in cases of corruption crimes committed by police officers: monograph. Novosibirsk. 2014.
2. Zelensky V.D. Organization of crime investigation. Rostov-on-Don. 1989.
3. Korukhov Yu.G. Legal grounds for the use of scientific and technical means in the investigation of crimes. M., 1974.
4. Forensics. Zelensky V.D., Meretukov G.M., Ishchenko E.P., Filippov A.G.: textbook M., 2007.
5. Forensic examination of weapons and traces of their use: textbook – Part 1 / Ed. V.A. Ruchkina, I.A. Chulkova. Volgograd. 2004.

¹⁵ Морозова Т.А. К вопросу о взаимодействии следователя с экспертом при назначении судебной фоноскопической экспертизы // Актуальные

проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 137–138.

6. Куемжиева С.А. Некоторые теоретические вопросы структурирования криминалистических методик расследования // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 198-202.

7. Морозова Т.А. К вопросу о взаимодействии следователя с экспертом при назначении судебной фоноскопической экспертизы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-1. С. 137-138.

8. Плоткин Д.М., Ищенко Е.П. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике. Рязань. 2005.

9. Халиков А.Н. Особенности поступающей информации о совершении должностных преступлений в органы предварительного следствия // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ. Материалы междунар. науч.-практич. конф. 2014. С. 211-216.

6. Kuimzhieva S.A. Some theoretical issues of structuring forensic investigation techniques // Society and Law. 2016. № 1 (55). P. 198-202.

7. Morozova T.A. On the question of the interaction of an investigator with an expert in the appointment of a forensic phonoscopic examination // Actual problems of combating crime and other offenses. 2018. № 16-1. P. 137-138.

8. Plotkin D.M., Ishchenko E.P. The latest methods of researching material evidence in forensic science. Ryazan. 2005.

9. Khalikov A.N. Features of incoming information about the commission of malfeasance in the preliminary investigation bodies // Actual problems of criminal procedure and criminalistics in Russia and the CIS countries. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2014. P. 211-216.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЛИКТОЛОГИЯ
КАК НОВОЕ НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТОЛОГИИ

SERVICE DELICTOLOGY
AS A NEW SCIENTIFIC DIRECTION
OF ADMINISTRATIVE DELICTOLOGY

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00448

Добробаба М.Б.

*доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры административного и финансового права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-2119-947X>*

Dobrobaba M.B.

*Doctor of Law, Associate professor
Professor of the Administrative and financial law department
Kuban State University*

Аннотация: Статья посвящена обоснованию необходимости дополнения административной деликтологии таким разделом как служебная деликтология. Автор выявляет сущность и проводит содержательную характеристику научной категории «служебная деликтность», являющейся предметом служебной деликтологии, определяет направления служебной деликтологии, к числу которых относит: динамику и структура дисциплинарных проступков; причины и условия служебной деликтности; личность государственного служащего – субъекта дисциплинарных правоотношений; меры предупреждения совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы. Констатируется, что выводы служебной деликтологии служат средством оптимизации правовых и организационно-функциональных основ эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы.

Ключевые слова: административная деликтология, служебная деликтология, служебная деликтность, дисциплинарная ответственность, эффективность дисциплинарной ответственности, государственная служба, государственный служащий, дисциплинарные проступки.

Annotation: The article is devoted to the substantiation of the need to supplement administrative tortology with such a section as official tortology. The author reveals the essence and conducts a meaningful characterization of the scientific category “service tort”, which is the subject of service tort, defines the direction of service tort, which includes: the dynamics and structure of disciplinary offenses; reasons and conditions of official tort; the identity of the civil servant - the subject of disciplinary legal relations; measures to prevent disciplinary offenses in the public service system. It is stated that the findings of service tortology serve as a means of optimizing the legal, organizational and functional foundations of the effectiveness of disciplinary responsibility in the public service system.

Keywords: administrative tort, service tort, service tort, disciplinary responsibility, disciplinary effectiveness, civil service, public servant, disciplinary offenses.

Любая наука имеет теоретическую и прикладную составляющие. Юридическая наука всегда с особым интересом относилась к практике, поскольку весь накопленный в процессе правоприменения опыт должен быть

учтён при изучении тех или иных правовых явлений. В свою очередь, юридическая наука относится к существенным факторам, детерминирующим практику.

И как бы мы не относились к идейному наследию В.И. Ленина, но нельзя не согласиться с его утверждением о том, что «практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹.

В юридической науке закономерности противоправных явлений изучаются деликтологией, которая в настоящее время представлена: 1) общей деликтологией; 2) криминологией; 3) административной деликтологией².

Необходимость создания в рамках административного права такого направления как административная деликтология впервые была обоснована В.И. Ремнёвым, как части общей науки деликтологии – учения о непроступных правонарушениях³. В советский период данная проблематика не получила особой поддержки среди учёных-административистов. Известны лишь единичные работы Е.В. Додина, определившего административную деликтологию как «совокупность знаний и представлений об административной деликтности, ее причинах и закономерностях, о мерах по ее нейтрализации и предупреждению»⁴.

В последние десятилетия возобновился интерес к проблематике административной деликтологии, которая стала объектом исследования таких учёных как М.И. Никулин⁵, А.Н. Дерюга⁶, В.В. Денисенко⁷, Б.Е. Гензюк⁸ и др.

Несмотря на некоторые особенности подходов учёных к определению административной деликтологии, все авторы едины в одном: административная деликтология изучает только административные правонарушения, а дисциплинарные проступки ею не охватываются.

В связи с этим в условиях бурного развития системы государственной службы, как определяющего направления совершенствования системы государственного управления, вызывает

недоумение отсутствие интереса среди учёных-административистов к проблематике служебной деликтологии.

Учитывая значение служебной дисциплины в обеспечении законного и бесперебойного функционирования аппарата государственных органов, противодействия коррупции в системе государственной службы для совершенствования государственного управления, административная деликтология должна быть дополнена таким новым разделом как служебная деликтология.

Представляется, что *служебную деликтологию* можно определить как обособленное направление административной деликтологии, представляющее собой неразрывно связанную с юридическими и общественными науками систему знаний о служебной деликтности как социально-правовом явлении, её причинах и условиях, направленную на обеспечение эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы, разработку мер по предупреждению совершения государственными служащими дисциплинарных проступков.

В основу служебной деликтологии должны быть положены, прежде всего, уже имеющиеся наработки в области административной деликтологии. В то же время, важно указать на связь служебной деликтологии не только с административным правом, но и с общественными науками: прежде всего, социологией и психологией.

Для того, чтобы определить роль науки служебной деликтологии в достижении эффективности норм служебного права, регулирующих отношения дисциплинарной ответственности государственных служащих, представляется необходимым выявить сущность и провести содержательную характеристику научной категории «служебная деликтность», являющейся предметом служебной деликтологии, выявить её влияние на

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

² Денисович В.В. Административная деликтология как наука // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 14.

³ Ремнёв В.И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979. С. 180–184.

⁴ Додин Е.В. Административно-правовая наука и административная деликтология // Актуальные проблемы административной деликтологии в современный период. Киев, 1984. С. 16-21; Додин Е.В. Административная деликтология в системе юридической науки // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 32-36.

⁵ Никулин М.И. Проблемы науки административной деликтологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

⁶ Дерюга А.Н. О соотношении административной деликтологии и административно-деликтного права // Государство и право. 2007. № 12. С. 99–102.

⁷ Денисенко В.В. Деликтология: предмет, метод и система науки. Ростов н/Д, 2001.

⁸ Гензюк Э.Е. Административная деликтология: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2001.

обеспечение эффективности дисциплинарной ответственности государственных служащих.

Следует отметить, что служебная деликтность внутренне присуща правоотношениям дисциплинарной ответственности на государственной службе, поскольку их возникновение напрямую и объективно связано с фактом совершения дисциплинарного проступка. Несмотря на теоретическую и практическую значимость анализа служебной деликтности в системе государственной службы, исследований сущностной характеристики и проблем служебной деликтности практически не проводилось. В этой связи представляет интерес работа В.В. Кизилова⁹, в которой автор ошибочно наделяет служебную деликтность признаками административной деликтности специального субъекта административного права – государственного гражданского служащего. Конечно, служебная деликтность является предметом служебной деликтологии, как самостоятельного направления административной деликтологии, однако указанная видовая дифференциация деликтности видится не в особенности делинквента, а в том, что вкладывать в понятие «деликт»: административное правонарушение или дисциплинарный проступок.

Деликтность определяется в юридической науке в широком и узком смыслах. Так, в широком смысле В.В. Денисенко определяет деликтность как «совокупность нарушений правовых и технико-юридических норм и иных правил, установленных в законном порядке, а также сложившихся в обществе норм морали, обычаев, традиций»¹⁰. Исходя из этого, *служебная деликтность* (в широком смысле) будет охватывать все сферы отклоняющегося поведения государственных служащих и в этом случае может быть определена как сложная система, в состав которой входят следующие элементы: выявленные преступления, административные, гражданские, дисциплинарные и иные проступки, массив латентных правонарушений и проступков, другие нарушения неправового характера (мораль, обычаи, традиции), совершаемые специальными субъектами административного права – государственными служащими.

На наш взгляд, в служебной деликтологии понятие «деликтность» должно использоваться в узком смысле, при котором *служебная деликтность* может быть определена в качестве самостоятельного социально-правового явления, системной совокупности дисциплинарных проступков, совершаемых государственными служащими за определённый отрезок времени.

Поскольку в полной мере искоренить служебную деликтность не представляется возможным, следует направить усилия, как законодателя, так и правоприменителя на то, чтобы блокировать развитие, нейтрализовать действие этого негативного фактора, не допустить дальнейшего роста фактов нарушения служебной дисциплины, свести их к минимуму.

Традиционно в административной деликтологии выделяют определённые направления изучаемых явлений, которые в полной мере могут быть применимы и в служебной деликтологии.

Так, к основным направлениям служебной деликтологии следует отнести:

1. *Динамику и структуру дисциплинарных проступков.* Поскольку целевой аспект эффективности дисциплинарной ответственности предполагает соотношение между результатом воздействия дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных отношений и стоящими перед ней целями посредством достижения положительного результата такого воздействия на общественные отношения, изучение динамики дисциплинарных проступков как явления служебной деликтологии и будет показывать реально наступивший результат.

Представляется, что изучение динамики дисциплинарных проступков в системе государственной службы должно проводиться при единой системе учёта, что в настоящее время возможно лишь применительно к государственной гражданской службе, так как данные о привлечённых к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих в соответствии с приказом Росстата от 15 июля 2019 г. № 404¹¹ ежегодно предоставляются кадровыми службами государственных органов в Федеральную службу государственной статистики.

статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за численностью, условиями и оплатой труда работников, потребностью организаций в работниках по профессиональным группам, составом кадров государственной гражданской и муниципальной службы» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁹ Кизилов В.В. Институт административной ответственности государственных гражданских служащих России. Саратов. 2012.

¹⁰ См.: Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений: монография / Под. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001. С. 28.

¹¹ См.: Приказ Росстата от 15 июля 2019 г. № 404 «Об утверждении форм федерального

Практика применения дисциплинарной ответственности свидетельствует о том, что, несмотря на наметившуюся незначительную тенденцию к снижению показателей привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности, уровень служебной деликтности остаётся стабильно высоким. Это касается как обычных дисциплинарных проступков, так и дисциплинарных коррупционных правонарушений.

Изучив данные о привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности, можно сделать вывод, что в 2018 г. к дисциплинарной ответственности было привлечено 33 957 (5,1%) федеральных государственных служащих и 8 905 (3,5%) государственных гражданских служащих субъектов РФ¹². Для сравнения в 2017 г. эти показатели составляли – 28656 (5,1%), а в 2016 г. – 29633 (5,4%) привлечённых к дисциплинарной ответственности федеральных государственных гражданских служащих; на региональном уровне – в 2017 г. 7761 (3,6%), а в 2016 году – 7597 (3,5%) привлечённых к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих субъектов Российской Федерации. Таким образом, имеют место относительно стабильные показатели привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности, что требует скорейшего выявления и устранения причин такого положения.

Что касается иных видов государственной службы, то, к сожалению, в настоящее время информация об уровне служебной деликтности на военной службе, а также федеральной государственной службе, связанной с правоохранительной деятельностью, относится к служебной информации ограниченного распространения¹³. Вместе с тем, полагаем, что данная информация должна систематизироваться и направляться в орган по управлению государственной службой.

2. *Причины и условия служебной деликтности.* При анализе данного направления служебной деликтологии следует иметь в виду,

что критерием разграничения данных категорий является субъективный характер причин совершения дисциплинарных проступков и объективный характер условий, способствующих их совершению. Определяющее значение в механизме совершения дисциплинарного проступка имеют субъективные причины его совершения.

3. *Личность государственного служащего* – субъекта дисциплинарных правоотношений. Необходимость интегрального подхода при формировании понятия личности¹⁴, позволяет утверждать, что личность государственного служащего является понятием, объединяющим общечеловеческое, социально-специфическое и индивидуально-личностное начала. При изучении личности государственного служащего как субъекта дисциплинарных правоотношений, механизма формирования его противоправного поведения, следует иметь в виду, что совершение дисциплинарных проступков обусловлено деформацией личности государственного служащего, уровнем его профессионализма. Представляется, изучение личности правонарушителя имеет значение для изучения социально-психологического аспекта эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы.

4. *Меры предупреждения совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы.* Учитывая публично-правовую природу дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных правоотношений, предупреждение дисциплинарных проступков – содержание основной – превентивной функции дисциплинарной ответственности¹⁵, которая осуществляется как путём нормативного закрепления служебных обязанностей, составов грубых дисциплинарных проступков и психологического воздействия на волю, сознание государственных служащих под угрозой применения дисциплинарного взыскания, так и посредством поощрительных норм, стимулирующих их правомерное поведение.

¹² Статистические сведения, опубликованные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13288> (дата обращения - 17 мая 2020 г.).

¹³ См.: п. 212 Приказа министра обороны РФ от 4 апреля 2017 г. № 170 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных

Силах Российской Федерации» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 99.

¹⁵ См.: Чаннов С.Е. Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов/ 2010. С. 16.

По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.В. Липинского, «специфичность превентивной функции дисциплинарной ответственности состоит в том, что она способствует предупреждению иных правонарушений. Это обусловлено обязанностями многих государственных служащих осуществлять профилактическую деятельность»¹⁶. Так, законодатель ставит задачу борьбы с преступностью и пресечения правонарушений перед служащими федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью: сотрудниками полиции, сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, сотрудниками прокуратуры и др. В результате имеет место «зависимость эффективного предупреждения различных правонарушений от надлежащего исполнения должностными лицами возложенных на них обязанностей...»¹⁷.

Субъектами правоотношений дисциплинарной ответственности в системе государственной службы, наряду с государственным служащим, являются: 1) субъект дисциплинарной юрисдикции, в качестве которого выступает должностное лицо, наделённое дисциплинарно-юрисдикционными полномочиями от имени публичного образования-нанимателя (Российской Федерации или субъекта РФ); 2) дополнительные субъекты: а) субъекты, осуществляющие служебную проверку (проверку) либо оказывающие содействие в её проведении; б) субъекты, обеспечивающие законность и обоснованность дисциплинарных санкций; в) субъекты дисциплинарного обвинения.

Анализ правового статуса субъекта дисциплинарной юрисдикции, а также деятельность дополнительных субъектов правоотношений дисциплинарной ответственности на государственной службе позволяют сделать вывод, что целью их деятельности является *общая и частная превенция* правонарушений в системе государственной службы.

При этом частная превенция направлена на предотвращение повторного совершения лицом дисциплинарного проступка, а такой вид дисциплинарного взыскания, как увольнение, заключается в лишении государственного служащего возможности совершить новый дисциплинарный проступок.

Общая превенция включает два аспекта: во-первых, выявление причин и условий,

способствовавших совершению проступка; во-вторых, предотвращение совершения проступков другими государственными служащими.

Таким образом, *служебную деликтологию* можно определить как обособленное направление административной деликтологии, представляющее собой систему знаний о служебной деликтности как социально-правовом явлении, её причинах и условиях, направленную на обеспечение эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы, разработку мер по предупреждению совершения государственными служащими дисциплинарных проступков.

Предметом служебной деликтологии является служебная деликтность, представляющая собой самостоятельное социально-правовое явление, системную совокупность дисциплинарных проступков, совершаемых государственными служащими за определённый отрезок времени.

В качестве основных направлений служебной деликтологии следует выделить: динамику дисциплинарных проступков в системе государственной службы; причины и условия совершения дисциплинарных проступков в системе государственной службы; личность государственного служащего – субъекта дисциплинарных правоотношений; совершенствование системы предупреждения дисциплинарных проступков в системе государственной службы.

Вместе с тем, для исследования деликтологических основ эффективности дисциплинарной ответственности должны быть изучены такие явления как: дисциплинарная власть субъекта дисциплинарной юрисдикции; особенности статуса иных субъектов правоотношений дисциплинарной ответственности на государственной службе; разработка и внедрение системы действенных, справедливых и целесообразных дисциплинарных взысканий.

Полагая, выводы служебной деликтологии служат средством оптимизации правовых и организационно-функциональных основ эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы. В свою очередь, эффективность применения мер дисциплинарной ответственности субъектами дисциплинарной юрисдикции, чрезвычайно значима для служебной деликтологии. Данные правоприменительной практики субъектов

¹⁶ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб., 2007. С. 776.

¹⁷ Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов/ 2000. С. 12.

дисциплинарной юрисдикции способствуют изучению состояния и динамики служебной деликтности.

Список цитируемой литературы:

1. Гензюк Э.Е. Административная деликтология: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2001.
2. Денисенко В.В. Деликтология: предмет, метод и система науки: монография. Ростов-на-Дону. 2001.
3. Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений: монография / Под. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2001.
4. Денисович В.В. Административная деликтология как наука // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 11–17.
5. Дерюга А.Н. О соотношении административной деликтологии и административно-деликтного права // Государство и право. 2007. № 12. С. 99–102.
6. Додин Е.В. Административная деликтология в системе юридической науки // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 32–36.
7. Додин Е.В. Административно-правовая наука и административная деликтология // Актуальные проблемы административной деликтологии. Сб. науч. трудов. Киев. 1984. С. 16–21.
8. Кизиллов В.В. Институт административной ответственности государственных гражданских служащих России. Саратов. 2012.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55-ти томах. Т. 29. М., 1969.
10. Никулин М.И. Проблемы науки административной деликтологии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
11. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
12. Ремнёв В.И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979.
13. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2000.
14. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб., 2007.
15. Чаннов С.Е. Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. 2010.

The list of the quoted literature:

1. Genzyuk E.E. Administrative tortology: thesis ... Doctor of Law. Rostov-on-Don. 2001 .
2. Denisenko V.V. Delictology: subject, method and system of science: monography. Rostov-on-Don. 2001.
3. Denisenko V.V. System analysis of administrative-tort relations: monograph / Under. ed. V.P. Salnikova. St. Petersburg. 2001.
4. Denisovich V.V. Administrative tortology as a science // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2016. №. 2. P. 11–17.
5. Deryuga A.N. On the correlation of administrative tort and administrative tort law // State and Law. 2007. № 12. P. 99–102.
6. Dodin E.V. Administrative tortology in the system of legal science // Soviet State and Law. 1991. № 12. P. 32–36.
7. Dodin E.V. Administrative law science and administrative tortology // Actual problems of administrative tortology. Collection of scientific papers. Kiev. 1984. P. 16–21.
8. Kizilov V.V. Institute of Administrative Responsibility of State Civil Servants of Russia. Saratov. 2012.
9. Lenin V.I. Complete works in 55 volumes. T. 29. M., 1969.
10. Nikulin M.I. Problems of the science of administrative tortology: thesis ... Doctor of Law. M., 2005.
11. Parygin B.D. Fundamentals of socio-psychological theory. M., 1971.
12. Remnev V.I. Socialist rule of law in public administration. M., 1979.
13. Trofimova M.P. Functions of legal liability: author. abstract ... Candidate of Law. Saratov. 2000.
14. Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. The general theory of legal responsibility: a monograph. SPb., 2007.
15. Channov S.E. Administrative and legal model of regulation of service relations in the Russian Federation: concept and main features: abstract ... Doctor of Law. Saratov. 2010.

**О НОВОМ ПОДХОДЕ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИИ)
ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

**ABOUT A NEW APPROACH TO DETERMINING
THE POWERS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE)
TO CONSIDER CASES
OF ADMINISTRATIVE OFFENSES**

Солдатов А.П.

*доктор юридических наук, профессор
главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации»
<https://orcid.org/0000-0001-6129-3634>*

Soldatov A.P.

*Doctor of Law, Professor
Chief Researcher of the Research center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Аннотация: В статье анализируются основные положения одобренной Правительством России Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ или Кодекс). Рассматриваются задачи, которые стояли перед разработчиками новой редакции КоАП РФ. Подробно исследуются все 3 части действующей ст. 23.3 КоАП РФ, регламентирующей полномочия органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Проводится сравнительно-правовой анализ положений ст. 23.3 КоАП РФ и пунктов 3,4 и 5 ст. 44.4 проекта КоАП РФ. Автор статьи считает, что в проекте будущего КоАП РФ не произошло существенного сокращения общего количества административных правонарушений, подведомственных органам внутренних дел (полиции). Более того, в проекте статьи 44.4 Кодекса значительно (более чем на 50%) увеличилось количество родовых объектов административных правонарушений (глав особенной части Кодекса), в которых содержатся составы правонарушений, подведомственных полиции. Можно констатировать: цель и задачи, изложенные в Концепции нового Кодекса, не в полной мере воплотились в реальность. В связи с этим, автор предлагает продолжить работу по совершенствованию части проекта нового Кодекса, касающейся подведомственности административных правонарушений органам внутренних дел (полиции), и обосновывает необходимость ее существенной корректировки.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Концепция нового КоАП РФ; проект нового КоАП РФ, органы внутренних дел (полиция); полномочия органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях; должностные лица органов внутренних дел (полиции); совершенствование административного законодательства.

Annotation: The article analyzes the main provisions of the Concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses approved by the Government of Russia (hereinafter – the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation or the Code). The tasks that faced the developers of the new edition of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are considered. All 3 parts of the current Art. 23.3 Administrative Code of the Russian Federation, which regulates the powers of internal affairs bodies (police) to consider cases of administrative offenses. A comparative legal analysis of the provisions of Art. 23.3 Administrative Code and paragraphs 3.4 and 5 of Art. 44.4 draft Administrative Code of the Russian Federation. The author of the article believes that in the draft of the future Administrative Code of the Russian Federation there was no significant reduction in the total number of administrative offenses subordinate to the internal affairs bodies (police). Moreover, the draft article 44.4 of the Code significantly (by more than 50%) increased the number of patrimonial objects of administrative offenses (chapters of the special part of the Code), which contain the elements of offenses subordinate to the police. It can be stated: the goal and objectives set forth in the Concept of the new Code have not been fully translated into reality. In this

regard, the author proposes to continue work on improving the part of the draft of the new Code regarding the jurisdiction of administrative offenses to the internal affairs bodies (police), and justifies the need for its substantial adjustment.

Keywords: Code of the Russian Federation on administrative offenses; The concept of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; draft new Administrative Code of the Russian Federation, internal affairs bodies (police); powers of internal affairs bodies (police) to consider cases of administrative offenses; officials of the internal affairs bodies (police); improvement of administrative legislation.

Реформа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) давно назрела. За последние 5 лет в стране было проведено множество научно-практических конференций, круглых столов по актуальным вопросам реформирования КоАП РФ. При обсуждении проблем развития и совершенствования административного законодательства, связанных с его третьей кодификацией, многие известные ученые страны обращали внимание на то обстоятельство, что со стороны законодателей не было четко выраженного понимания и сущностных представлений о самой структуре нового КоАП, адекватно отражающих современные реалии и проблемы правоприменения.

Не было и единства мнений среди научного сообщества. Одни ученые скептически относились к реформированию действующего КоАП РФ (Аврутин Ю.Е., Гречкина О.В., Старилов Ю.Н.¹), другие – Стахов А.И., Солдатов А.П., Шергин А.П. наоборот доказывали необходимость изменений в действующем Кодексе и разделения его на два самостоятельных кодекса, выделив из него нормы процессуального административного права в отдельный кодекс².

В начале прошлого года идеи о реформе и модернизации законодательства об административных правонарушениях вновь актуализировались. На этот раз инициатором данного процесса выступило бизнес-сообщество страны, а не депутаты Государственной Думы. В

Правительстве Российской Федерации, в апреле 2019 г., прошло совещание по вопросу разработки нового КоАП РФ и там же, была образована межведомственная рабочая группа³. На неё возлагалась обязанность осуществлять координацию разработки законопроектов, направленных на реформирование административного законодательства.

На заседании Правительства было принято решение о разработке проекта Концепции нового КоАП. Ответственными за исполнение решения по подготовке проекта концепции назначены: министерство экономического развития и министерство юстиции. На совещания у председателя Правительства Российской Федерации 4 июня 2019 г. (протокол № ДМ-П4-29пр), разработанная Концепция нового КоАП РФ, была одобрена [7].

Концепция нового КоАП представляет собой программный документ, состоящий из 7 разделов, объемом более 1 п.л. В ней даны четкие установки и требования по каждому разделу, а фактически по основным институтам будущего Кодекса.

В разделе «Введение» справедливо отмечается, что по прошествии 17 лет со дня вступления в силу КоАП РФ назрела объективная необходимость научного осмысления и анализа сложившейся за эти годы практики его применения, а также критической оценки эффективности его норм с учетом внесенных многочисленных изменений, конституционных

¹ Старилов Ю.Н. Реформе административно-деликтного законодательства необходима надлежащая концепция // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С. 11–15; 21; 25–27.

² См.: Стахов А.И. К вопросу о понимании и соотношении современного административного и административно-процессуального права в России // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С. 61–75; Солдатов А.П., Горб С.В. Административная

ответственность в России: история, современность, перспективы: монография. М., 2019. С. 180; Шергин А.П. О подходах к третьей кодификации административно-деликтного законодательства // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С.12–18.

³ Протокол совещания у председателя Правительства Российской Федерации. Москва. 4 июня 2019 г. № ДМ-П4-29пр. // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. <http://static.government.ru> (дата обращения – 10 августа 2020 г.).

требований. Одним из наглядных подтверждений обоснованности такой критической оценки может служить статистика внесенных в КоАП изменений. Так, за вышеуказанный период принят 621 федеральный закон, которым в КоАП внесено уже свыше 4800 изменений.

Как видно из текста Концепции, в нём указана основная цель – это совершенствования института административной ответственности, а именно, трансформация его из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учётом риск ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия. Для достижения указанной цели в Концепции перед разработчиками проекта нового КоАП были поставлены определенные задачи. Если тезисно, то их можно сформулировать так:

а) сокращение составов административных правонарушений и изменение подходов к их назначению;

б) совершенствование процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях;

в) выделение из КоАП РФ норм, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях, при сохранении в нём положений о подведомственности таких дел субъектам административной юрисдикции;

г) сокращение количества составов административных правонарушений, подведомственных суду, включая и арбитражный суд, ограничив её только составами правонарушений, представляющих повышенную общественную вредность.

Кроме цели и задач Концепция содержит требование о том, что совершенствование законодательства об административных правонарушениях не должно осуществляться изолированно от реформирования отраслевого законодательства, проводимого в настоящее время в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности.

Как известно, органы внутренних дел (полиция) имеют широкие юрисдикционные полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях в соответствии с положениями ст. 23.3 КоАП РФ. Поэтому Министерство внутренних дел Российской Федерации, как заинтересованный орган исполнительной власти, приняло активное участие в разработке проекта нового КоАП. Руководством МВД РФ была сформирована позиция Министерства, направленная на

реализацию Концепции нового КоАП (информационное письмо от 24.06.2019 г. № 25/18924). Сущность её состоит в том, что положения будущего КоАП должны способствовать:

а) упрощению производства по делам об административных правонарушениях;

б) введению новых обеспечительных мер производства по делам об административных правонарушениях;

в) сокращению количества составляемых сотрудниками органов внутренних дел (полиции) процессуальных документов и новому подходу к назначению ими наказаний;

г) оптимизации составов административных правонарушений, в том числе относящихся к компетенции органов внутренних дел (полиции);

д) совершению исполнения административных наказаний.

В конце 2019 г. межведомственная комиссия, утвержденная правительством страны, завершила работу над проектами двух кодексов: нового КоАП РФ и нового Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Последний проект, касающийся процессуальной части, фактически был выделен из пока ещё действующего КоАП РФ.

Целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа положений действующего КоАП РФ, а именно ст. 23.3, регламентирующей полномочия органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях и положений п. 3,4 и 5 ст. 44.4 проекта нового КоАП РФ, в котором по-новому предлагается закрепить полномочия полиции по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Анализ положений ст. 23.3 КоАП РФ «Органы внутренних дел (полиция)» прямо указывает на громоздкость текста и перегруженность объёма полномочий ОВД по рассмотрению дел об административных правонарушениях, что отрицательно влияет на её восприятие правоприменителем. Структурно статья состоит из 3-х частей. В части 1 дан общий перечень статей, дела по которым праве рассматривать органы внутренних дел (полиция). По состоянию на начало 2020 г. общее количество статей, подведомственных полиции, составляло 80, которые по родовому признаку располагаются в 10 главах:

1. Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие и общественную нравственность (гл. 6).

2. Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования (гл. 8).

3. Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель (гл. 10).

4. Административные правонарушения на транспорте (гл. 11).

5. Административные правонарушения в области дорожного движения (гл. 12).

6. Административные правонарушения в области связи и информации (гл. 13).

7. Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций (гл. 14).

8. Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации (гл. 18).

9. Административные правонарушения против порядка управления (гл. 19).

10. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (гл. 20).

Основную смысловую нагрузку несет текст ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ, в котором имеются 12 пунктов с перечислением разных видов должностных лиц органов внутренних дел, имеющих право рассматривать дела и назначать административные наказания гражданам и должностным лицам. На наш взгляд, такая детализация должностных лиц органов внутренних дел (полиции) в новом проекте КоАП не допустима. Представляется, оптимальным закрепить перечень должностных лиц, которые вправе возбуждать дела об административных правонарушениях и их рассматривать, в ведомственном правовом акте. Часть 3 ст. 23.3 КоАП РФ носит ограничительный характер. В ней установлены предельные суммы штрафов для отдельной категории должностных лиц полиции, которые не нашли подтверждения в новом проекте ст. 44.4 КоАП РФ.

Сравнительный анализ положений ст. 44.4 проекта нового Кодекса показал, что в отличие от ст. 23.3 структурно статья состоит из 5 пунктов (частей). В пункте 3, 4 и 5 дан перечень статей, а фактически дел об административных правонарушениях, которые праве рассматривать органы внутренних дел (полиция). Их общее количество составило – 78 (сейчас согласно

ст. 23.3 КоАП РФ, их 80). При этом по родовому признаку теперь они располагаются в 16 главах (10-11, 14, 17-21, 24-26, 34-35, 37-39).

Как показывает проведенный сравнительный анализ полномочий полиции по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предложенных в проекте нового КоАП РФ, фактически, их количество не уменьшилось. Теперь органы внутренних дел будут рассматривать дела, которые не свойственны их правовому статусу и не синхронизированы с полномочиями сотрудников полиции, закрепленными в Федеральном законе № 3 от 7 февраля 2011 г.⁴.

Например, в проекте Кодекса к подведомственности полиции будут отнесены правонарушения, посягающие на вещные и интеллектуальные права (гл. 11), в области технического регулирования, обеспечения единства измерений, геодезии и картографии, в области аккредитации (гл. 24), в области государственного контроля (надзора) и муниципального контроля (гл. 35) и некоторые другие.

В тоже время нельзя не отметить в проекте Кодекса такой положительный момент, касающийся названия гл. 14. Она называется: «Административные правонарушения, посягающие на правопорядок в общественных местах». В названии главы уточнен родовой объект охраны. Вместо абстрактного понятия «общественный порядок» в проекте сделана правильная и существенная корректировка терминов. Она связана с близкими, но не тождественными понятиями «правопорядок» и «общественный порядок».

Ученые-государствоведы проводят четкую грань между указанными понятиями. Они безапелляционно считают, что общественный порядок более широкое понятие, чем правопорядок. В общественный порядок, по их мнению, должны быть включены кроме правовых норм, нормы морали, обычаев, традиций, которые не регулируются нормами права. И эту позицию автор полностью разделяет. В определённый исторический период эти понятия смешивались, что приводило к некоторой путанице и ошибкам в право применении. Теперь же, после принятия проекта и вступления в силу нового Кодекса, наконец-то, исчезнут разночтения текста статьи, связанной с квалификаций совершенных нарушений правопорядка.

⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г. № 12-ФЗ) «О

полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; Российская газета. 2020. № 27.

Проект нового Кодекса не воспринял позицию руководства МВД России, которая была направлена на реализацию Концепции нового КоАП РФ, в части оптимизации составов административных правонарушений, подведомственных органам внутренних дел (полиции). Не произошло и ожидаемого сокращения составов административных правонарушений, как предусматривалось Концепцией нового Кодекса.

Научным сообществом проект нового КоАП РФ воспринят не однозначно. За последние 2-3 года известными учеными-административистами проведено несколько научных исследований, касающихся уточнения административно-процессуальной компетенции органов внутренних дел в сфере составления протоколов и вынесения постановлений по делам об административных правонарушениях.

Все исследователи приходили к однозначному выводу: о целесообразности передачи несвойственных административно-процессуальных полномочий органов внутренних дел иным федеральным органам исполнительной власти, которые в установленном законом порядке реализуют соответствующую административно-процессуальную и контрольно-надзорную деятельность⁵.

В частности, указывалось на то, что не только возбуждение дела об административном правонарушении, но и его рассмотрение требует специальных знаний и доступа к информационным ресурсам, находящимся в ведении иных уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и других субъектов административной юрисдикции⁶. Аналогичные выводы содержались и в итоговом документе группы ученых, завершившим специальное исследование по этой проблематике, результаты которого были направлены руководству МВД России⁷.

Повышенный научный интерес представляет исследование, проведенное по

проблемам излишней административно-процессуальной компетенции органов внутренних дел Российской Федерации в сравнительно-правовом плане с аналогичной компетенцией полиции (милиции) государств постсоветского пространства (страны СНГ и Балтии). В результате исследования авторы представили научному сообществу широкий перечень сфер и областей управления, где подразделения полиции этих стран не имеют административно-процессуальных полномочий, в отличие от российской полиции.

К таким сферам, областям и отраслям относятся: а) сфера трудового законодательства; б) сфера социального обеспечения инвалидов; в) область недропользования, охраны водных и лесных объектов, эксплуатации систем водоснабжения, теплоэнергетики, защиты животного мира и биоресурсов, охраны объектов культурного наследия; г) в области окружающей среды и природопользования; д) область энергетического комплекса; е) область связи и информации; ж) рекламная деятельность; з) область финансов⁸. Более подробный анализ этих проблем, по мнению автора, не входит в предмет исследования заявленной темы. Однако такая информация может быть использована в будущем, и может быть полезной в дальнейших научных исследованиях.

На наш взгляд, существует объективная необходимость в реформировании целых блоков родовых объектов правонарушений (глав особенной части проекта нового Кодекса), подведомственных органам внутренних дел (полиции). К примеру, сегодня в России поставлена задача – реформирование института гражданства и правового обеспечения сферы миграции. В этой связи, можно сразу готовить предложения по совершенствованию административной ответственности в главах 37 и 38 проекта нового КоАП РФ, правонарушения по которым подведомственны полиции. Такие предложения уже вносились по результатам ранее проведенного исследования⁹. Однако в

⁵ Николаев А.Г. Меры административной ответственности, реализуемые должностными лицами органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 28-3. С. 37–42. Шевцов А.В., Султанов К.А. Эволюция законодательства об административной ответственности на постсоветском пространстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (52). С. 130–136.

⁶ Уваров М.А. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области охраны собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 11.

⁷ Милёхин В. А., Семинистый А.В., Шевцов А.В., Носатов Ю.Н., Елагин А.Г., Казюлин В.А. Обоснование критериев несоответствия составов административных правонарушений направлениям деятельности полиции: аналитический обзор. М., 2019.

⁸ Шевцов А.В., Султанов К.А. Указ. соч. С. 130–136.

⁹ Солдатов А.П. О необходимости совершенствования института административной ответственности в области обеспечения режима пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации // Труды

проекте Кодекса они нашли лишь частичное отражение.

Некоторые вопросы есть, к примеру, по главе 21 проекта нового Кодекса «Административные правонарушения в области дорожного движения». Данная глава насчитывает самое большое количество составов правонарушений по сравнению с другими родовыми объектами проекта КоАП РФ, их 35. По-нашему мнению, правонарушения в этой области излишне детализируются. Здесь нужна унификация правонарушений и синхронный пересмотр отдельных положений Правил дорожного движения. Это позволит значительно сократить общее количество правонарушений, подведомственных органам внутренних дел (полиции).

В заключение проведенного исследования,

Список цитируемой литературы:

1. Аврутин Ю. Е. «Законотворческий суд» и «доктринальная неопределённость»: что больше вредит модернизации административного и административно-процессуального законодательства? // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С. 11–25.

2. Гречкина О.В. Проблемы развития административно-деликтного законодательства и практика его применения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С. 21.

3. Милёхин В.А., Семинистый А.В., Шевцов А.В., Носатов Ю.Н., Елагин А.Г., Казюлин В.А. Обоснование критериев несоответствия составов административных правонарушений направлениям деятельности полиции: аналитический обзор. М., 2019.

4. Николаев А.Г. Меры административной ответственности, реализуемые должностными лицами органов внутренних дел (полиции) Российской Федерации // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 28-3. С. 37–42.

5. Стахов А.И. К вопросу о понимании и соотношении современного административного и административно-процессуального права в России // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунов. СПб., 2015. С. 61-75.

6. Солдатов А.П., Горб С.В. Административная ответственность в России: история, современность, перспективы: монография. М., 2019.

можно сделать главный вывод: цель и задачи, изложенные в Концепции нового Кодекса воплотились в реальность лишь частично. Не нашла выражения в проекте нового Кодекса и правовая позиция руководства МВД России, направленная на реализацию Концепции нового КоАП РФ, связанной в полномочиями полиции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. В связи с этим, автор предлагает продолжить работу по совершенствованию части проекта нового Кодекса, касающейся подведомственности административных правонарушений органам внутренних дел (полиции), и вносит предложения по ее существенной корректировке.

The list of the quoted literature:

1. Avrutin Yu.E. «Legislative court» and «doctrinal uncertainty»: what is more harmful to the modernization of administrative and administrative procedure legislation? // Actual problems of administrative and administrative procedural law: mater. Vseros. scientific-practical conf. Part 1. / Comp. Yu.V. Avrutin, A.I. Kaplunov. SPb., 2015. P. 11–25.

2. Grechkina O.V. Problems of the development of administrative-tort legislation and the practice of its application // Actual problems of administrative and administrative procedural law: mater. Vseros. scientific-practical conf. Part 1. / Comp. Yu.V. Avrutin, A.I. Kaplunov. SPb., 2015. P. 21.

3. Milekhin V.A., Seministy A.V., Shevtsov A.V., Nosatov Yu.N., Elagin A.G., Kazyulin V.A. Substantiation of the criteria for the inconsistency of the composition of administrative offenses with the areas of police activity: an analytical review. M., 2019.

4. Nikolaev A.G. Measures of administrative responsibility implemented by officials of the internal affairs bodies (police) of the Russian Federation // Trends in the development of science and education. 2017. № 28- 3. P. 37–42.

5. Stakhov A.I. On the issue of understanding and correlation of modern administrative and administrative procedural law in Russia // Actual problems of administrative and administrative procedural law: mater. Vseros. scientific-practical conf. Part 1. / Comp. Yu.V. Avrutin, A.I. Kaplunov. SPb., 2015. P. 61-75/

6. Soldatov A.P., Gorb S.V. Administrative responsibility in Russia: history, modernity, prospects: monograph. M., 2019.

7. Солдатов А.П. О необходимости совершенствования института административной ответственности в области обеспечения режима пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 190–194.

8. Старилов Ю.Н. Реформе административно-деликтного законодательства необходима надлежащая концепция // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунув. СПб., 2015. С. 25–27.

9. Уваров М.А. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области охраны собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

10. Шергин А.П. О подходах к третьей кодификации административно-деликтного законодательства // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: матер. Всерос. науч.-практич. конф. Ч. 1. / Сост. Ю.В. Аврутин, А. И. Каплунув. СПб., 2015. С. 12–18.

11. Шевцов А.В., Султанов К.А. Эволюция законодательства об административной ответственности на постсоветском пространстве // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (52). С. 130–136.

7. Soldatov A.P. On the need to improve the institution of administrative responsibility in the field of ensuring the regime of stay (residence) of foreign citizens on the territory of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (48). P. 190-194.

8. Starilov Yu.N. Reform of administrative and tort legislation needs a proper concept // Actual problems of administrative and administrative procedural law: mater. Vseros. scientific-practical conf. Part 1. / Comp. Yu.V. Avrutin, A.I. Kaplunov. SPb., 2015. P. 25-27.

9. Uvarov M.A. Administrative and jurisdictional activities of the internal affairs bodies in the field of property protection: abstract ... Candidate of Law. M., 2019.

10. Shergin A.P. On approaches to the third codification of administrative tort legislation // Actual problems of administrative and administrative procedural law: mater. Vseros. scientific-practical conf. Part 1. / Comp. Yu.V. Avrutin, A.I. Kaplunov. SPb., 2015. P. 12- 18.

11. Shevtsov A.V., Sultanov K.A. The evolution of legislation on administrative responsibility in the post-Soviet space // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (52). P. 130-136.

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

**ОБСУЖДЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
ТЕОРИИ ПРАВА И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА**

**DISCUSSION OF TOPICAL PROBLEMS
OF THE THEORY OF LAW AND THE IMPLEMENTATION OF LAW**

Адыгезалова Г.Э.

*доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0003-3682-2121>*

Adygezalova G.E.

*Doctor of Law, Associate professor
Chief of Constitutional and municipal law department
Kuban state University*

Ковалева Ю.Н.

*доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
<https://orcid.org/0000-0001-9635-3318>*

Kovaleva J.N.

*Associate Professor of Theory and history of state and law department
Kuban State University*

Аннотация: В статье изложен обзор материалов V международной научно-практической конференции «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность», которая прошла на юридическом факультете им. А.А. Хмырова в рамках мероприятий, посвященных 100-летию Кубанского государственного университета в очно-дистанционном формате с участием ученых и практикующих юристов.

Ключевые слова: конференция, конституционная реформа, эволюция права, эффективность права, принцип законности, правовое регулирование банкротство, право на защиту.

Annotation: The article provides an overview of the materials of the V international scientific and practical conference «Life of Law: legal theory, legal tradition and legal reality», which was held at the Faculty of Law. A.A. Khmyrov as an event dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State University in a face-to-face-distance format with the participation of scientists and practicing lawyers.

Keywords: conference, constitutional reform, evolution of law, effectiveness of law, principle of legality, legal regulation, bankruptcy, right to defense.

На юридическом факультете им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета 12 сентября 2020 г. прошла юбилейная V Международная научно-практическая конференция «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность», посвященная 100-летию Кубанского государственного университета. Конференция является ежегодной традиционной площадкой для обсуждения актуальных вопросов теории права и его реализации. В этом году в условиях режима повышенной готовности в очной и дистанционной формах участие в

конференции приняли более 50 юристов-теоретиков и представителей различных юридических профессий из России и ряда зарубежных стран (Республика Беларусь, Республика Молдова, Республика Азербайджан, Приднестровская Молдавская республика, Республика Казахстан, Латвийская Республика). Соорганизаторами конференции выступали к.ю.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, доцент Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академик международной академии информатизации Межибовская Ирина

Владимировна и директор института государства и права КазНУ им. аль-Фараби, председатель Казахстанской ассоциации международного права, доктор рНD, к.ю.н., доцент Салимгерей Арон Аманжолович.

Участниками конференции традиционно стали представители правоохранительных органов, судейского сообщества, адвокатуры.

С приветственными словами к участникам конференции выступили заместитель декана по научной работе юридического факультета им. А.А. Хмырова КубГУ, доктор юридических наук, профессор Лупарев Е.Б., доктор юридических наук, председатель оргкомитета конференции Адыгезалова Г.Э.

Кандидат юридических наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби, доцент Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академик международной академии информатизации **Межибовская И.В.** в своем вступлении рассмотрела проблемы реализации принципа законности в Конституции Республики Казахстан на примере функционирования Конституционного Совета Республики. Она отметила, что серьезные ограничения в перечне субъектов обращения в данный государственный орган и в классификаторе его полномочий, значительно урезают кадастр конституционных прав и свобод граждан. Ею были представлены предложения по совершенствованию конституционных гарантий в Республике Казахстан.

В своем докладе «Эволюция теории права в российском юридическом (доктринальном) пространстве XX в.: некоторые аспекты» кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института Всероссийского государственного университета юстиции **Апольский Е.А.** проанализировал аспекты, связанные с эволюцией теории права в советской юридической науке в XX в. Предметом исследования выступили квалификационные работы – диссертации по специальности 12.00.01., защищенные ведущими теоретиками права в рассматриваемый период. Автор отметил, что в своей совокупности именно диссертационные правовые учения послужили базой для создания системы достоверных, логически и эмпирически доказанных, систематизированных, обоснованных и проверяемых знаний о праве, как ключевом историческом и социокультурном институте. На примере диссертаций по методологии права автор обосновывал необходимость дальнейшей разработки всего диссертационного

юридического дискурса с целью формирования практически-ориентированного банка данных научных результатов, полученных советскими правоведами. Указанное направление полностью отвечает запросу общества на цифровизацию знаний о праве.

Кандидат юридических наук, директор института государства и права КазНУ им. аль-Фараби **Салимгерей А.А.** в своем докладе «Государственно-правовое регулирование антиэйджинга в Республике Казахстан» подчеркивал необходимость совершенствования законодательства с целью решения такой сложной и актуальной для всего человечества задачи, как замедление процесса старения организма человека. В качестве одной из значимых задач ученый обозначил создание в государстве условий для поддержания активного долголетия и здорового продуктивного старения.

Докладчик пришел к выводу о том, что нормативные правовые акты, регулирующие обеспечение прав граждан, не содержат дискриминационных норм, затрагивающих прав пожилых людей. При этом особенность законодательства Казахстана состоит в том, что фактически в Казахстане не актуализируется возрастная дифференциация населения, за исключением детей и молодежи.

Адыгезалова Г.Э. обозначила необходимость дальнейшего глубокого изучения принципа законности в условиях конституционно-правовой реформы, утвердившей приоритет Конституции РФ в системе источников права, а также ориентации на идеи социальной солидарности.

Сообщение **Виноградовой Д.Ю.** «Особенности взимания налогов в Бессарабии до вхождения территории в состав Российской империи» было посвящено анализу налогообложения населения Бессарабии в составе Молдавского княжества и до вхождения бессарабских земель в состав Российской империи. Автор рассмотрела особенности налогообложения населения Бессарабии, учитывая определенную специфику податной системы, обусловленную усиленным воздействием Порты.

В своем выступлении «Негласные (теневые) нормы в правовой действительности России» доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», **Дзидзоев Р.М.** обратил внимание на некоторые явления в российской правовой действительности, влияющие на поведение людей и имеющее устойчивую закономерность. Речь шла, в

частности, об установлениях в публичных сферах, исходящих от высших инстанций и высокопоставленных должностных лиц, которые подчиненным персоналом воспринимаются в несколько искаженном виде, как обязательные, требующие безусловного исполнения. Негласные должностные указания, таким образом, могут приобретать регулятивный характер, формируя стереотипы поведения.

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета имени А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» **Жинкин С.А.** в своем выступлении «Некоторые современные социальные аспекты эффективности права и правового регулирования» рассмотрел вопросы, связанные с исследованием социальных аспектов эффективности в праве. По мнению докладчика, социальные аспекты эффективности имеют важнейшее значение для обеспечения развития правовой системы и результативности государственной политики. Эффективность права как понятие должна быть наполнена реальным социальным смыслом. Под эффективностью права понималось прежде всего то социальное развитие и самовыражение индивида, та степень социальной самореализации личности, которая обеспечивает право в соответствующем культурно-историческом контексте. В оживленную дискуссию по теме эффективности с выступающим вступил старший прокурор отдела государственных обвинителей прокуратуры Краснодарского края Демьяненко В.А., так как тема его доклада «Критерии справедливости и соразмерности уголовного наказания: практический аспект» имела пересекающиеся положения.

Старший юрист ТОО «QuattroService» из Казахстана **Калингер И.В.** в докладе «Последствия и ответственность при недобросовестном поведении должника в процедуре банкротства: сравнительный аспект Казахстан и Россия» проанализировал современное законодательство о банкротстве и ответственность за недобросовестное поведение должника в процедуре банкротства. Автор провёл сравнительную параллель между законодательной системой Российской Федерации и Республики Казахстан, выявив общее и особенное в подходах при назначении наказания за преднамеренное банкротство. Выступление было подкреплено обзором судебной практики. Одним из двигателей расширения масштабов банкротства в мире были

названы события, связанные со всемирной пандемией Covid-19.

Доктор юридических наук профессор **Карнаушенко Л.В.** отметил, что государство в XXI в. находится в противоречивом положении. С одной стороны, наднациональные структуры глобального миропорядка оказывают определенное воздействие на государство, особенно в экономической и культурной сферах. С другой стороны, политические основы суверенитета национального государства в целом сохраняются. Вместе с тем, в условиях глобального общества социальные процессы носят высокодинамичный характер, вследствие чего государственное управление испытывает устойчивую потребность в постоянном мониторинге на основе первичной эмпирической информации, что не всегда осуществляется на практике. Таким образом, по мнению автора, усиливаются риски снижения эффективности государственного управления и, в целом, института государства.

Доклад ассоциированного профессора Балтийской Международной академии, Dr.iur **Сумбаровой М.В.** «Правовое положение подозреваемого в латвийском уголовном процессе» был посвящен вопросам характеристики участника уголовного процесса - подозреваемого, сущности его прав и обязанностей на стадии досудебного уголовного процесса, значению его роли в расследовании уголовных дел. Подозреваемый в Латвии наделён достаточно широким объёмом процессуальных прав и обязанностей, однако, автор предложила следующие формулировки прав подозреваемого Латвии: «Права человека могут быть ограничены лишь в тех случаях, когда этого требует соображения общественной безопасности с учетом характера и опасности преступного деяния, и лишь при наличии оснований, соблюдении условий, в пределах, и в порядке, установленном настоящим Законом»; «Право предоставлять доказательства и иные материалы для приобщения к уголовному делу»; «Право получить оправдание в случае неподтверждения подозрения».

В докладе «Допустимость доказательств как одна из проблем доказывания в гражданском процессе» **Бобровская А.Ю.** обозначила одну из ключевых проблем доказывания в гражданском процессе, а именно — проблему допустимости свидетельских показаний в случае несоблюдения сторонами установленной законом простой письменной формы сделки.

Мамий Е.А. обозначила практические проблемы в деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей, связанные с его

участием в правовом регулировании помощи бизнесу в условиях пандемии.

По мнению автора доклада «Реализация принципа законности при производстве по делам об административных правонарушениях» кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» **Ярыш В.Д.**, важнейшим конституционным принципом процессуального права является принцип законности, поэтому необходимо особое внимание уделить практике его реализации. Сделанный анализ показал, что сроки административного расследования могут нарушаться, недопустимые и/или неотносимые доказательства кладутся в основу судебных актов, в протоколе об административном правонарушении может не указываться событие административного правонарушения, в материалах дела иногда отсутствуют и не представляются на обозрение суду оригиналы письменных доказательств и др.

Кандидат юридических наук, доцент **Фарон Т.В.** представила обзор мнений зарубежных юристов о судебной реформе в РФ.

Кандидаты юридических наук, доценты кафедры конституционного и муниципального права **Ковтун О.А.** и **Терещенко Н.Д.** сообщили о проблемах развития в свете современной конституционной реформы теоретических и правовых основ формирования и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Были представлены результаты исследования соответствующих конституционных норм, норм федеральных и региональных законов, регламентирующих общественные отношения в области организации органов публичной власти. Обоснован вывод о необходимости унификации данных норм, о создании эффективного правового механизма их реализации, сформулированы конкретные предложения.

В своем докладе аспирант **Высоцкая Л.П.** обратилась к актуальным вопросам, связанные с отражением и конкретизацией в современном российском законодательстве принципа ответственности государства перед обществом и личностью как важнейшего принципа правового государства.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права **Ефименко Л.А.** рассмотрела особенности просветительской функции детского правозащитника в Российской Федерации.

В докладе кандидата юридических наук, доцента кафедры конституционного и муниципального права **Курычей М.М.** раскрыто

понятие гражданственности как сложного многокомпонентного феномена, обеспечивающего стабильное развитие современного гражданского общества. На примере социально-просветительского проекта «Знаю Конституцию России» рассмотрен способ формирования правосознания и гражданской активности во взаимодействии студентов и школьников.

Кандидат юридических наук **Паршина Н.В.** в своем докладе «Правовое регулирование юридического образования в Российской империи на примере университетских реформ (вторая половина XIX в.)» описывала нормативно-правовое закрепление статуса юридических факультетов в университетских Уставах 1863 г. и 1884 г. Было отмечено, что во второй половине XIX в. законодатель шёл по пути усовершенствования качества их функционирования за счет расширения количества преподаваемых дисциплин. Вместе с тем, к концу XIX в. внутреннее самоуправление в университетах было законодательно ограничено. Однако, именно в указанный период юридическое образование приобрело статус обязательного для отдельных категорий государственных служащих, в том числе, отправляющих правосудие.

В сообщении **Саликовой С.В.** была затронута проблема отражения в современном законодательстве субъектов Российской Федерации принципа охраны и поддержки этнической и культурной самобытности.

Адвокат **Хмыров Р.В.** в докладе «Использование адвокатом диктофона при производстве следственного действия» исследовал проблему конфликтной ситуации между адвокатом–защитником и следователем, связанную с неурегулированностью в российском уголовно-процессуальном законодательстве права адвоката производить аудио-фиксацию хода следственного действия. Использование аудиозаписи, по его мнению, позволило бы реализовать право на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, ведь право на защиту является одним из основных прав человека и гражданина оно признается и гарантируется не только статьями 17, 45, 46, 48, 123 Конституцией РФ, но и общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации.

Старший преподаватель кафедры международного права УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» **Ходакова А.А.** отметила, что одним из важнейших прав граждан

наряду с другими экологическими правами (например, такими как «право на благоприятную окружающую среду», «право на участие общественности в принятии экологически значимых решений») понимается право на доступ к «экологической информации». Был представлен обзор нормативного закрепления «экологической информации» в законодательстве Республики Беларусь.

Кандидат философских наук **Чупрова А.А.** и магистрант **Попова О.С.** рассмотрели правовые аспекты регионального правотворчества, регламентирующего охрану воинских захоронений (на примере Краснодарского края). Авторы обратились к проблеме обеспечения единства законодательства РФ в этой сфере, а также к практике разграничения полномочий. Высказаны предложения по совершенствованию регионального законодательства в части порядка оформления прав на земельный участок, занятый воинским захоронением и определения границ воинских захоронений.

Бардеев К.А. в докладе «Сравнительный анализ судебной практики по ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса РФ» представил проблематику судебной практики, по, так называемой, «пыточной» ст. 286 Уголовного кодекса РФ «Превышение должностных полномочий». Выборочный пример приговоров судов, показал сложившуюся практику назначения наказания сотрудникам органов внутренних дел либо по нижнему пределу, либо в виде условного лишения свободы. Обращение к этико-философской проблеме пыток (на примере работ американского профессора права Орена Гросса) позволило осветить аспект проблемы пыток, связанный с отношением к данному вопросу в обществе, что выражается в том, что чаще всего социум допускает возможность применения пыток, если они способствуют спасению многих жизней.

Кандидат юридических наук, адвокат **Бутенко Е.В.** указал на то что, конкуренция норм о подсудности исков о правах на недвижимое имущество возникла из наличия соответствующей процессуальной нормы в процессуальном законе и одновременного существования процессуальной нормы о подсудности таких исков в материальном законе. Последняя процессуальная норма, помещённая в материальный закон, является специальной нормой по отношению к процессуальной норме в процессуальном законе, а потому обладает большей юридической силой. Однако, суды не всегда учитывают норму большей юридической

силы при решении вопроса о принятии искового заявления к производству.

Доктор юридических наук, профессор **Бутько Л.В.** и кандидат юридических наук **Лепешкина О.В.** обратились к проблеме обоснования признаков, сущностных и процессуальных особенностей конституционных изменений в контексте их концептуального обновления и категориального объяснения, допустимости и возможности их признания с учетом современной конкретно-исторической ситуации.

Доклад **Ермошиной С.И.** «Зоны затопления: проблемы использования участка по целевому назначению» был посвящен правовым особенностям владения и пользования земельными участками, отнесенными к территории с особым видом разрешенного использования. В качестве особого вида использования обозначена зона затопления (возможного катастрофического затопления), порядок ее установления.

В сообщении адвоката **Кабанова Р.С.** «Жизнь без бумаги: правовое регулирование электронно-цифровой реальности» представлен анализ понятия электронного документа и правового регулирования электронного документооборота в Российской Федерации, которые имеют большое практическое значение в условиях цифровизации повседневной жизни.

В сообщении «К вопросу о роли Организации Объединенных Наций в современной международной системе» кандидатом юридических наук, доцентом кафедры гражданского процесса и международного права **Малиновским О.Н.** подчеркивалась ведущая роль ООН и её Устава в современной международной системе. Автор констатировал, что СССР не только стоял у истоков создания ООН, но и ценой победы над фашизмом сделал возможным само её существование, а принятие Устава ООН заложило основы международного правопорядка и стало новым этапом в прогрессивном развитии как международной системы в целом, так и международной нормативной системы, в частности. Отмечено следующее: появление в международной системе такого ключевого акта, как Устав ООН, привело к формированию системы ООН; большинство базисных договоров современности, являющихся источниками отраслей и институтов современного международного права, было принято под эгидой ООН или её специализированных учреждений. Подчеркивалось, что ООН, отмечающая в 2020 г. своё 75-летие, продолжает оставаться главным межгосударственным объединением

универсального уровня, не имеющим аналогов и альтернатив, а Устав ООН — уникальным договором, занимающим высшее положение в иерархии источников современного международного права.

Доклад старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» **Михель Д.Е.** был посвящен проблемам классификации правовых систем современности относительно критериев и форм систематизации правовых общностей, которые формируют группы схожих правовых систем. Кроме того, анализируется актуальность для современных сравнительно-правовых исследований таких базовых категорий классификации правовых систем как правовая семья и правовая традиция.

Кандидат юридических наук, доцент **Кич И.С. и Никитина О.С.**, опираясь на работы ученых, оспорили положение о том, что государства Древнего Востока, наряду с Древней Грецией и Римом, относятся к единому типу рабовладельческого государства. В работе показано, что, в силу природно-климатических условий и предопределенного ими типа ирригационного земледелия, в государствах Древнего Востока не могла господствовать

частная собственность на землю и рабочую силу.

В докладе «О трансформации требований участников долевого строительства в делах о банкротстве застройщика» доцента кафедры теории и истории государства и права **Ковалевой Ю.Н.** были рассмотрены частные случаи установления требований в делах о банкротстве застройщиков. Речь шла о трансформации требований участников долевого строительства из денежных в требования о передаче жилых помещений. Судебная практика по данному вопросу не является однозначной, однако автор, проанализировав её, пришла к выводу о положительной тенденции — удовлетворение судами таких требований, что соответствует принципу защиты непрофессиональных инвесторов-кредиторов и конституционному праву на жилище.

В рамках конференции были заслушаны и другие сообщения. Многие доклады вызвали оживленную дискуссию, в которой активное участие принимали ученые, преподаватели, практикующие юристы, обмениваясь своим опытом. Конференция позволила выявить наиболее острые вопросы в научно-исследовательской и практической юридической деятельности.

Список цитируемой литературы:

1. Адыгезалова Г.Э. Правовые семьи современности: исторические корни, основные черты и некоторые правовые институты: учеб. пос. М., Берлин, 2020.
2. Adygezalova G.E., Zhinkin S.A., Faroi T.V., Zhbyr O.N., Kich I.S. Implementation of regulatory impact and regulatory function of the law in modern Russia // Opcion. 2019. T. 35. № 19 (спецвыпуск). С. 2836-2846.
3. Adygezalova G.E., Faroi TV, Mikhel D.E, Lukozhev H.M. Judicial debate in criminal proceedings as a way of expressing the interests of the parties to the conflict // Revista inclusiones. T. 7. C. 319-327.
4. Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017.
5. Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2019.

The list of the quoted literature:

1. Adygezalova G.E. Legal families of our time: historical roots, main features and some legal institutions: textbook. M., Berlin, 2020.
2. Adygezalova G.E., Zhinkin S.A., Faroi T.V., Zhbyr O.N., Kich I.S. Implementation of regulatory impact and regulatory function of the law in modern Russia // Opcion. 2019. Vol. 35. Special Issue 19. P. 2836- 2846.
3. Adygezalova G.E., Faroi TV, Mikhel D.E, Lukozhev H.M. Judicial debate in criminal proceedings as a way of expressing the interests of the parties to the conflict // Revista inclusiones. Vol. 7. P. 319-327
4. Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: materials of the II International scientific and practical conference. Krasnodar, 2017.
5. Life of law: legal theory, legal tradition and legal reality: materials of the IV International scientific and practical conference. Krasnodar, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Адыгезалова Г.Э.</i> Восточная деспотия в странах Древнего Востока: к вопросу о проблеме взаимодействия общества и государства	2
<i>Жинкин С.А., Высоцкая Л.П.</i> Принцип ответственности государства, его аспекты и их нормативное закрепление в законодательстве современной России	8
<i>Саликова С.В.</i> Некоторые особенности нормативного отражения принципа законности в современном законодательстве субъектов РФ	13

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Чаннов С.Е.</i> Перераспределение полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальными образованиями: правовые и экономические аспекты	18
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНО ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Зарапина Л.В., Зверюкова Е.А.</i> О проблемах правового статуса индивидуального предпринимателя	26
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Петровский А.В.</i> Доверие между полицией и представителями общества в парадигме предупреждения преступлений: европейский опыт	33
--	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Гладышева О.В.</i> Ответственность следователя	39
<i>Костенко Р.В.</i> Процессуальные действия как способ проверки доказательств в уголовном судопроизводстве	44
<i>Меркулов С.Н., Панько Н.А.</i> Дистанционное участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве	49
<i>Никитина С.В.</i> Формы доказательственной деятельности судьи в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства (теоретический аспект)	55
<i>Титков А.В.</i> Промежуточные и итоговые судебные решения в уголовном судопроизводстве: проблемы квалификации и их решения	61

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Балугина Т.С., Бондаренко Ю.А.</i> Установление и поддержание психологического контакта как условие допроса	67
<i>Руденко А.В., Лозовская Н.Н.</i> Особенности производства отдельных следственных действий по делам о незаконном обороте наркотиков	72
<i>Усенко А.С.</i> Использование специальных знаний на первоначальном и последующей этапах расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности	77

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Добробаба М.Б.</i> Служебная деликтология как новое научное направление административной деликтологии	84
<i>Солдатов А.П.</i> О новом подходе к определению полномочий органов внутренних дел (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях	90

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

<i>Адыгезалова Г.Э., Ковалева Ю.Н.</i> Обсуждение актуальных проблем теории права и реализации права	97
--	----